

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

Ю. В. АНДРЕЕВ

РАННЕ- ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

(гомеровский период)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД, 1976

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Монография посвящена остро дискуссионному вопросу о происхождении раннегреческого полиса. Работа написана на основе археологического материала, с одной стороны, и свидетельств гомеровских поэм - с другой.

Монография рассчитана на преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся античностью, и на всех интересующихся историей Древней Греции.

Рецензенты: доц. *А. И. Зайцев*, доц. *Э. Д. Фролов*

ОТ АВТОРА

Среди множества вопросов, стоящих перед историками античного мира, особое, можно сказать ключевое положение занимает вопрос о полисе, его происхождении, характере и исторической роли. От его решения во многом зависит правильное понимание целого ряда важных моментов в истории античной (греко-римской) цивилизации. Само слово «полис» имело в греческом языке, из которого оно перешло в языки современных европейских народов, три различных значения: 1) город, 2) государство; 3) гражданская община. В сознании греков все эти три понятия, как правило, сливались в единое понятие города-государства.

Возникнув на заре греческой истории, полис сразу же стал мощным фактором дальнейшего экономического и культурного прогресса рабовладельческого общества. Объединившись в полисные общины, греки сумели далеко опередить в своем развитии соседние «варварские» народы. Полисный строй блестяще оправдал себя в тяжелую годину греко-персидских войн, наглядно продемонстрировав свое превосходство над громоздкой и неуклюжей машиной восточной деспотии. Только в условиях полисной демократии стал возможен тот расцвет культуры и искусства, который составляет отличительную черту так называемого «классического» периода греческой истории (V—IV вв. до н. э.). Являясь оптимальной формой политической организации класса рабовладельцев, полис обладал большим запасом жизнестойкости и, постепенно видоизменяясь, продолжал оставаться неотъемлемым элементом античной цивилизации на всех этапах ее исторического развития.

Среди советских историков интерес к проблеме полиса особенно оживился в последние годы. Можно назвать целый ряд интересных и содержательных работ на эту тему, опубликованных в недавнее время. Среди них статьи и книги С. Л. Утчен-

ко, К. М. Колобовой, Е. М. Штаерман, Л. М. Глускиной, Э. Д. Фролова и других авторов. В их исследованиях убедительно раскрыта специфика полиса как особой формы античного государства, дан всесторонний марксистско-ленинский анализ основных факторов, обусловивших кризис полисного строя в Греции и Риме и его последующий упадок и вырождение.

Необходимо, однако, отметить, что разработка круга вопросов, связанных с полисом, идет пока очень неравномерно. Сконцентрировав все свое внимание на поздних, хорошо освещенных в источниках этапах развития города-государства, советские исследователи сравнительно редко обращаются в своих работах к гораздо менее ясному для нас периоду его становления. Между тем в чисто теоретическом плане для правильного понимания природы полиса проблема генезиса имеет не меньшую значимость, чем вопросы кризиса и упадка.

Предлагая вниманию читателя книгу, посвященную остро-дискуссионному вопросу о происхождении раннегреческого полиса, автор надеется, что ему удастся в какой-то мере восполнить весьма ощутимый в настоящее время недостаток в специальных исследованиях по этой важной теме. Настоящая монография не претендует на всестороннее и исчерпывающее раскрытие всего комплекса проблем, связанных с эпохой становления полиса. Хронологические рамки нашего очерка ограничиваются XII—VIII вв. до н. э. Этот период почти не освещен в позднейшей исторической традиции. Поэтому в своей работе мы опирались главным образом на археологический материал и свидетельства гомеровских поэм.

ВСТУПЛЕНИЕ

ГОМЕР И ИСТОРИЯ

Для каждого исследователя, изучающего раннегреческое общество и его институты, источником первостепенной важности являются две поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Источник этот в высшей степени сложен, специфичен и требует поэтому сугубой осторожности в обращении. Перевод поэзии на язык конкретной политики или экономики всегда таит в себе немало трудностей для историка. Историческая интерпретация гомеровских поэм помимо обычных затруднений, возникающих в таких случаях и вытекающих из условности и обобщенности поэтического языка, из избирательности поэтического видения мира, отсутствия строгой логической последовательности в поэтическом повествовании и других чисто художественных особенностей произведения такого плана, встречает на своем пути и еще одно трудно преодолимое препятствие. Дело в том, что ученые до сих пор еще не могут сказать со всей определенностью, на какую историческую реальность ориентировался Гомер, изображая Троянскую войну и другие связанные с ней события, и что следует понимать под так называемым «гомеровским периодом». Сам этот вопрос возник в конце прошлого века в непосредственной связи с великими археологическими открытиями Г. Шлимана.

Побуждаемый искренней любовью к Гомеру и азартом прирожденного кладоискателя Шлиман сумел реабилитировать «Илиаду» и «Одиссею» в глазах европейской науки, показав, что наряду с элементами вымысла, мифа в них есть и элемент саги, т. е. подлинной исторической традиции. Раскопки Шлимана наглядно продемонстрировали историческую подлинность важнейших политических центров, фигурирующих в эпосе: Трои, Микен, Тиринфа, Орхомена, после чего появилась возможность говорить и о реальности запечатленных в поэмах событий из истории «Героического века» и прежде всего о ре-

альности самой Троянской войны.² В ряде случаев обнаружилось удивительное сходство между отдельными эпическими реалиями и предметами, найденными во время раскопок. Так, знаменитый в рост человека щит Аякса оказался изображенным как клин бронзового кинжала из IV шахтовой могилы в Микенах, украшенном сценой охоты на львов. Остатки шлема из клыков вепря, обнаруженные в той же могиле, живо напомнили описание такого же шлема в X песни «Илиады», а найденный здесь же золотой кубок с двумя ручками, украшенными фигурками голубей, невольно ассоциировался с воспетым поэтом «двоедонным» кубком Нестора.³

Аналогии такого рода, а их число при желании можно было и увеличить, заключали в себе немалый соблазн для историка, предлагая, казалось бы, простой и ясный ответ на вопрос о историческом «подтексте» гомеровской эпопеи. Держась за ниточку археологических ассоциаций, нетрудно было прийти к выводу, что открывая Шлиманом микенская или, как позднее ее стали называть, крито-микенская культура это и есть гомеровская культура в собственном значении слова, а сам Гомер, если и не был современником Троянской войны, то жил во всяком случае спустя короткое время после нее и как придворный бард воспевал для ахейских или ахейско-ионийских владык славные подвиги их отцов и дедов, идя, как принято говорить, «по горячим следам» недавних событий. В нарочито парадоксальной форме эта мысль была сформулирована А. Эвансом в его известном высказывании о Гомере: «Гомер, собственно говоря, был переводчиком, и иллюстрированное издание его оригинала недавно вышло в свет на Крите и в Микенах; коротко говоря, он обрабатывал более древний минойский эпос».⁴

Романтическая погоня за микенскими реминисценциями в эпосе, которой со страстью отдавались многие, в особенности английские, исследователи Гомера, в конце концов должна была уступить место трезвому и всестороннему анализу текста поэмы во всеоружии современной историко-филологической критики. Систематическое изучение материальной культуры и быта гомеровских героев сквозь призму археологии, начатое в конце прошлого века основополагающими трудами немецких ученых Гельбига и Рейхеля, было продолжено в нынешнем столетии М. Нильссоном, Шадевальдтом, Лоример, Уэбстером и др.,⁵ и в настоящее время уже принесло свои ощутимые плоды. Благодаря проделанной этими исследователями скрупулезной работе стала ясна историческая сложность, многосоставность той культурной среды, в которой развивается действие обеих гомеровских поэм. Наряду со сравнительно немногочисленными предметами, бесспорно, микенского происхождения, вроде щита Аякса или шлема Мериона, эта среда включает в себя и много других элементов, не имеющих никаких аналогий среди микенского археологического материала и,

следовательно, принадлежащих более позднему времени. Сюда можно отнести упоминания об оружии и орудиях, изготовленных из железа, метательные копья, по-видимому, еще неизвестные в микенское время, упоминания о храме и о статуе божества, исполненной в натуральную величину. Несомненно позднего происхождения безраздельно преобладающий в эпосе обычай кремации умерших, а также те пассажи Одиссеи, в которых фигурируют финикийцы (они едва ли могли появиться в водах Эгейского моря ранее IX в. до н. э.).⁶ С другой стороны, такие важные элементы микенской цивилизации, без которых мы теперь не можем себе ее представить, как обнесенные мощными циклопическими стенами цитадели ахейских династий, их монументальные усыпальницы с купольным сводом, фресковая живопись, водопровод и канализация во дворцах, мощеные дороги с мостами, наконец, линейное слоговое письмо остаются вообще вне поля зрения эпического поэта, как если бы он ничего не знал о их существовании. «Гомер и археология быстро расходятся, — замечает современный англо-американский исследователь Финли. — В целом ему было известно, где процветала микенская цивилизация, а его герои жили в больших дворцах эпохи бронзы, неведомых во времена самого Гомера. И это фактически все, что он знал о микенской эпохе...».

В полной мере это расхождение между свидетельствами эпоса и показаниями микенской археологии было осознано лишь после того, как были прочитаны первые таблички пилосского и кносского архивов. Вырисовывающиеся в этих документах контуры бюрократического государства с его централизованной экономикой, иерархией сословий, широко разветвленным фискальным аппаратом резко контрастируют, с почти первобытной простотой жизни и нравов гомеровских героев. Элементарные житейские ситуации, в которые поэт ставит своих персонажей: публичная ссора двух царей; препирательство царя с простолюдином на народном собрании; пиры, участники которых сами готовят свою трапезу, а затем вкушают ее за одним столом с рабами и нищими; царь, лично надзирающий за работой на своем наделе или даже сам работающий на нем, — все это, конечно, не имеет ничего общего с тем приподнятым над обыденностью, насквозь ритуализированным бытом микенской дворцовой элиты, который угадывается за скупыми текстами табличек. Зато сцены такого рода были бы вполне уместны в патриархальной среде той примитивной семейно-родовой общины, которая, судя по всему, оставалась господствующей формой социальной и политической организации на протяжении всего так называемого «Темного века» греческой истории (XI—IX вв. до н. э.). Очевидно, микенская цивилизация как Целое была чужда и непонятна эпическому поэту, как давно забытое прошлое. Чисто автоматически воспроизводя в своем

повествовании отдельные и, можно сказать с уверенностью, случайные приметы этой эпохи, он обнаруживает явную неспособность постичь ее специфику, ее историческое своеобразие.

В свете всех этих фактов концепция «микенского Гомера», время от времени всплывающая на страницах как зарубежной, так и отечественной литературы, должна быть отнесена к разряду научных курьезов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Абсолютное большинство специалистов по «гомеровскому вопросу» склоняется в настоящее время к тому мнению, что известные нам «Илиада» и «Одиссея» не могли сложиться ранее VIII в. до н. э. или, говоря археологическим языком, до начала периода зрелого геометрического стиля (эпоха дипилонских ваз), что не исключает, впрочем, и отдельных вкраплений, относящихся к еще более позднему ориентализирующему периоду.¹⁰ Признавая все это за очевидную истину, мы не можем, однако, игнорировать и наличие в тексте поэм ряда ранних элементов, восходящих частью к «Темному веку», частью к еще более ранней микенской эпохе, и должны так или иначе объяснить их происхождение. В своем понимании природы гомеровского эпоса и характера его генезиса почти все современные филологи независимо от их «партийной» принадлежности как представители лагеря «разделителей», так и последовательные «унитарии» исходят из одной общей посылки, которую можно определить как «концепцию устного поэтического творчества» (oral poetry).¹¹ Согласно этой концепции Гомер¹² является замыкающим звеном в длинной цепи поэтов-сказителей (аэдов), с незапамятных времен воспевавших подвиги героев Троянской войны, не прибегая к письменному тексту. Есть основания считать, что устная поэтическая традиция, образующая фундамент гомеровских поэм, ту питательную среду, в которой они обе возникли и сформировались, уходит своими корнями в глубь веков, достигая того времени, когда, согласно подсчетам археологов, должна была погибнуть реальная Троя (примерно, середина XIII в.), а возможно, и еще более отдаленного прошлого. Подобно мощному насосу, героическая поэзия в своем развитии извлекала из глубин греческой истории и выносила на поверхность отложившиеся в тексте поэм и образующие его древнейшие исторические пласты формулы, образы, мотивы.

Определенный процент в этом «осадке» должны, по-видимому,¹⁴ составлять формулы и мотивы микенского происхождения. Однако несмотря на то, что теоретически вероятность сохранения в эпосе исторической информации, восходящей к микенской эпохе, несомненно, существует, на практике всегда бывает достаточно трудно выявить ее в тексте поэм и отделить от материала, привнесенного в другое более позднее время. Ясно выраженные микенские реминисценции, вроде уже упоминавшегося шлема из клыков вепря, встречаются у Гомера

крайне редко как своеобразные поэтические окаменелости, чудом уцелевшие в чуждой им культурной среде. Как правило, эксперименты по расчленению гомеровского текста на разновременные культурно-исторические слои наталкиваются на упорное сопротивление самого языка поэм, в котором старые (ахейско-эолийские) и новые (ионийские) формы слов тесно связаны между собой, образуя, по определению английского филолога Кёрка, своего рода лингвистическую амальгаму.¹⁵ Но амальгама лингвистическая предполагает как свое естественное дополнение сплав разновременных культурных слоев — cultural amalgam, по выражению того же Кёрка.¹⁶ Действительно, внимательный анализ показывает, что элементы материальной и духовной культуры, религиозные верования и политические воззрения, принадлежащие к различным историческим эпохам, постоянно переплетаются в эпосе, порождая сложные, а подчас причудливые и парадоксальные комбинации. При этом более ранние напластования трансформируются под воздействием более поздних, до известной степени уподобляясь им.

Эпическая картина мира включает в себе немало анахронизмов. Иногда один и тот же предмет соединяет в себе, казалось бы, несоединимые черты и признаки, заимствованные у совершенно различных и в разное время существовавших предметов.¹⁷ Так, микенский «башнеподобный» щит (body-shield) в некоторых случаях сливается с более поздним круглым щитом (например, щит Гектора в II. VI, 117 сл.). Одинокое копье для ближнего боя в одних и тех же сценах варьируется с парой метательных (так, в II. XXII, 273 слл.). Явной печатью анахронизма отмечено описание дворца Одиссея во второй гомеровской поэме. С типичной для микенских дворцов Пелопоннеса (прежде всего Пилоса и Тиринфа) планировкой в нем мирно уживаются такие, безусловно, поздние детали, как земляной пол и деревянные стены.¹⁸ Догадываясь о расположении комнат в царском жилище, Гомер явно неспособен представить себе его внешний облик. Поэтому он нигде не упоминает о настенной живописи и мозаичных полах, о домашних святилищах и водопроводе. Ему неизвестно, что дворец микенского царя не мог стоять прямо на городской улице, как дом Одиссея, а был отделен от внешнего мира мощным кольцом циклопических стен. Такое соединение точного знания о прошлом с абсолютным невежеством способно поставить в тупик человека, незнакомого с формульной техникой народной эпической поэзии.

Именно формула, т. е. стандартная, неизменно повторяющаяся в сходных условиях группа слов (иногда даже целый кусок текста), является основным структурным элементом эпического повествования и вместе с тем выполняет функцию конденсатора и передатчика исторической информации, посту-

пающей таким образом из «нижних этажей» устной поэтической традиции в самые верхние.¹⁹ При этом, однако, эпическая формула, как это было отмечено в ряде недавно опубликованных специальных работ по вопросам поэтической техники Гомера, вовсе не является чем-то абсолютно застывшим и однозначным. Во многих случаях она обнаруживает удивительную пластичность, легко приспосабливаясь к совершенно чуждому для нее контексту и меняя тем самым свой первоначальный смысл.²⁰ Конечно, точная подгонка формулы к месту не всегда оказывается возможной. Отсюда многочисленные логические неувязки и противоречия в тексте поэм, в том числе и анахронистического характера. Переходы с одного временного уровня на другой постоянно происходят в эпосе по ходу развития сюжета, и сам поэт, по-видимому, далеко не всегда отчетливо сознает это. Тем не менее, несмотря на свою внутреннюю гетерогенность картина жизни «Героического века» в поэмах оставляет впечатление чего-то цельного, монолитного. Разнородность используемого поэтом фольклорного материала, как правило, ускользает от внимания читателя, что находит свое объяснение прежде всего в искусной компановке и строгом отборе этого материала, а также и в известной его переработке. Во всем этом проявляется авторское вмешательство самого Гомера в стихийный и, казалось бы, неуправляемый процесс²¹ эпического стихосложения, его организующая творческая воля.

Отбор традиционного материала в поэмах идет по двум основным направлениям, которые условно можно определить как «архаизирующее» и «модернизирующее». Для того чтобы создать у слушателя или читателя ощущение исторической дистанции, отделяющей его от описываемых событий, Гомер отчасти по собственному усмотрению, отчасти следуя, вероятно, унаследованной от предшественников системе поэтических запретов, упорно избегает всего, что могло нарушить совершенно обязательную в рассказе о героическом прошлом иллюзию отстраненности. Так можно объяснить почти полное исключение из обихода героев поэм железного оружия, рыбной и молочной пищи, верховой езды и т. д. Среди племен и народов, фигурирующих в эпосе, дорийцы и ионийцы упоминаются лишь эпизодически, как новопришельцы, не имеющие прямого отношения к поколению героев. Почти совершенно игнорируются в поэмах такие очевидные (для VIII в. до н. э.) новшества, как Олимпийские игры, рост влияния Дельфийского оракула, изобретение нового алфавитного письма, основание новых колоний на Западе и т. п.²²

Однако эта нарочитая архаизация уравнивается и даже перевешивается в гомеровской эпопее тенденцией противоположного характера, выражающейся в бессознательном «осовременивании» прошлого, в постоянном переосмыслении и

наполнении новым содержанием традиционных тем и образов древней героической поэзии.²³ Несмотря на встречающиеся в эпосе элементы исторической рефлексии, мышление Гомера в целом антиисторично. Прошлое в сознании поэта никогда не бывает резко отделено от настоящего. Вместе они образуют некий временной континуум, в котором весь мир, за исключением самих героев, отличающихся во многом от своих отцов и дедов, пребывает в более или менее статичном состоянии. Иначе говоря, история воспринимается Гомером только как смена человеческих поколений, но не как процесс социального и культурного развития.²⁴ Собственно исторические факты, находящиеся за рамками повседневного опыта современников поэта и, следовательно, не «вписывающиеся» в созданную им картину неизменного мира, либо просто устраняются из эпического рассказа, либо получают в нем совершенно иное освещение, приближенное к понятиям современной аудитории. Поэтому на карте гомеровского мира мы не находим, например, давно исчезнувшего Хеттского царства, хотя в микенских сагах²⁵ Троянской войне оно, вероятно, упоминалось неоднократно. Зато Египет, который продолжал оставаться для греков неотъемлемой частью окружающей их ойкумены, является местом действия нескольких любопытных эпизодов «Одиссеи». Вероятно, по этой же причине в эпосе отсутствуют развернутые описания сражений на колесницах (герой обычно только подъезжает на колеснице к месту боя, сражается же, сойдя на землю), хотя в микенской поэзии сцены колесничных схваток были, по-видимому, одним из широко распространенных общих мест.²⁶ Да и вся эпоха Троянской войны предстает перед нами в «Илиаде» и «Одиссее» не в сложных до вычурности формах реальной микенской цивилизации, о которой поэт, судя по всему, почти ничего не знает, а как спроецированная в «Героический век» модель современного ему ионийского полиса.²⁷ По существу прошлое для Гомера это то же настоящее, но улучшенное, облагороженное, приподнятое над житейской прозой современности. Серьезных качественных различий между тем и другим он не замечает или не хочет замечать. В этом отношении историческое мышление Гомера находится примерно на том же уровне развития, на котором стоят, например, создатели таких шедевров средневекового европейского эпоса, как «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах», «Беовульф» и т. д. Во всех этих случаях к событиям далекого прошлого «привязывается» обобщенная и идеализированная, но все же достаточно определенная в своих основных очертаниях картина современной поэту исторической действительности.²⁸

В своей последней посмертно опубликованной книге «Вопросы языкового развития в античном обществе» замечательный советский филолог и лингвист И. М. Тронский писал:²⁹ «Гомеровской „эпохи“ как некоей синхронной реальности, изобра-

жаемой в эпосе, не существует; в эпосе отражена не отдельная эпоха, а огромная перспектива исторического развития. Это справедливо и по отношению к содержанию поэм и в плане их языка». Глубоко верная в своей основе эта мысль нуждается, однако, в некоторых коррективах. Вполне естественно было бы ожидать, что стоящий в самом конце «огромной перспективы исторического развития» поэт будет всего яснее и лучше различать в этой перспективе хронологически наиболее близкие к нему явления, лишь смутно догадываясь о более удаленных. Сопоставление материала поэм с данными археологии и микенской письменности вполне подтверждает это предположение. Как было уже замечено, древнейшие микенские элементы в их чистом виде составляют не очень значительную долю в общем культурно-историческом контексте «Илиады» и «Одиссеи». Доминирующее положение в этом контексте занимают, безусловно, сравнительно поздние элементы, либо современные самому поэту, либо относящиеся к тому недавнему прошлому, которым были для него последние столетия «Темного века». ³⁰ Таким образом, хронологическими рамками гомеровского периода, если признать, что за этим понятием все же скрывается некая объективная историческая реальность, а не просто вневременная поэтическая фикция, могут считаться, с одной стороны, конец эпохи миграций (конец XI — начало X в.), с другой — ранняя стадия так называемой «архаической революции» (вторая половина VIII в.), начало которой, по-видимому, еще застал Гомер. ³¹ С некоторыми из наиболее существенных аспектов социальной и политической жизни Греции на этом отрезке ее истории читатель сможет познакомиться в следующих далее главах настоящей монографии.

ГЛАВА I

ОТ МИКЕНСКОЙ ЦИТАДЕЛИ К ГОРОДУ- ГОСУДАРСТВУ (АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА ПЕРИОДА)

В конце XIII в. до н. э. на богатые и процветающие микенские государства Средней Греции и Пелопоннеса обрушилось страшное бедствие. Их важнейшие жизненные центры: дворцы и цитадели, а также многие мелкие поселения сельского типа подверглись нападению, были сожжены и разрушены. Зона разрушения покрывает широкую полосу, включающую Беотию, Западную Аттику, Истм, Западную Арголиду, Северную Лаконию и Мессению. Многие из разрушенных поселений были навсегда покинуты своими обитателями. В этот печальный список входят Пилос, Нихория, Менелайон, Зигуриес, цитадель Гла в Беотии, Криса и др. Кое-где ахейскому населению удалось удержаться в разрушенных цитаделях (или, может быть, оно вернулось на прежние места спустя некоторое время). Такая ситуация наблюдается, например, в Микенах и Тиринфе — двух крупнейших культурных центрах Арголиты. О масштабах и последствиях катастрофы можно судить по таким цифрам. Общее число мест, где обнаружены следы микенской культуры ПЭПВ периода на территории Арголиты (с Коринфом), составляет 44 наименования. В следующий за катастрофой период — ПЭПС их число сокращается более чем вдвое — до 19 наименований. Для Мессении аналогичное соотношение составляет 41 к 8, для Лаконии 30 к 7, для Беотии 28 к 5. ³ Контраст, как видим, разительный! Некоторые области Средней и Южной Греции, как следует из этих данных, лишились большей части своего населения и почти совершенно обезлюдели. С другой стороны, в это же самое время наблюдается Приток населения, очевидно, за счет беженцев из опустошенных районов в места, не затронутые катастрофой. Такими «зонами убежища» (refugee areas) становятся, например, Восточная Аттика, Элида, Ахайя, острова Ионического моря.

Первое, что приходит в голову, когда пытаешься осмыслить все эти драматические события и спрашиваешь себя о вызвав-

ших их причинах, это, конечно, вторжение. Последнее столетие микенской истории (XIII в. до н. э.) было временем крайне тревожным и беспокойным. Обитатели дворцов и цитаделей жили в атмосфере страха и ожидания какого-то бедствия. Об этом совершенно недвусмысленно говорят такие факты, как реставрация старых и возведение новых укреплений в Микенах, Тиринфе, Афинах и других местах, постройка массивной циклопической стены на Истме, явно рассчитанной на то, чтобы оградить Пелопоннесе от нападения с севера, документы пиловского архива, свидетельствующие о военных приготовлениях, наконец, сравнительно недавно опубликованные фрески из того же дворца в Пилосе, изображающие кровавую схватку между ахейскими воинами и какими-то варварами, одетыми в звериные шкуры.⁴ Можно предположить, что катастрофа, которой с такой тревогой ожидало население ахейской Греции и к которой оно давно уже начало готовиться, действительно, разразилась в конце XIII в., когда на страну обрушились дикие орды северных пришельцев, опустошая все на своем пути.⁵ Однако если принять это, пока еще гипотетическое, нашествие за подлинный исторический факт, возникает ряд трудностей, главная из которых состоит в том, что варвары, разрушившие микенские твердыни, не оставили нам своих «визитных карточек», т. е. каких-либо предметов или памятников, по которым мы могли бы судить о их культуре. В сущности мы ничего не знаем ни о их происхождении, ни о маршруте, по которому они пришли в Грецию, ни о том, наконец, куда они исчезли, после того как разграбили и опустошили страну. «Нет ни одного наконечника стрелы, — пишет американская исследовательница Э. Вермьюл, — ни одного ножа или детали вооружения среди вещей, найденных в развалинах, которые не был бы предметами сугубо микенского происхождения».⁶ К ней присоединяется Десборо: «Нет ни одного предмета или обычая, которые можно было бы связать с завоевателями в каком-либо из пройденных ими районов».⁷ Очевидно, этот загадочный: народ, если он, действительно, был виновником катастрофы, по какой-то причине не захотел остаться в опустошенной им Греции и спустя короткое время ушел в неизвестном направлении, оставив после себя только руины и пожарища.⁸

Дальнейший ход событий во многом неясен. Не подлежит сомнению, однако, что непосредственным результатом страшного потрясения, пережитого греческим миром в конце XIII в., был общий упадок микенской культуры на всей его территории. Об этом свидетельствует исчезновение таких важных ее элементов, как монументальная архитектура и тесно связанная с ней монументальная фресковая живопись. По-видимому, единственный из микенских дворцов, не затронутых катастрофой, — дворец в Иолке — (совр. Воло) был разрушен в конце XII в. Примерно этим же временем датируются и последние

следы обитания на акрополях Микен, Тиринфа, Афин.¹³ Агония крупнейших микенских цитаделей, таким образом, продолжалась еще около ста лет. Ни в это время, ни поздней ни одной новой постройки этого типа мы во всей Греции уже не находим. Одновременно совершенно сходит на нет высокое искусство микенских ювелиров, резчиков по кости и мастеров; глиптики. В позднемикенских погребениях их изделия почти совсем не встречаются. Керамическое койне, существовавшее до катастрофы конца XIII в. и охватывавшее практически весь микенский мир, теперь распадается. На смену почти стандартному единообразию орнаментальных форм, отличающих микенскую керамику ПЭПВ периода, приходит множество локальных школ вазовой росписи, что, несомненно, указывает на разрыв экономических и культурных связей между отдельными районами Греции. В это же время почти полностью прекращается приток импортных изделий из стран Востока. Начинается длительная культурная изоляция Эгейского бассейна.¹¹ Вместе с дворцами исчезают и дворцовые архивы. Выходит из употребления и забывается линейное слоговое письмо. Все эти факты говорят о резком снижении жизненного уровня и культуры ахейского населения, уцелевшего в период катастрофы, о крайнем упадке ремесла и торговли, наконец, о распаде микенских дворцовых государств с их сложным бюрократическим аппаратом.¹²

Окончательное изживание, или, может быть, лучше было бы сказать, перерождение микенской культуры, приходится наконец XII—XI вв. до н. э. или согласно принятой в настоящее время археологической периодизации на субмикенский период. В это время продолжается и, по-видимому, еще более возрастает отток населения из материковой и островной Греции. Общее число мест, где были сделаны находки керамики и других предметов, позволяющие предполагать наличие поселений, сокращается до минимума. В Арголиде, например, зафиксировано всего семь таких пунктов, в Мессении шесть, в Аттике четыре, в Беотии два и в Лаконии только один.¹³ Характерно, что теперь массовая эмиграция начинается также и в тех районах, которые, по всей вероятности, не были затронуты катастрофой: конца XIII в. и в течение некоторого времени служили приютом для беженцев из зоны разрушений. Сюда относятся, как мы уже говорили, Восточная Аттика, Ахайя, острова Ионического и южной части Эгейского моря. Многие из расположенных в этих местах поселений были покинуты своими обитателями без всяких видимых к тому причин (никаких следов разрушений в этих районах не находят).¹⁴

Вместе с тем именно в эту глухую пору в развитии материальной культуры Балканской Греции и островов Эгеиды намечались определенные сдвиги, свидетельствующие, как думают многие, о появлении первых, пока еще очень слабых ростков.

цивилизации нового (эллинского) типа. Так, заметно меняется характер погребений, а вместе с ним, очевидно, и форма заупокойного культа. На смену микенским камерным гробницам, в которых людей хоронили обычно целыми семьями, приходят теперь так называемые «ящичные» могилы (cist tombs), рассчитанные, как правило, только на одного человека.¹⁵ Ближе к концу СМ периода старый обычай трупоположения во многих местах начинает вытеснять кремация, а вместе с ней¹⁶ появляется и еще один новый способ погребения — в урнах. В это же самое время широко распространяются некоторые новые виды бронзовых изделий, например фибулы в форме лука, и появляются первые образцы железного оружия (в основном, мечи и ножи). В конце этого периода (около 1025 г. до н. э., а по другой датировке еще раньше около 1050 г.) субмикенский стиль вазовой росписи — последний слабый отголосок микенских художественных традиций¹⁸ — уступает свое место новому протогеометрическому стилю, который в дальнейшем (примерно 150 лет спустя) перерастает в зрелый геометрический стиль, в основных своих проявлениях совершенно чуждый микенскому искусству.

Если не все, то по крайней мере некоторые из этих новшеств могут быть связаны с проникновением в Грецию каких-то новых этнических элементов. Вполне возможно, что это были дорийцы и другие родственные им «северо-западные» народности.¹⁹ Очень трудно точно датировать это событие, имевшее столь важные последствия для дальнейшей истории греческого народа. В отличие от предшествующего периода в Греции в это время не наблюдается каких-либо катастроф крупного масштаба. Разрушения хотя и встречаются, носят, скорее, эпизодический местный характер и могут происходить из каких-то случайных причин. Так, примерно в середине XII столетия была разрушена так называемая «житница» в Микенах.²⁰ Это событие, после которого микенский акрополь был, судя по всему, окончательно заброшен, трудно связать с каким-нибудь значительным передвижением племен. Первые «ящичные» могилы, в которых некоторые археологи видят главный симптом присутствия дорийцев, появляются в окрестностях Микен и вообще на территории Арголиты²¹ спустя приблизительно пятьдесят лет после гибели «житницы». Очевидно, расселение новой волны северных племен по Пелопоннесу и Средней Греции носило характер постепенного просачивания в эти районы небольших разрозненных групп пришельцев и шло сравнительно мирным путем.²² Результатом этого расселения была ассимиляция остатков местного (микенского) населения вторгшимися племенами, хотя в других местах (например в Аттике) они сами могли быть поглощены более многочисленными автохтонами. В любом случае процесс этот был, несомненно, медленным и постепенным, на что указывает длительное

сосуществование привнесенных извне культурных новшеств («ящичные» могилы, новые типы фибул и пр.) с пережитками культурных традиций микенской эпохи (субмикенская керамика).

Таковы основные факты, на которых в настоящее время базируются наши представления о заключительной стадии в истории микенской цивилизации и началах новой античной культуры. Именно в это время, на стыке бронзового и железного веков, по мере того как шла на убыль бурная череда племенных миграций и социальных катастроф, в Греции начал формироваться новый тип общества и государства, позднее вошедший в историю человечества под именем города-государства или полиса. Для выяснения начальных этапов в процессе становления полиса принципиальное значение имеет вопрос о формах и типах поселения, существовавших на территории Эгеиды на протяжении так называемого «Темного периода» греческой истории (с XI по IX вв. до н. э.). К сожалению, приходится признать, что материал, добытый археологами до последнего времени, слишком скуден и не дает возможности раскрыть стоящую перед нами проблему во всей ее полноте. Тем не менее уже имеющиеся данные позволяют сделать ряд интересных наблюдений, которыми нам хотелось бы поделиться с читателем.

В своем капитальном труде «Греческий полис, как историко-географическая проблема Средиземноморья» немецкий историк Кирстен решительно утверждает, что полис как особый тип поселения сложился уже в микенскую эпоху. Его древнейшей формой была цитадель — ахейский Herrenburg. Дорийцы при своем вторжении в южную Грецию просто переняли у своих предшественников этот способ поселения и приспособили его к своим нуждам. Они вытеснили ахейскую знать из ее укрепленных гнезд и сами в них обосновались. Вследствие этого «зона распространения полиса в I тыс. до р. х. совпадает с зоной микенского типа поселения; там, где была жива микенская традиция, развился полис также в... политическом смысле слова».²³ К сожалению, Кирстен не приводит в своей книге ни одного засвидетельствованного археологически случая такой преемственности. В действительности археология говорит как раз об обратном. В течение XII—XI вв. до н. э. практически все как большие, так и малые микенские цитадели были заброшены. Расположенные на их территории дворцы и другие постройки были разрушены и лежали в развалинах. Судя по всему, в них никто уже больше не жил. Несомненно, прав Ленцман, писавший по этому поводу: «В этом плане особенно важен не столько факт разрушения дворцов Микен и Пилоса, сколько захирение сохранившегося Тиринфского дворца, и, возможно, существовавшего дворца микенского времени на афинском акрополе. Следовательно, дело было не в самом акте

разрушения, а в коренном несоответствии дворцового уклада новым условиям жизни».²⁴ Следы вторичного заселения покинутых микенских цитаделей (отдельные дома и погребения) встречаются лишь эпизодически и, по-видимому, не могут считаться характерным признаком сложившейся в это время ситуации. Не исключено, конечно, что в отдельных случаях, например в Афинах, Фивах, может быть, также в Тиринфе, заброшенная цитадель использовалась пришельцами или вернувшимися на свои пепелища местным населением как убежище (refugium) или как священный участок (темен), хотя прямых подтверждений этой догадки археология пока не дает. В то же время она совершенно ясно показывает, что новые поселения, возникшие в послемиграционный период, располагаются, как правило, или у подножия микенского городища (Афины),²⁵ или даже на значительном от него удалении (Спарта, Аргос).

В огромном большинстве случаев между поселениями микенского времени и сменяющими их поселениями геометрического периода наблюдается значительный хронологический разрыв, составляющий в некоторых случаях до двухсот лет и больше. Первые признаки обитания на месте таких дорийских городов, как Спарта, Аргос, Коринф и др., относятся уже к X в.²⁶ Вообще же следы поселений, которые можно было бы датировать субмикенским или протогеометрическим периодом (1100—900 гг. до н. э.), на территории Балканской Греции, равно как и большей части островов Эгейского моря, чрезвычайно редки. Лишь кое-где археологам удается обнаружить остатки стен или фундаменты домов. Единичные находки такого рода можно пересчитать буквально по пальцам. На всем Пелопоннесе от этого времени сохранилось лишь несколько домов на акрополе Азины, да один «квартал» в Мальти-Дорионе, во всей Аттике один-два дома в Элевзине, во всей Фессалии один длинный дом в Иолке.²⁷ Правда, в ряде случаев на близость поселения указывают большие скопления керамики или крупный некрополь, — например субмикенский и протогеометрический некрополь афинского Керамика.²⁸ Но чаще всего отсутствуют даже и такие ориентиры. Нам не кажется поэтому слишком смелой догадка, высказанная Старром, который полагает, что после крушения микенской цивилизации население многих областей Греции на какое-то время вернулось к полукочевому образу жизни, чем и объясняется, в его понимании, отсутствие следов постоянных поселений.²⁹

На этом фоне всеобщего обезлюдения и упадка выделяются как своеобразные культурные оазисы два острова: Крит и Делос. По сравнению с остальной Грецией этого времени оба они производят впечатление очагов довольно интенсивной строительной деятельности. Микенский храмовый город на Делосе, существовавший с XV в. н. э., пережил смутную пору катастроф и миграций и продолжал существовать также и в прото-

геометрический период без сколько-нибудь заметного перерыва в его культурном развитии.³⁰ Город, судя по всему, сохранил свое старое микенское население. На это указывает продолжающееся использование микенских святилищ и домов, а также постройка новых домов на микенском фундаменте. К сожалению, ни размеры, ни планировка этого поселения не поддаются точному определению ввиду недостаточности археологической документации. Лучше изучены поселения переходного периода на Крите. В отличие от материковой Греции здесь в целом ряде случаев наблюдается вторичное заселение старых минойско-микенских центров после небольшого перерыва или вообще без него.³¹

Наиболее интересный в этом отношении материал дали раскопки в Фесте. Работавшей здесь итальянской экспедиции под руководством Д. Леви удалось установить, что строительство новых зданий и перестройка старых не прекращались на этом месте на протяжении по крайней мере пяти столетий, начиная с субминойского периода и кончая позднегеометрическим.³² Открытая часть поселения состояла из нескольких кварталов или блоков прямоугольных домов, примыкающих вплотную друг к другу, а иногда просто имеющих общую стену, вследствие чего не всегда можно с уверенностью отличить целую постройку от ее части. Эта так называемая «конгломератная» или «нанизывающая» застройка составляет отличительную черту как городов минойского Крита, вроде Гурнии или Пале-Кастро, так и многих микенских поселений материковой Греции (Кораку, Зигуриес, Бербати и др.).³³ Раскопки Феста позволяют, таким образом, говорить о выживании на Крите некоторых важнейших элементов минойско-микенской градостроительной традиции. Это тем более показательно, что в Фесте, судя по всему, произошла смена населения (постройки протогеометрического и субминойского периодов, как правило, игнорируют фундаменты более раннего времени).³⁴ Чрезвычайный интерес представляет открытая итальянскими археологами оборонительная стена толщиной в 2,8 м. Это первый известный образец сооружения такого рода в Греции послемикенского времени. Хотя полная протяженность стены пока еще не установлена, по сохранившейся ее части можно предполагать, что она опоясывала не все поселение, а лишь его центр, расположенный на возвышенности, на том месте, где когда-то стоял Фестский дворец.³⁵ Судя по большим количествам протогеометрической керамики, аналогичные поселения должны были существовать и в других местах равнинной части Крита, например в Кноссе, Маллии, Агиа-Триаде, на акрополе Гортины.³⁶ Однако во всех этих пунктах пока не удалось обнаружить ничего, кроме единичных построек.

С приходом на Крит дорийцев часть коренного населения острова (очевидно, это были в основном минойцы, хотя и с

некоторыми ахейскими «примесями») перебралась в глухие труднодоступные места в горах и там еще долгое время продолжала отстаивать свою самобытность. Археологи открыли несколько таких горных убежищ, или «разбойничьих гнезд», как их называет Пендлбери,³⁷ относящихся к субминойскому и протогеометрическому периодам и расположенных преимущественно в восточной части острова. Наиболее известны среди них Карфи, Кавуси, Врокастро. Все эти поселения имеют типично минойскую «нанизывающую» застройку. Кварталы, отделенные друг от друга узкими улицами-тропинками, лепятся по горным склонам, занимая расположенные друг над другом террасы. Как правило, поселение не имеет ясно выраженного геометрического центра, хотя некоторые дома выделяются среди всех прочих своими размерами и конструкцией (например, «дом правителя» в Карфи).³⁸ В отдельных случаях, например в Карфи, удалось обнаружить остатки примитивных укреплений — какое-то подобие палисада, перегораживающего свободное пространство между двумя скалами.³⁹ При некотором усилии воображения в Карфи и других подобных поселениях восточного Крита можно увидеть сильно деградировавший «город» минойской эпохи типа Палекастро, или Гурнии, с характерной для него «конгломератной» планировкой и «дворцом правителя» в центре.⁴⁰

Итак, переходный период (XI—X вв. до н. э.) в целом отмечен весьма существенным разрывом минойской градостроительной традиции. На это указывает почти полное исчезновение сколько-нибудь значительных поселений на территории как материковой, так и островной Греции. Можно предполагать, что основная часть населения страны в это время или постоянно кочевала с места на место или ютилась по незначительным «хуторам» и деревушкам, от которых не осталось никаких следов. Однако разрыв этот не был абсолютным. В отдельных пунктах на территории Эгеиды продолжали существовать разрозненные очаги урбанистической или скорее квазиурбанистической культуры бронзового века.⁴¹ К ним можно причислить острова Крит, Делос, возможно, также Аттику, по крайней мере район Афин. Не исключено, что в будущем раскопки вскроют и некоторые другие центры того же рода, пока что ускользающие от внимания археологов. Эти своеобразные «резервации» могли сыграть немаловажную роль в последующем возрождении и распространении на греческой почве «городского» уклада жизни.

Первые шаги в этом направлении были сделаны, судя по ряду признаков, уже в течение геометрического периода, т. е. в IX—VIII вв. до н. э. Относящийся к этому времени археологический материал и прежде всего, конечно, находки керамики позволяют говорить о довольно быстром росте населения как в Европейской, так и в Азиатской Греции. Особенно за-

метным этот процесс становится начиная с VIII в., что находит свое выражение как во внешней, так и во внутренней колонизации,⁴² а также в постепенном разрастании уже существующих поселений. Несмотря на то, что общее число уже открытых поселений геометрического периода невелико (оно пока еще не превышает десятка), мы уже сейчас, опираясь на добытый раскопками материал, можем говорить о многообразии форм и типов новой полисной культуры и неравномерности ее развития в различных районах.

Наиболее интересным памятником греческого градостроения геометрического периода, бесспорно, является Смирна, открытая в 1949—1952 гг. англо-турецкой экспедицией, возглавляемой Куком и Акургалом.⁴³ Само расположение Смирны на полуострове у входа в удобную, защищенную от ветра бухту позволяет считать ее первым образцом нового типа поселения, характерного для колонизационной зоны Малой Азии. Греческая колония возникла здесь еще в X в. до н. э. В следующем IX столетии она была обнесена стеной из кирпича-сырца на каменном цоколе (площадь расположенного в черте стен поселения в это время составляла 3,2 га). Стены Смирны в дальнейшем неоднократно перестраивались: второе оборонительное кольцо было возведено во второй половине VIII в., третье — самое мощное из всех незадолго до разрушения города лидийцами во второй половине VII в. Открытие городской стены Смирны, восходящей к столь раннему времени, для многих было полнейшей неожиданностью, так как опровергало прочно утвердившееся в науке представление, согласно которому первые укрепления такого типа появились в Греции лишь в конце VI в., до этого же единственной формой фортификационных сооружений были стены акрополей.⁴⁴ Дома Смирны II и III (т. е. IX—VIII вв. до н. э., согласно периодизации Акургала) представляют собой в высшей степени примитивные постройки из кирпича-сырца с соломенной или тростниковой крышей прямоугольной или овальной формы и очень небольшие по размерам (как правило, однокомнатные).⁴⁵ Судя по сохранившимся фундаментам и остаткам стен, расположение этих домов до кардинальной перестройки города во второй половине VII в. не было подчинено никакому определенному плану и этим близко напоминает беспорядочную застройку Карфи и других критских поселений более раннего времени. Так же как и там, дома Смирны лепятся вплотную друг к другу, образуя подобие пчелиных сот или колонии кораллов. Здесь нет места ни для приусадебного участка, ни даже для порядочного двора. Улицы представляют собой узкие проходы между блоками домов, рассчитанные от силы на одного человека.⁴⁶ В целом городская застройка древней Смирны отличается поразительным однообразием и свидетельствует о довольно низком жизненном уровне массы граждан (по удач-

ному выражению Ганфмана, она — вполне «демократична».⁴⁷ Никаких сооружений общественного характера, ничего похожего на царский дворец или пританей среди построек этого времени не обнаружено.⁴⁸ Возможно это объясняется тем, что раскопки не были доведены до конца: вся юго-западная часть поселения осталась необследованной. По этой же причине мы не можем сказать в настоящее время ничего определенного о местонахождении смирнинской агоры. Уже сейчас ясно, однако, что в городе не было акрополя в обычном понимании этого слова. Храмы и другие общественные здания, если они были в Смирне геометрического периода, должны были стоять прямо среди домов горожан.

В какой-то мере пробелы, имеющиеся в наших представлениях об этом типе раннегреческого поселения, позволяет восполнить открытое сравнительно недавно (1960) городище Загора на о. Андрос, относящееся примерно к тому же времени, что и Смирна (IX—VIII вв. до н. э.).⁴⁹ Здесь на небольшом (площадью приблизительно в 6,2 га) плато, защищенном с трех сторон крутыми обрывами, а с четвертой (восточной) стеной, было найдено 33 прямоугольных помещения различной величины. В южной части раскопа, где, по предположениям, археологов, должен был находиться центр поселения, обнаружен фундамент небольшого храма, стоявшего особняком в некотором отдалении от других построек. Расположенный напротив жилой комплекс, напоминающий в плане букву Н, возможно, был когда-то царским «дворцом». Такого мнения придерживается, например, Дреруп, который проводит довольно убедительные сопоставления отдельных частей этой постройки с основными элементами дворца Одиссея в его описании у Гомера.⁵⁰ Особый интерес представляет центральное квадратное в плане помещение этого комплекса. Вдоль его стен были устроены каменные скамьи, на которых, очевидно, восседали царские сотрапезники во время пиршеств столь обычных в гомеровской поэзии. Если эта догадка в какой-то мере оправдана, то можно считать, что Загора дает нам первый и пока единственный образец постройки дворцового типа за весь гомеровский период. Основная часть поселка, расположенная к северу от дворца, представляет конгломерат жилых домов, построенных без всякой видимой системы, вплотную друг к другу, вследствие чего практически невозможно определить, где кончается один и начинается другой. В сущности это тот же самый ульевидный тип застройки, что и в Смирне, рассчитанный на размещение возможно большего числа годных для жилья помещений на крайне ограниченной площади. Различие между Загорой и Смирной вытекает лишь из разницы в местоположении этих двух поселений: если первое занимало надежно укрепленную самой природой возвышенность, и для того, чтобы обеспечить его обитателям полную безопасность, потребова-

лось лишь минимальное вмешательство человеческих рук (постройка стены на восточном краю поселка), то второе, находясь на открытом со всех сторон пологом мысу, нуждалось в более основательной системе оборонительных сооружений, какой и стала опоясывающая весь город кирпичная стена с башнями и воротами.

Совершенно иной тип поселения, пока что не находящий себе прямых аналогий среди уже известных памятников гомеровской эпохи, представляет открытое в 50-х годах и датированное временем господства зрелого геометрического стиля (VIII в. до н. э.) городище Эмпорио на Хиосе.⁵² Работавшая здесь английская экспедиция под руководством Бордмэна раскрыла фундаменты примерно 50 домов, разбросанных по склонам довольно высокого (230 м над уровнем моря) холма. Вершина холма была обнесена низкой стеной. Здесь были найдены две каменные постройки, своими размерами значительно превосходящие почти все прочие дома городка. В одной из них Бордмэн видит храм Афины, в другой, которую он условно назвал «Megaron Hall», дворец правителя.⁵³ Эта последняя идентификация представляется нам недостаточно обоснованной. Судя по описанию в статье Бордмэна и приложенным к ней планам, Megaron Hall мог быть чем угодно: пританеем, мужским домом, еще одним храмом. Никаких специальных признаков, которые позволили бы считать ее «царским дворцом», эта постройка, по-видимому, не имела. К тому же среди домов «нижнего города» был обнаружен еще один мегарон, своими размерами едва ли не превосходящий первый.⁵⁴ С наибольшей долей вероятности мегарон на акрополе можно трактовать, как святилище.⁵⁵ Окруженная стеной площадка, на которой находились оба храма (площадь около 2500 м²), могла использоваться и как священный участок (темен), и как агора, и, конечно, не в последнюю очередь, как убежище для жителей поселка, занимающего склоны холма. По предположению Бордмэна, еще одна агора, выполнявшая чисто коммерческие функции, должна была находиться у подножия акрополя на берегу неподалеку от бухты, служившей в древности местом причала кораблей.⁵⁶ Находки английских археологов в Эмпорио представляют тем большую ценность и интерес, что пока еще это — едва ли не единственный для столь раннего времени образец той, по-видимому, достаточно широко распространенной категории поселений, которую Фукидид (I, 5, 2) определяет в своей «Археологии», как πόλεις ἀτειχίσται καὶ κατὰ χώρας οἰκομένης («города неукрепленные и заселенные по деревням»). До открытия городской стены в Смирне было принято считать, что именно этот тип поселения, представляющий собой комбинацию укрепленной цитадели-акрополя с неукрепленным «нижним городом», безраздельно господствовал на протяжении всего древнейшего периода греческой истории

(вплоть до начала греко-персидских войн) как в зоне ионийской колонизации, так и в балканской метрополии.⁵⁷ Лишь после раскопок Кука и Акургала стало ясно, что эта гипотеза нуждается в существенных поправках. Эмпорио интересно также и тем, что в отличие от синхронных с ним археологических комплексов в Загоре и Смирне, политический и религиозный центр поселения, которым можно считать свободную площадку с двумя храмами на вершине акрополя, здесь четко обособлен от его жилых «кварталов». Правда, данные раскопок не позволяют говорить с полной уверенностью о функциональном назначении этого пространства. Достаточно определенно здесь выражены лишь оборонительная и религиозная функции. О функции политической, т. е. о том, что это место служило для народных собраний жителей поселка, можно лишь догадываться, используя более известные исторические аналогии.⁵⁸

В связи с этим следует заметить, что среди идентифицированных построек геометрического периода единственным видом общественных зданий являются храмы. Нам известно пока лишь одно, но весьма знаменательное исключение из этого правила. Для того чтобы поближе с ним познакомиться, нам придется опять вернуться на Крит — этот давний очаг и рассадник идей урбанизма в Эгейском бассейне. Здесь, в Дреросе (Восточный Крит) был открыт в 1935—1936 гг. Древнейший на территории Греции памятник гражданской архитектуры, свидетельствующий о зарождении полиса как города и как государства в одно и то же время.⁵⁹ Речь идет о своеобразном архитектурном комплексе, основную часть которого образует большая терраса (40x25 м²), занимающая седловину двойного акрополя. В юго-восточном углу террасы было обнаружено семь хорошо сохранившихся широких каменных ступеней, расположенных в виде буквы П и, очевидно, служивших местами для сидения. Несколько выше этой площадки на склоне восточной вершины акрополя был расположен храм, от которого сохранился фундамент и часть стены. Весь комплекс датируется VIII в. до н. э. Первооткрыватели этого памятника Демарнь и Ван Эффенгер вполне резонно заключили, что перед ними дреросская агора. И у нас нет никаких оснований для того, чтобы отвергнуть эту догадку. О том, что именно здесь находился политико-административный центр города, свидетельствуют вырезанные на стене храма декреты VII в. до н. э., в одном из которых⁶⁰ впервые в греческой эпиграфике появляется слово «полис». Позднее, хотя не установлено, когда именно, к первоначальному ансамблю, включавшему храм и террасу, было добавлено еще несколько сооружений явно общественного характера. Среди них — здание совета и пританей с общинным очагом. Дальнейшее развитие конструктивной идеи, взятой за основу создателями дреросской агоры, можно наблюдать в несколько более позднем по времени (VII в. до

н. э.), но вместе с тем гораздо более монументальном сооружении того же типа, сохранившемся в Лато (Восточный Крит, к югу от Дрероса).⁶¹ Агора со скамьями-ступенями и двумя массивными башнями по сторонам, открытое святилище в центре площади и возвышающееся над ней здание пританей — все это в совокупности образует внушительный ансамбль, символизирующий силу и неизбежность молодого города-государства. До открытия дреросской агоры Лато заслуженно пользовался славой «первого (по времени) греческого полиса». Не исключено, что в будущем археологи сумеют обнаружить аналогичные памятники, восходящие к столь же раннему времени, и за пределами Крита, например на побережье Малой Азии, в одной из древних ионийских колоний.⁶² Но пока их нет.

Итак, имеющийся в нашем распоряжении, еще раз подчеркиваем, весьма ограниченный археологический материал позволяет говорить о сосуществовании в Греции геометрического периода двух основных типов поселения. Обозначим их условно для большего удобства в дальнейшем изложении как интравертный и экстравертный. Отличительной чертой первого из них является компактная «ульевидная» застройка территории, с чрезвычайно слабо выраженным внутренним членением всего комплекса, в котором лишь с трудом можно отличить постройки общественного характера, например святилища, от просто жилых домов. Второй тип отличает, напротив, четкое разделение всей площади, занятой поселением, на две основные части: незаселенный акрополь, зарезервированный для всякого рода общественных надобностей, и расположенный у его подножия собственно жилой массив, состоящий из свободно, иногда на большом удалении друг от друга, разбросанных домов. В каждом из этих двух случаев форма застройки обусловлена в первую очередь соображениями стратегического характера и зависит от выбора того или иного принципа защиты населения в момент вражеского нападения. Так, крайняя скученность домов в поселениях интравертного типа была вне всякого сомнения продиктована стремлением обеспечить безопасность как самих обитателей поселка, так и их жилищ и всего находящегося в них имущества. Конечно, к этому мотиву можно присоединить и некоторые другие, вытекающие из таких общеизвестных особенностей греческого ландшафта, как ограниченность земельных площадей, пригодных для обработки, что делало нецелесообразным их использование под жилые постройки, крайняя изрезанность рельефа, при которой трудно найти сколько-нибудь ровную площадку для возведения жилья и хозяйственных построек, наконец, сравнительная редкость источников питьевой воды, а в прибрежных районах Удобных бухт, пригодных для стоянки судов.

Но на первом месте среди всех этих факторов все же следует поставить потребности обороны. Именно они вынуждали

обитателей таких поселений протогеометрического и геометрического периодов, как Карфи или Фест на Крите, Загора на Андросе, тесниться на небольших плато и крутых склонах гор, ставя свои дома вплотную друг к другу, так что внутри городища не оставалось места не только для приусадебного участка, но даже и для простого двора, а улицы имели вид узких тропинок или лестниц, петляющих между глухими стенами домов.⁶⁴ В тех случаях, когда поблизости не было возвышенности, пригодной для размещения поселения, или сами поселенцы не хотели слишком удаляться от моря, за которым лежала покинутая ими родина, строительной площадкой становился небольшой полуостров, который легко можно было оградить от враждебного материка поперечной стеной,⁶⁵ а если опасность ожидалась и с суши и с моря одновременно, единственным выходом из затруднения была постройка концентрической оборонительной стены, опоясывавшей все поселение. Именно такую ситуацию мы наблюдаем в Смирне и некоторых более поздних поселениях, например в Врулии на Родосе (VII в. до н. э.).⁶⁶ Здесь так же, как и на Загоре, максимальная концентрация жилых домов на небольшом пространстве, стиснутом стеной и морем, остается наиболее рациональной формой застройки.

Прямо противоположным способом решают по сути дела ту же самую задачу создания оптимальной системы защиты на случай вражеского нападения основатели Эмпорио на Хиосе (к сожалению, пока лишь единственный пример поселения экстравертного типа за весь геометрический период). Основная часть поселения его, если можно так выразиться, — «жилые кварталы» — выносятся здесь за пределы укрепленной площадки на вершине холма, благодаря чему каждый домохозяин мог ставить свое жилище, где ему заблагорассудится, не считаясь ни с линией стен, ни с другими стесняющими его свободу факторами, но все же не слишком удаляясь от акрополя, где в случае опасности он легко мог укрыться вместе со своим скарбом и скотом, оставив дом на открытом склоне холма на произвол неприятеля. При первом знакомстве такая организация обитаемого пространства производит достаточно странное впечатление. В том же Эмпорио почти 40 процентов всей площади поселения (около 2,5 га) занимает площадка акрополя, на которой, за исключением двух небольших храмов, не было никаких построек и, видимо, никто не жил. Объяснение этого феномена можно искать, с одной стороны, в обычной для религиозной практики греков табуации священного участка — темена, — а акрополь Эмпорио, вероятно, выполнял эту функцию так же, как в более позднее время выполняли ее афинский акрополь и акрополи многих других греческих городов.⁶⁷ С другой стороны, весьма возможно, что религиозный запрет служил здесь, как это нередко бывает, лишь «благовидным»

прикрытием и оправданием для мотивов вполне «светского», а, точнее говоря, политического свойства. Укрепленный общими силами всего племени акрополь считался коллективным достоянием всех составляющих его общин, независимо от того, где обитала каждая из них — непосредственно у подножия цитадели или на некотором удалении от нее.⁶⁸ Захват и монопольное использование акрополя одной из этих общин поставил бы все другие в крайне невыгодное положение. Иначе говоря, табу, ограждавшее цитадель от ее использования под жилую застройку, являлось важнейшей гарантией внутривременного единства. Можно, таким образом, предположить, что в каждом отдельном случае выбор типа поселения — интравертного или экстравертного — зависел или от условий местности, или, что еще более вероятно, от размеров социальной группы, обосновавшейся на жительство в данном месте. Такие поселения интравертного типа, как горные деревни Крита вроде Карфи или Кавуси, Загора и даже древнейшая (I—II) Смирна, включающая в себя не только несколько рядов глинобитных домов, в которых едва ли могло разместиться население, превышающее три-четыре сотни человек, конечно, не могли быть не чем иным, кроме обиталища небольшой семейно-родовой общины, т. е. объединения нескольких семей, связанных, а может быть, и не связанных общностью происхождения и группирующихся вокруг главенствующей семьи патриарха-ойкиста, основателя нового полиса.⁶⁹ С другой стороны, Эмпорио и другие подобные ему поселения экстравертного типа явно рассчитаны на то, чтобы служить опорной базой для какого-то сообщества более значительного масштаба, скорее всего, племени.

Генетическая связь геометрических поселений интравертного типа с «городскими» культурами бронзового века представляется нам весьма вероятной. Отдаленным прототипом Смирны или Загоры вполне могло послужить, например, среднеэладское городище Мальти-Дорион в Мессении,⁷⁰ продолжавшее существовать вплоть до конца микенской эпохи. Подобно Заторе Мальти было расположено на плоской вершине холма (высота 280 м над уровнем моря). Все городище окружала стена с пятью воротами толщиной от 1,60 до 3,55 м (длина по периметру 420 м). На внутренней площадке городища было открыто в общей сложности 320 различных помещений. Поселение в плане четко делится на три основные части: 1. Центральная терраса, отделенная довольно тонкой, но тщательно построенной стеной от остальной части городища. Здесь находился так называемый «дворец правителя» — комплекс из пяти помещений общей площадью 130 м² с монументальным очагом-алтарем в самой большой из комнат. Вплотную к «дворцу» примыкали помещения нескольких ремесленных мастерских. 2. Дома и склады, тянувшиеся в один-два ряда вдоль оборонительной стены вплотную к ее внутренней стороне. Все по-

стройки этой группы — очень скромны, чтобы не сказать убоги и потому чрезвычайно похожи друг на друга. Здесь по всей видимости жила большая часть обитателей поселка. 3. Три больших открытых площадки, которые могли использоваться как загоны для скота, а также для размещения окрестного населения во время войны. Общий характер городища в свое время удачно определил Б. Л. Богаевский, назвав его «наиболее ярким примером родового поселения на этапе домашней общины». Действительно, сама планировка Мальти, ясно выраженное функциональное назначение отдельных помещений, красноречиво свидетельствует об экономической общности, объединявшей всех жителей поселка в единый родовой коллектив. Так называемый «дворец», отличающийся от хижин рядовых обитателей Мальти только своими размерами, по всей видимости, представлял собой жилище родового вождя, который как настоящий гомеровский *ποτὴν λαόν* жил в окружении своего народа и своих стад.

Многообразные модификации этого типа поселения встречаются в Греции II тыс. до н. э. почти повсеместно. Практически к этой категории можно отнести почти все малые поселения крито-микенской эпохи, включая сюда и укрепленные поселки-акрополи вроде Мальти или Муриатады в Трифилии, Азины и Дендры-Мидеи в Арголиде, Идалиона на Кипре и открытые, расположенные на равнине или на пологом холме аграрные городки типа Палекастро и Гурнии на Крите, Кораку и Зигуриес в Северном Пелопоннесе.⁷² Общей чертой всех этих поселений является их типично интравертная структура, т. е. компактная застройка всей площади, занятой поселением. По ним мы можем судить о том, как выглядел греческий полис, или, точнее, протополис, на заре своей истории. Исторически городок-акрополь типа Мальти, несомненно, предшествует классической микенской цитадели типа Микен или Тиринфа и, более того, может расцениваться как исходная форма, с которой началось ее развитие.⁷³ Однако если цитадели и тесно связанные с ними дворцы сошли со сцены в смутное время крушения микенского общества, предшествующая им первичная форма родового поселка вполне могла пережить эту тревожную пору вместе с такими фундаментальными элементами микенской цивилизации, как гончарный круг, дом типа мегарона, тигель для выплавки бронзы и т. д.

Как мы уже видели, столь характерный для поселений минойско-микенского времени конгломератный тип застройки продолжал существовать в некоторых уголках Эгейского мира на протяжении всего переходного периода. Едва ли случайно, что основной зоной его выживания стали районы, судя по всему, наименее пострадавшие от катастрофических вторжений на рубеже XIII—XII вв. до н. э. и, значит, с наиболее сильными и устойчивыми минойско-микенскими традициями, а именно

Крит и острова центральной Эгеиды.⁷⁴ В дальнейшем к ним присоединяется также район эолийско-ионийской колонизации, т. е. западное побережье Малой Азии, куда микенские градостроительные идеи могли проникнуть вместе с волной переселенцев из разрушенных культурных центров Балканской Греции. Впрочем, наличие определенной культурной преемственности, связывающей поселения интравертного типа, датируемые геометрическим или протогеометрическим периодом, с аналогичными поселениями более раннего времени, не исключает, как нам кажется, и возможности их спонтанного зарождения и развития в новых условиях и на новых местах. Это тем более вероятно, что сам тип «города-деревни» (*Stadt-Dorf*), как именует его Кирстен, т. е. поселения с компактной ульевидной застройкой, пользовался широкой популярностью в странах Средиземноморского региона на протяжении чуть ли не всей его истории, являясь, по-видимому, оптимальным вариантом планировки в специфических природных условиях этой зоны.⁷⁵

Труднее решить вопрос о происхождении второй экстравертной разновидности раннегреческого полиса, основанной на соединении укрепленного акрополя-убежища с неукрепленным «нижним городом» (*Hangsiedlung*) на его склонах. Несомненно, существует определенное сходство между уже упомянутым Эмпорио па Хиосе и некоторыми локальными вариантами микенской цитадели. В этой связи приходит на память одно из уникальных сооружений микенской эпохи — знаменитая цитадель Гла (Арне) на Копайдском оз. в Беотии.⁷⁶ Занятая ею территория (около 20 га) почти в семь раз превосходит общую площадь Микенской цитадели и в десять раз Тиринфской. Дворец и другие помещения, обнаруженные внутри стен цитадели, занимают лишь незначительную часть этой территории, оставляя совершенно свободным большое пространство. В отличие от Микен и Тиринфа, Гла служила, по всей видимости, не только и не столько местом обитания царской семьи, сколько убежищем на случай военной опасности для жителей соседних селений, совместными усилиями которых она, вероятно, была воздвигнута. Те же принципы планировки, хотя и не в столь грандиозных масштабах, повторяются и в некоторых других цитаделях того же района, например в Евтресисе (Беотия) и в Крисе (Фокида). По сути дела, вокруг аналогичного племенного убежища (*refugium*) вырос и геометрический городок в Эмпорио, что позволяет говорить о преемственной связи поселений также и этого типа с микенской эпохой. Но для того чтобы убедиться в справедливости этих предположений, нам недостает целого ряда промежуточных звеньев, ибо, если оставить в стороне спорный вопрос о судьбе заброшенных микенских цитаделей, мы не знаем пока ни одного поселения с экстравертной планировкой, которое можно бы-

ло бы с уверенностью отнести к субмикенскому или протогеометрическому периоду.

В целом путь становления греческого полиса как особого типа поселения трудно уложить в ту или иную стандартную типовую схему. В зависимости от конкретных историко-географических условий процесс этот мог идти одновременно по нескольким иногда параллельным, иногда пересекающимся направлениям (выше мы наметили две возможных линии развития, условно закодированных как поселения интравертного и экстравертного типа, но в действительности их могло быть гораздо больше). В любом случае совершенно очевидна беспочвенность теории Кирстена о непосредственном развитии полиса из микенской цитадели. Древнейший полис отнюдь не был местом обитания аристократической элиты, и первичным зерном, из которого он развился и вырос, была не цитадель в обычном понимании этого слова, т. е. обнесенный стеной дворцовый комплекс, господствующий над лежащей у его подножия сельской округой, а рядовое земледельческое поселение, или в некоторых случаях целое «гнездо» таких поселений, группирующихся вокруг укрепленного самой природой или человеческими руками холма-акрополя. Заметим, что даже там, где структурным ядром нарождающегося полиса, действительно, могла стать старая микенская цитадель, как это, вероятно, было в Афинах, Фивах, а возможно, и в некоторых других местах, она становилась этим ядром уже не в прежней своей функции царской резиденции, а в качестве племенного убежища, обеспечивавшего безопасность всего окрестного населения. Археология свидетельствует, таким образом, не столько о неизменности отношений господства и подчинения в течение переходного периода, разделяющего микенскую и гомеровскую эпохи, что хотелось бы доказать Кирстену, сколько о стабильности элементарных общинных структур на протяжении всего этого времени.

В момент своего появления на исторической сцене греческий полис мало чем отличался от таких разновидностей первобытного поселения, как германский *Burg* в его древнейшей форме, кельтский *oppidum*, славяно-русское городище (град). Подобно всем им, он представлял собой в это время частично или полностью укрепленный общинный поселок, родовое селище, обнесенное по периметру валом и частоколом или прижатое к подножию акрополя. В гомеровский период так же, как и за тысячу лет до этого, такие поселки играли роль опорных пунктов в ожесточенной внутри и межплеменной борьбе за землю, воду, скот и другие виды богатства. С городом в собственном смысле слова первичный полис сближают лишь два признака: наличие внутренних или внешних укреплений и компактная, впрочем, как мы уже видели, не везде и не всегда застройка территории поселения. Во всем остальном это — ка-

чественно совершенно иное явление. Хозяйственная жизнь полиса носила по преимуществу аграрный характер. Ремесло и торговля играли в ней, судя по всему, ничтожную роль. Раскопки не выявили пока ни одной мастерской или ремесленного помещения, которое можно было бы датировать временем более ранним, чем VII в. до н. э. (к этому столетию относится древнейший комплекс гончарных мастерских в коринфском Керамике). Ни в одном из поселений гомеровского периода не удалось обнаружить чего-либо похожего на рыночную площадь. Впрочем, в жителях таких городков, как Смирна или Эмпорио, близость моря должна была рано пробудить дух наживы и предпринимательства. В политическом отношении ни один из известных нам по раскопкам полисов IX—VIII вв. до н. э., за исключением, может быть, Смирны III и Дрероса, не выходит за рамки весьма еще примитивной семейно-родовой общины. Об этом свидетельствуют и мизерные их размеры и отсутствие в них сколько-нибудь значительных сооружений общественного характера. Правда, некоторые из этих городков, например Эмпорио, могли входить в состав более широких племенных сообществ, образуя, по выражению Страбона (VIII, 337), *ἀνατήματα τῶν δήμων*.⁷⁹ Такого рода объединения первичных полисов возникали обычно там, где над целой местностью господствовала созданная самой природой и обладающая исключительными стратегическими достоинствами цитадель с расположенными на ее вершине общеплеменными святилищами (наиболее известные примеры дают здесь афинский Акрополь, Акрокоринф, фиванская Кадмея). В дальнейшем при благоприятных условиях такое сообщество могло консолидироваться уже в настоящий полис, т. е. в город-государство в обычном значении этого термина.⁸⁰ Первые шаги в этом направлении были сделаны, насколько можно судить по данным поздних нарративных источников, уже в конце гомеровского периода, т. е. в VIII в. до н. э. Отдельные очаги новой городской культуры возникают в это время в таких районах греческого мира, как Аттика, Северный Пелопоннес, Эвбея, Крит, некоторые пункты на ионийском побережье Малой Азии и прилегающих к нему островах. Город начинает формироваться как экономический, политический и культурный Центр, противостоящий окружающей его сельской местности — хоре. Только теперь квазиурбанизация переходит в подлинную урбанизацию. Археологический материал, свидетельствующий об этих важных переменах, в массе своей находится по ту сторону хронологической грани, отделяющей гомеровский период от следующей за ним архаики (рубеж VIII—VII вв.). Лишь стены Смирны да ступенчатая агора Дрероса возвышаются по эту сторону от этой черты как предвестие начала новой исторической эпохи.

ГЛАВА II

ГОМЕРОВСКИЙ ПОЛИС

Уже давно было замечено, что Гомер знает только одну форму человеческого общежития, которую он сам называет «полисом».1 Встречающиеся в поэмах термины *ἄστυ* и *πολιέθρον* при ближайшем рассмотрении оказываются просто синонимами *πόλις*. Среди народов и племен, фигурирующих в эпосе, полис имеет, поистине универсальное распространение. Даже дикари вроде киммерийцев и лестригонов живут полисами (Od. X, 105 слл.; XI, 14). Единственное исключение составляют циклопы, каждый из которых живет сам по себе (Od. IX, 114 сл.), но для поэта это — свидетельство их ужасающей дикости. В полисах живут не только люди, но и боги, например Эол со своими сыновьями (Od. X, 13). Обычный вопрос, с которым в «Одиссее» обращаются к чужеземцу: «Кто ты? Откуда родом? Где находится твой город (*πόθι τοι πόλις*) и твои родители?» (I, 170; X, 325; XIV, 187 и т. д.). Едва ли случайно также, что в «Илиаде» поэт выбирает для изображения на щите Ахилла два города-полиса, а не две деревни (XVIII, 490 слл.). Деревня как таковая в поэмах ни разу не упоминается. Отсюда не следует, конечно, что поселения этого типа вообще были неизвестны Гомеру. Умолчание о них в эпосе может быть такой же поэтической условностью, как и сознательное избегание всяких упоминаний о железном оружии или же об употреблении в пищу рыбы. Однако уже и тот факт, что поэт видит в полисе единственно достойную упоминания форму поселения, его, так сказать, идеальный тип, говорит о многом. Очевидно, полис был уже не только широко распространен в Греции и поэтому хорошо известен Гомеру, но и являлся политически господствующим типом поселения, подчинившим себе все остальные.

Описания городов, встречающиеся в поэмах, в той или иной степени подчинены определенному стандарту, вследствие чего при чтении «Илиады» и «Одиссеи» в нашем сознании по-

степенно из множества рассеянных в тексте деталей, отдельных фраз, сравнений и т. д. складывается обобщенный образ идеального полиса. Вот некоторые из его наиболее характерных признаков. Типичный гомеровский полис невелик. На это указывает примечательная деталь: источник, из которого жители полиса (*πολιταί*) берут воду, находится обычно за городской стеной (II. XII, 147 слл.; Od. VI, 292; X, 105 слл.; XVII, 205 слл.; ср. VII, 131). Идеальный полис располагается, как правило, на возвышенности. Об этом свидетельствуют выражения типа, *Δίου αἶψυ πολιέθρον* (II. II, 538); *αἰπεινή Γονόεσσα* (II. II, 573); *ἴλιος αἰπεινή* (II. XVII, 328); *πολλῶν πολιῶν χάρηνα* (II. II, 117). Дома в городе стоят очень тесно, почти вплотную друг к другу. В известном сравнении боя с пожаром (II. XVII, 737 слл.) огонь, вспыхнув в одном месте, стремительно пожирает весь город, очевидно, очень плотно застроенный. Компактное расположение жилых домов диктовалось необходимостью экономии места, в свою очередь вытекающей из того, что весь полис был обнесен кольцом стен. Среди городов, фигурирующих в эпосе, стены имеют Троя, город феаков в «Одиссее», полис, изображенный Гефестом на щите Ахилла (II. XVIII, 514), Калидон в рассказе Феникса о гневе Мелеагра (II. IX, 383 сл.), *Πολιέθρον τηλέπυλον*, в котором обитают лестригоны (Od. X, 82), Фивы Египетские (IX, 383) и Фивы Беотийские (Od. XI, 263 сл.), наконец Тиринф и Гортина (оба города названы в «Каталоге кораблей» — II. II, 559, 649 — *τειχιόεσσα* ср. *εὐτείχεος πόλις* о Трое — II. I, 129; XVI, 57). В сценах на Итаке, в Спарте и в Пилосе стены не упоминаются ни разу, так как здесь этого не требует ни логика сюжета, ни художественная необходимость, хотя в представлении поэта эти три города едва ли существенно отличаются от всех других. Вообще же стены у Гомера являются неотъемлемой принадлежностью всякого полиса. Об этом говорит хотя бы последовательность действий основателя города феаков Навситоя (Od. VI, 4 слл.): сначала он возвел вокруг города стены, затем построил дома, соорудил святилища богов и, наконец, разделил землю на наделы. Аналогично изображается основание Фив Зетом и Амфионом (Od. XI, 263): «Они впервые заложили основание семивратных Фив и окружили их стеной (*ἐπύργωσαν*), так как не могли жить в просторных Фивах, не укрепив их (*ἀπύργωτον*), хоть и были могучи».

В этой связи интересно обратить внимание на некоторые оттенки в употреблении терминов *ἄστυ* и *πόλις*, которые практически, как было уже сказано, являются синонимами и, постоянно чередуясь в тексте, могут обозначать один и тот же город, например Трою (ср. II. XXII, 198, 251, 464). Характерно, однако, что *ἄστυ* чаще всего встречается там, где идет речь о событиях, происходящих внутри города, на его улицах и площадях (так II. VI, 287: о торжественном шествии троянских женщин

к храму Афины; XVIII, 493: о свадебной процессии; Od. VII, 40: об Одиссее, идущем по улицам города феаков). "Ἄστυ — это место, где распространяются слухи о доблести героя (II. XXII, 432 сл.) и вообще любая весть. Не случайно, вестник назван ἄστυβοώτης (II. XXIV, 701). С другой стороны, πόλις — это тот же самый город, но видимый как бы извне глазами врага или просто постороннего наблюдателя со всеми его укреплениями: стенами, башнями и воротами. Показательно, что такие эпитеты, как εὐτείχεος («с хорошими стенами»), οὐρίπυλος («с высокими воротами»), πύργους ὀρχυῖα («укрепленный башнями»), употребляются Гомером только в связи с πόλις и никогда в связи с ἄστυ.²

Оба эти аспекта гомеровского полиса наглядно представлены в известном изображении двух городов на щите Ахилла (II. XVIII, 490 слл.). В сущности это — один и тот же город, но воспринимаемый под двумя разными углами зрения: изнутри в сценах мирной жизни (не случайно, здесь снова употреблен термин ἄστυ) и извне в сцене осады. Важно подчеркнуть, что как в том, так и в другом случае речь идет именно о городе, а не о цитадели или временном убежище.³ Люди (ἄστυ), участвующие в массовых сценах первой части этой картины (сцены свадебного шествия и суда на агоре), — это, несомненно, жители самого полиса, а не собравшиеся по случаю обитатели сельской округи. Их же мы видим затем выступающими из ворот с оружием в руках на защиту города, в то время как женщины, дети и старцы, собравшись на стенах, готовятся отразить натиск врага. Эта картина живо перекликается с целым рядом аналогичных сцен в других частях «Илиады» (см. например, VIII, 519: Гектор призывает троянских юношей и старцев нести караул на башнях вокруг города, в то время как мужчины сражаются в поле). Город, изображенный на щите Ахилла, — это как бы моментальная фотография Трои, величественный образ которой лишь постепенно возникает перед нами при чтении поэмы.

Наиболее характерная определяющая черта во внешнем облике гомеровской Трои — это опоясывающее ее, со всех сторон кольцо стен с воротами и башнями. Эта черта прочно зафиксирована в ряде центральных эпизодов «Илиады», принадлежащих, по всей вероятности, к ее первоначальному сюжетному ядру, таких, как сцена «тейхоскопии» в III песни, приступ Патрокла в XVI песни (702 слл.), преследование Гектора Ахиллом, и во многих второстепенных, а также в эпитете εὐτείχεος (II. I, 129; II, 113; XVI, 57 и т. д.). Пространство, обнесенное стеной, здесь, как и в других гомеровских полисах, не могло быть очень большим. Гомеровская формула ἄστυ μέγα Πριάμοιο ἄνακτος (II. II, 373; IV, 18, 290; XII, 11) имеет, конечно, весьма относительное значение. Тем более нельзя принимать всерьез расчеты позднейших критиков текста, по кото-

рым выходит, что число троянцев вместе с их союзниками должно было составлять около 50 000 человек.⁴ Довольно трудно, опираясь на гомеровский текст, представить себе внутреннюю планировку Трои. Попытки разделить ее на верхний и нижний город, поместив в первом из них дома Приама и его сыновей, а также храмы богов, упоминаемые в «Илиаде», во втором же весь остальной троянский демос, кажутся нам малоубедительными.⁵ Четкое противопоставление верхнего города (ἄστυ πόλις) нижнему (ἄστυ) имеет место всего лишь в одном случае. Это известный эпизод в VI песни поэмы (286 слл.), где изображается шествие «стариц троянских» во главе с Гекубой на акрополь для того, чтобы принести там дары Афине и молить ее о спасении полиса. Однако сам троянский акрополь представлен здесь как священное место, где находятся только жилища богов и нет жилищ человеческих (по контексту ясно, что Гекуба и сопровождающие ее женщины живут где-то внизу, в городе — ἄστυ) — ситуация, как мы знаем, типичная для многих греческих полисов послегомеровской эпохи. По-видимому, эта никем не заселенная цитадель и есть тот „священный Пергам“, откуда наблюдает обычно за ходом сражения Аполлон и где находится его храм (IV, 508; V, 460; VII, 21; V, 446).

Впрочем, в той же самой VI песни мы сталкиваемся с прямо противоположной концепцией полиса, начисто исключающей первую. Буквально через несколько строк после эпизода с Гекубой (313 слл.) Гектор подходит к дому Париса, о котором сказано, что он находился вблизи от жилищ Приама и самого Гектора опять-таки ἐν πόλει ἄστυ. Отсюда можно заключить, что Приам и его сыновья живут в каком-то особом царском замке, отделенном от домов рядовых граждан стеной (точка зрения Шуххардта). Но это вовсе не обязательно. Ни о какой стене, перегораживающей город изнутри, поэт нигде не упоминает, а само выражение ἐν πόλει ἄστυ, если представить всю Трою как один большой холм, опоясанный у подножия крепостной стеной, может вполне соответствовать нашему «в центре города». В некоторых случаях та же самая формула πόλις ἄστυ совершенно определенно обозначает всю Трою, а не какую-то отдельную ее часть. Так, (II. XXII, 383 сл.), Ахилл говорит, что ему хочется узнать, оставят ли троянцы πόλις ἄστυ, т. е. Трою, после смерти Гектора или же будут продолжать сражаться. Аналогичный смысл имеет выражение "ἴλιος αἰλεινὴ (II. XVII, 328). В «Одиссее» в сходном значении употребляется слово σκρόπολις (единственный случай во всей гомеровской поэзии). В песне Демодока о гибели Трои (Od. VIII, 494; 504) троянцы втаскивают деревянного коня в σκρόπολις и оставляют на агоре. По справедливому замечанию А. фон Геркана, этот термин обозначает в данном случае обнесенный стенами город, хотя и очень небольшой, состоящий в сущности из одного акрополя.

Иначе говоря, *αἰρόπολις*; и собственно *πόλις* здесь практически совпадают.

Взятый как целое гомеровский образ Трои достаточно сложен. Очевидно, в нем сплавлены воедино характерные черты и признаки многих поселений, существовавших в разных местах и в разное время. Некоторые из этих признаков все же можно считать доминирующими над всеми остальными. Пытаясь представить Трои как нечто конкретное, мы видим перед собой небольшой, но хорошо укрепленный город на возвышенности (поэтому поэт называет его *πόλις ἄρρη* или *ἴλιος αἰεὶνί*), вершину которой занимает царский дворец или, по другому варианту, храмы главных богов. За городской стеной в Трое, так же как и в городе, изображенном на шите Ахилла, живет все свободное население общины, весь троянский демос, и хотя в древнейшей, догомеровской версии эпической традиции этот демос, возможно, включал в себя лишь одну большую семью Приама (см. ниже, с. 126, пр. 42), это не дает нам права считать «священный Илион» просто цитаделью или, более того, временным убежищем (*refugium*). В понимании как самого Гомера, так, вероятно, и его более отдаленных предшественников Троя была именно городом, т. е. укрепленным поселением целой общины, во главе с родовым вождем-патриархом.

Говоря о реальных исторических прототипах гомеровского Илиона, мы должны обратиться в первую очередь к поселениям эпохи бронзы, в которую, судя по всему, уходит своими корнями поэтическая традиция, предшествующая нашей «Илиаде». Трудно согласиться с чересчур категоричным мнением Р. Керпентера, который пишет по этому поводу: «Гомер, который знал так мало о реальностях микенской культуры, был знаком с классическим полисом, т. е. с городом, в котором все горожане живут вместе, и ничего не знал о доклассическом, феодальном разграничении между вождем и простыми общинниками, отражением которого была сильно укрепленная цитадель, окруженная незащищенным поселением, в Микенах и Тиринфе. Гиссарлык был элладским Hergenburg, или замком вождя, в котором было достаточно места только для одной правящей династии, в то время как в представлении Гомера (и, следовательно, в «Илиаде») Троя была греческим городом, располагающим достаточным пространством для размещения всего его населения в черте стен. Против этого можно возразить, что Гомер, действительно, ничего не знал о «реальностях микенской культуры», но определенный запас информации об этой уже весьма отдаленной от него эпохе он мог почерпнуть из имевшегося в его распоряжении материала традиционной эпической поэзии. Даже если оставить в стороне слишком смелую догадку Блэджена о том, что гомеровский «портрет» Трои был прямо и непосредственно скопирован с Трои VIIa, открытой в недрах холма Гиссарлык, все же остается вполне реальная возможность

отыскать прообраз города Приама среди микенских центров Пелопоннеса или Средней Греции, откуда берет, по всей вероятности, свое начало эпическая традиция о Троянской войне, Керпентер не видит этой возможности, так как меряет все микенские поселения одной и той же меркой. Между тем многие из них явно не укладываются в «феодальную схему» — «царский бург в сочетании с неукрепленным предместьем — обиталищем простого народа», из которой исходит американский историк. Выше (с. 27 сл.) мы уже говорили о укрепленных родовых поселках II тыс. до н. э., типичным образчиком которых можно считать городище Мальти-Дорион в Мессении. Поселения этого типа состоят практически из одного только акрополя без признаков «посада» у его подножия. Все они и по своей планировке и по характеру застройки резко отличаются от таких дворцовых комплексов, как Микены, Тиринф, Пилос, Орхомен, Фивы. Отчетливо выступающие в гомеровском описании Трои черты архаического городища родовой общины (отнюдь не классического греческого полиса) позволяют считать ее обобщенным образом всей этой группы микенских поселений.

Это не означает, однако, что изображение Трои является в общем ионийском контексте «Илиады» каким-то анахронизмом, введенным в него просто как дань традиции наподобие знаменитого шлема из кабаньих клыков, с которым мы сталкиваемся в X песни поэмы. У своих предшественников Гомер мог заимствовать лишь общую схему, зерно образа — город на холме, обнесенный стеной. Это зерно было им развито и обогащено за счёт тех впечатлений, которые давала окружающая поэта действительность, сама во многом еще пронизанная микенскими традициями. Мы не должны забывать, что укрепленный общинный поселок-полис, во многих отношениях весьма еще сходный со среднеэлладским Мальти, продолжал оставаться типичной деталью греческого ландшафта также и в VIII в. до н. э., т. е. в то время, когда создавалось изображение Трои. Именно реальное сходство исторических прототипов гомеровской Трои сделало возможным их безболезненное взаимопроникновение и слияние в единый поэтический образ, но оно же и крайне затрудняет точную датировку этого образа.

С иным и, судя по всему, более прогрессивным типом гомеровского полиса знакомит нас «Одиссея». В VI песни поэмы (262 слл.) царица Навзикая рассказывает Одиссею о городе феаков: «Затем мы придем в город, который окружает высокая стена (*πίρυος*). С двух сторон город омывает прекрасная гавань с узким проходом, (через который) качающиеся на волнах корабли отыскивают себе дорогу (в гавань). Ведь для каждого из них поставлен на берегу навес (*ἐλίσσιον*). Там у них и агора вокруг прекрасного святилища Посейдона, устроенная из огромных врытых в землю камней. Там же держат они и снасти своих черных кораблей: канаты и паруса и обтачивают

свои весла». В другом месте (Od. VII, 43 слл.) та же самая картина очерчена более скупыми и беглыми штрихами: «Дивился Одиссей, видя гавани и корабли, агору героев и большие, высокие стены (τείχεα), дивные взору». Как мы видим, панорама города в обоих случаях складывается из трех основных элементов: стен, гавани и агоры. Различие только в их последовательности. Ансамбль гавани и непосредственно с ней связанной агоры занимает во всей этой картине центральное место. Феакийская агора представляет собой довольно сложный архитектурный комплекс. В центре ее расположено святилище Посейдона (Ποσειδῆιον). Имеет оно вид храма, или же просто огороженного алтаря, остается неясным. Можно поэтому сказать, что агора здесь образует часть священного участка — темена — или даже прямо совпадает с ним.¹⁰ На агоре или рядом с ней размещены также портовые сооружения, в которых стоят корабли феаков и хранятся корабельные снасти. Из контекста трудно понять, каково было назначение находившихся здесь же больших камней. Была это просто вымостка на площади, или ограда вокруг святилища Посейдона, или же, наконец, сидения, на которых располагались граждане во время народного собрания?¹¹ Последнее предположение кажется довольно правдоподобным, так как помимо археологических параллелей (о которых ниже, с. 39) оно находит подтверждение и в тексте самого Гомера. Так, в начале VIII песни (с. 6) снова упоминаются «гладко отесанные камни» на агоре, служащие сидениями для Одиссея и Алкиноя. В «Илиаде» (XVIII, 503 сл.) на таких же «гладко отесанных камнях», поставленных внутри «священного круга» (ἱερῶν ἔνθ' ἑλκῶν), восседают старцы, творящие суд в одной из сцен, представленных на щите Ахилла. Народ, окружающий здесь старцев, по-видимому, стоит. Однако у феаков сидят все участники собрания (см. VIII, 16: «Быстро наполнилась собравшимися людьми площадь и сидения — ἀγορὰ τε καὶ ἔδρα; ср.: II, II, 211; Od. III, 7 сл.). Агора у феаков служит не только местом для народных сходов и богослужений, но также стадионом и орхестрой для игр и плясок молодежи, как это видно из песни VIII, 109 слл., выполняя, таким образом, по выражению Мартэна, «агональную» функцию наряду с политической и религиозной. В то же время в феакийских песнях «Одиссеи», да и вообще нигде у Гомера нет никаких намеков на то, что агора использовалась так же, как торговая площадь.¹² В этом отношении гомеровская агора вполне соответствует тому, что поздние греческие авторы называли «свободной агорой». Еще одна характерная особенность феакийской агоры состоит в том, что она никак не связана с царским дворцом, дворец Алкиноя расположен где-то в стороне от нее, среди домов других горожан (см. VI, 298 слл.; VII, 29, 46). Этим она отличается от троянской агоры, находившейся прямо перед дверьми дворца Приама (см. II, II, 788; VII, 346).

В описании острова феаков, несомненно, есть традиционные сказочные элементы. Важнейший из них — чудесный дворец Алкиноя, столь впечатляюще изображенный поэтом в VII песни «Одиссеи».¹⁴ Однако прилегающий ко дворцу оживленный приморский город, эскизно очерченный перед этим, вызывает совсем иные, уже не сказочные, а вполне реальные ассоциации. Его ближайший прототип следует искать, по всей видимости, в зоне ионийской колонизации среди таких городов, как Милет, Колофон, Эфес, Смирна и др. Едва ли случайно, что сами феаки представлены в поэме как мореходы-колонисты, покинувшие свою первоначальную родину — «широкую Гиперею», где они жили в соседстве с дикими циклопами — в поисках лучших мест для поселения (VI, 4 сл.). Уже Э. Роде назвал город феаков «идеальным образом ионийской колонии».¹⁵ Эту догадку немецкого ученого подтверждает поразительное сходство панорамы гомеровской Схерии с недавно открытой архаической Смирной (см. о ней, с. 21).¹⁶ В обоих случаях мы видим перед собой небольшой прибрежный город, опоясанный стеной с башнями и воротами и расположенный на мысу у входа в удобную «двойную» бухту. Правда, для полного тождества здесь не хватает одной существенной детали, а именно городской площади, расположенной прямо на морском берегу рядом с корабельной стоянкой (местонахождение смирнинской агоры, как было уже сказано, пока еще не удалось определить с достаточной точностью). Единственной реальной аналогией феакийской агоры остается пока что своеобразный археологический комплекс, открытый в Дреросе (см. выше, с. 24).¹⁷ Его конструкция помогает понять некоторые неясные детали в гомеровском тексте и, в частности, объясняет назначение больших камней, из которых была сложена, по словам поэта, агора феаков.

Гомеровская коллекция полисов, разумеется, не дает исчерпывающего представления о многообразии форм и типов поселений, существовавших в Греции на протяжении XI—VIII, вв. до н. э. и известных нам даже по пока еще весьма скудным археологическим данным. Некоторые из этих форм вообще не имеют ни одной ясно выраженной эпической параллели. О существовании других можно догадаться лишь по разбросанным в тексте поэм неясным намекам.¹⁸ Тем не менее два типа поселения, соответствующие двум основным стадиям в развитии раннегреческого полиса, очерчены в эпосе достаточно ярко и выпукло. Это — «протополис», или поселение первичной семейно-родовой общины (наиболее характерным его образцом можно считать Трою), и раннеархаический полис, являющийся по существу уже начальной формой города-государства (город феаков). Основное различие между этими двумя типами гомеровского полиса заключается в организации их архитектурного центра. В Трое таким центром является, несомненно, дворец Приама, занимающий вершину городского холма. Дважды

упомянутая троянская агора составляет как бы придаток ко дворцу, занимая площадку перед его дверями. В городе феаков мы видим иную картину. Агора с расположенным на ней святилищем Посейдона и каким-то подобием амфитеатра, в котором размещаются участники народного собрания, образует самостоятельный архитектурный ансамбль, никак не связанный с дворцом и в то же время определяющий собой весь силуэт города таким, каким его видит перед собой только что прибывший чужеземец. Наличие в городе постоянного, четко оформленного центра политической и религиозной жизни, равно как и его независимость от царского жилища, — факт сам по себе весьма знаменательный, ибо он свидетельствует о зарождении новой гражданской общины из разрозненных ячеек старого родового общества.

При всей своей ограниченности и условности материал поэм все же позволяет существенно расширить и дополнить информацию, содержащуюся в археологических источниках. Так, в частности, он проливает некоторый свет на весьма темный и неясный вопрос о взаимоотношениях города и деревни в древнейший период греческой истории. Как было уже замечено, деревня в собственном значении этого слова не входит в число эпических реалий. За чертой городских стен, в «поле», поэт не видит никаких человеческих поселений, которые заслуживали бы специального упоминания. Трою, Итаку, Схерию, да и все другие гомеровские города, окружают безлюдные поля и горы. Лишь кое-где мы замечаем разбросанные на большом удалении друг от друга загоны для скота (μέσσηλα) и пастушьи хижины при них, да одиночные усадьбы (δῶματα),

«Поле» противопоставлено городу не только как чисто территориальное понятие, но и как социальное. Гомер проводит четкую грань между жителями города (πολίται или в одном случае αἰτοί) и постоянным населением «поля» (ἀγροῖται). Последний из этих терминов несет на себе ясно выраженную печать социальной неполноценности. В двух случаях из пяти он обозначает пастухов, пасущих чужой скот; в одном случае совершенно определенно имеются в виду рабы. В «Илиаде» (XI, 676) Нестор вспоминает, как погиб от его руки элейский герой Итимоней, сражаясь, как подобает благородному, в первых рядах (ἐν πρότοισιν), после чего λαοὶ ἀγροῖται, стоявшие, очевидно, в тылу, немедленно разбежались. Презрительное отношение поэта к «поселянам» как к людям второго сорта здесь не вызывает сомнений. Презрением исполнены и слова предводителя женихов Антиноя, обращенные к Евмею и Филойтию (Od. XXI, 85): νῆπιοι ἀγροῖται ἐφημέρια φρονέοντες («дурачье, деревенщина, только о пустяках думающие»).

Образ жизни свинопаса Евмея в его хижине «на краю поля», очевидно, можно считать типичным для всех ἀγροῖται. Его главная отличительная черта — почти полная оторванность от

внешнего мира, почти полная свобода от всех общественных связей, за исключением одной единственной — личной зависимости от своего господина. Таким образом, для Гомера «поле» вместе с его обитателями это — синоним почти первобытной дикости, крайней социальной разобщенности. Правильная цивилизованная жизнь, в его понимании, возможна только в полисе. Уже Гесиод, которого отделяет от автора «Одиссеи» самое большее каких-нибудь пятьдесят лет, изображает сельскую жизнь совсем по-иному. Его крестьяне, кстати тоже именуемые ἀγροῖται (см. Theogon. 26) — свободные люди и живут не вразброс по хуторам, как гомеровские пастухи, а компактными массами по комам (этот термин впервые появляется именно у Гесиода; см.: Orega, 639; также Scutum, 18), находясь все время в тесном общении с себе подобными (общеизвестно, какое значение Гесиод придает добрым отношениям с соседями, соблюдению разного рода общинных обычаев и т. д.).

Подавляющее большинство гомеровских героев живет в юроте и принадлежит, следовательно, к категории πολιται. Горожанином, безусловно, считает себя Антиной, презрительно третирующий рабов Одиссея не за то, что они — рабы, а за то, что они — мужики, поселяне. Также о Телемахе Евмей говорит с оттенком некоторого упрека, что он почти все время проводит в городе, среди народа, лишь изредка навещая отцовские стада и состоящих при них пастухов (Od. XVI, 27 сл.). И другие знатные итакийцы время от времени покидают город, отлучаясь по каким-нибудь хозяйственным надобностям (см. например, Od. II, 22; 127), но при этом полис остается их главным местожительством, а сами они считаются горожанами παρ' ἐξέλλεσσε. За городской стеной постоянно живет Приам вместе со всем своим родом и с прочей троянской знатью. Его сыновья пасут за городом отцовский скот (мотив, несомненно, весьма архаичный, восходящий к древнейшей мифологической традиции и вместе с тем хорошо вписывающийся в общую картину гомеровского быта) и выполняют различные другие хозяйственные поручения (II. XI, 105; XX, 188; XXI, 36 сл.; ср.: V, 313; VI, 25, 423; XXIV, 29; Od. XIII, 222 сл.; XV, 386). Но эти отлучки едва ли могли быть очень продолжительными. Ни о каких загородных постройках, пригодных для жилья, за исключением загонов для скота (см. например, II. XXIV, 29), поэт в «Илиаде» не упоминает. В «Одиссее» уже появляется какое-то подобие сельской усадьбы. Примерами могут служить дома (δῶματα) Эгисфа и Лаэрта (Od. IV, 517 сл.; XXIV, 208 сл.). Поэт, однако, ясно дает понять, что считает отшельническую жизнь вдали от города, вдали от таких привычных для гомеровского аристократа занятий, как дружеские попойки или словопрения на агоре, недостойной благородного человека.²⁰ Лишь сила обстоятельств может вынудить «превосходного мужа» засесть в своем Деревенском уединении и забыть дорогу в город. Красноречи-

вое тому свидетельство — горестная судьба старого отца Одисея Лаэрта. Буйства женихов заставили его покинуть город и перебраться в «поле». Здесь он ведет жалкое существование: лишен даже самых элементарных удобств и в холодное время года спит прямо на полу («в золе»), около огня вместе со своими рабами (Od. XI, 187 слл.).

Вообще в гомеровской шкале социальных категорий такие понятия, как «аристократия» и «полис», находятся в близком соседстве друг с другом и, несомненно, тесно взаимосвязаны. Природный аристократ не только постоянно живет в городе, но еще и управляет им и оберегает его от врагов. Эта мысль отчетливо звучит, например, в словах Ахилла о «лучших людях Эллады и Фтии» «оберегающих города» этой страны (II. IX, 395 сл.: *χοῦρα ἀριστῶν, οἱ τε πτολίεθρα ρύονται*). И по своему образу жизни и по своей «урбанистической» психологии гомеровская знать стоит гораздо ближе к городскому патрициату европейского средневековья, нежели к феодалам-помещикам той же эпохи.²¹ А так как почти все, как главные, так и второстепенные действующие лица обеих поэм, являются аристократами по рождению, то у читателя невольно складывается впечатление, что все население гомеровского полиса состоит исключительно из знати и, следовательно, знать выступает здесь в роли основного градообразующего элемента. К этому социологическому парадоксу мы еще вернемся впоследствии (см. гл. IV). Пока же заметим, что сами понятия «город» и «городская жизнь» носят в гомеровской поэзии еще достаточно условный характер. Город здесь еще не отделен по настоящему от деревни. По существу гомеровский полис это — и город и; деревня в одном лице.²² Правда, как мы уже видели, по крайней мере некоторые из героев поэм уже имеют загородные дома, в которых они могут жить хотя бы летом, в страдную пору, а то и круглый год. Однако в памяти поэта и его слушателей еще свежо то время, когда таких усадеб не было даже у самых знатных и богатых людей. Поэтому их не удивляет и не шокирует тот факт, что навоз для удобрения заготавливается впрок на дворе городского дома Одиссея (Od. XVII, 298 с), а не где-нибудь в поле.²³

Лишь в одном случае полис у Гомера противопоставляется своей сельской округе как средоточие ремесла и торговли, где обитающий в «поле» земледелец может приобрести металл, необходимый ему для работы. В XXIII песни «Илиады» (832 слл.) Ахилл, обращаясь к участникам устроенных им погребальных игр в честь погибшего Патрокла, предлагает им метнуть глыбу необработанного железа (*σόνον αὐτοχόωνον*). Она же будет и призом, который получит победитель. Глыба эта так велика, что «даже если у кого и очень много есть далеко (вдали?) разбросанных тучных полей, он (все равно) будет обеспечен им (т. е. железом) на полных пять лет, так что у

него ни пастух, ни пахарь не пойдут в город, нуждаясь в железе, но он (сам) их снабдит». Внимательный читатель сразу заметит необычность этого места. Она — не только в единственном во всей гомеровской поэзии косвенном намеке на существование городского рынка, но также и в том, что сам герой-землевладелец, о котором говорит Ахилл, вопреки общему обыкновению гомеровской знати, безвыездно живет в своей деревенской усадьбе, в окружении своих *λαοὶ ἄγροῖωται*.²⁴ Изображенная здесь ситуация отражает, как нам кажется, достаточно поздний этап в развитии греческого общества. На это указывает хотя бы такая характерная деталь, как употребление железа для изготовления сельскохозяйственных орудий, что говорит о широком распространении и относительной дешевизне этого металла. В остальном, если оставить в стороне этот единственный в своем роде пассаж «Илиады», гомеровская концепция полиса вполне гармонирует с тем типом укрепленного земледельческого поселения (немецкие историки, на наш взгляд, удачно определяют его терминами «Ackerburg» или «Stadt-Dorf»),²⁵ о котором дают наглядное представление такие замечательные памятники геометрического периода, как Смирна или Загора. Отличительной чертой этой первичной формы полиса является концентрация основной массы свободного населения общины (демоса) на небольшом участке, обнесенном крепостной стеной или укрепленном самой природой. За чертой городских стен, в «поле», ютятся лишь рабы, зависимые люди и разного рода отщепенцы, стоящие, по сути дела, вне общества и его законов.

С легкой руки Гомера презрительное отношение к «поселянам» как к людям второго сорта укоренилось в греческой поэзии. Его рецидивы можно встретить еще у Саффо, Алкмана, Феогнида Мегарского (Sappho, fr. 61 Diehl, Alcman, fr. 13 Diehl; Theogn., v. 53—56). А между тем уже при жизни Гомера, если датировать ее VIII в. до н. э., в развитии греческого общества наметились важные количественные и качественные сдвиги, которые едва ли могли ускользнуть от внимания нашего поэта. Как было уже замечено (с. 31), конец гомеровского периода в ряде районов греческого мира, в том числе и в колыбели эпоса Ионии, ознаменовался первыми серьезными успехами новой городской культуры. Наблюдается быстрый численный рост городского населения за счет как естественно-го его прибавления, так и искусственного перемещения жителей мелких сельских общин в новые городские центры (так называемый «синойкизм»). Одновременно меняется и качественный его состав: постепенно начинает увеличиваться в общей массе обитателей полиса процент купцов и ремесленников, т. е. людей, не связанных непосредственно с землей или связанных лишь частично. Параллельно с этим процессом и, очевидно, в тесной связи с ним происходит другой не менее

важный процесс внутренней и внешней колонизации. Не касаясь последней, так как это увело бы нас слишком далеко в сторону от нашей основной темы, скажем несколько слов о первой.

Основным симптомом внутренней колонизации в Греции VIII в. до н. э. следует считать формирование нового типа поселения — комы, т. е. деревни в собственном значении этого слова, являющейся в одно и то же время антагонистом города и жизненно важным его придатком и спутником.²⁶ Свидетельство Гесиода, на которое мы уже ссылались выше, показывает, что в следующем VII столетии процесс размежевания между городом и деревней даже в сравнительно отсталой Беотии успел уже зайти достаточно далеко.

Таким образом, у нас есть все основания искать истоки этого процесса в той исторической обстановке, которая сложилась в наиболее передовых областях Греции в конце гомеровской эпохи. Пути становления комы и обособления ее от полиса могли быть самыми различными в зависимости от конкретных местных условий. В одних случаях кома возникает в результате политической деградации первичного полиса и превращения его в один из административных округов вновь образованного города-государства. Можно полагать, что именно по этому пути шло²⁷ отделение города от деревни в Аттике в период синойкизма. В другом варианте кома появляется как продукт разрастания и спонтанного деления первичного полиса. Обычно комы располагаются на периферии полисной территории («на краю поля», употребляя гомеровское выражение), занимая пустовавшие ранее земли. Ядром, вокруг которого складывалось новое поселение, могла стать усадьба какого-нибудь знатного анахорета, предпочитавшего деревенское уединение городской суете и скученности (к тому же здесь, в деревне, находилась и основная сфера его хозяйственных интересов — его земля и его стада). Население комы в этом случае состояла частью из зависимых и неполноправных людей (αοοί владельца усадьбы), частью из свободных крестьян,²⁸ вынужденных по тем или иным причинам покинуть полис. Окруженный кольцом дочерних, политически и экономически зависимых от него поселений преобразуется и сам полис. Только теперь становится он городом в античном понимании этого слова, т. е. административным, военным и религиозным центром определенного округа или района, столицей карликового государства.²⁹

Все эти важные перемены в жизни греческого общества остаются как будто вне поля зрения эпического поэта. Как мы уже видели, Гомер практически игнорирует деревню, как если бы он ничего не знал о ее существовании. Эпизодические упоминания о деревенских усадьбах знати не меняют существа изображаемой им ситуации. В то же время сам полис в его представлении еще сохраняет основные признаки того полуго-

рода-полудеревни, каким он оставался на протяжении столетий вплоть до начала «городской революции» VIII—VI вв. до н. э. Столь важные пробелы в эпической картине мира свидетельствуют о том, что сознание Гомера, отягощенное грузом предшествующей поэтической традиции, еще не способно было окончательно оторваться в воспроизведении важнейших жизненных ситуаций от выработанных ею канонов. Один из таких канонов, восходящих, по всей вероятности, еще к микенской эпохе, но сохраняющих свою обязательность и для ионийского поэта, жившего в VIII в. до н. э., требовал, чтобы герой жил непременно в полисе, а сам полис был изображен как некий универсум (единственно возможная форма существования цивилизованного человека), вокруг которого нет ничего, кроме дикой природы. К этому следует добавить, что для самого Гомера эта архаическая концепция полиса, по-видимому, была не просто анахронизмом, отвлеченной схемой, лишенной реального содержания. «Урбанистическая революция», начало которой он успел еще застать, развивалась неравномерно и не могла сразу создать сплошную зону новой городской цивилизации. По-видимому, даже в наиболее крупных очагах раннегреческого урбанизма, к каковым можно отнести и некоторые участки Ионийского побережья Малой Азии, например район Милета, пережитки прошлого были еще достаточно сильны, и бок о бок с нарождающимися городскими центрами продолжали существовать «протогорода», или «города-деревни» предшествующего периода.

И все же приверженность традиционным эпическим нормам не исключает даже и у поэта такого плана, как Гомер, прямых выходов в современность. При общем архаическом колорите, лежащем на гомеровских описаниях городов и городской жизни, в отдельных эпизодах поэм уже угадываются очертания полиса новой формации (наиболее яркий пример — город феаков). Дыхание новой исторической эпохи чувствуется и в тех политических коллизиях, которыми щедро насыщена сюжетная канва «Илиады» и «Одиссеи». Но о них речь пойдет в следующих главах.

ГЛАВА III

ПОЛИС И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ

Многолетний опыт конкретного исторического исследования гомеровской поэзии показывает, что зафиксированные в ней формы и типы политических отношений, как правило, не поддаются простому и однозначному определению, требуя от исследователя максимальной гибкости и растяжимости формулировок. Объяснить это можно только тем, что практически любая из тех политических ситуаций, с которыми нам приходится сталкиваться, читая поэмы, представляет собой продукт поэтического синкретизма, искусственную конструкцию, соединяющую в себе несколько, а иногда и много разновременных исторических элементов. При всем том в каждой из таких конструкций можно обнаружить при внимательном анализе один главный доминирующий элемент, а это в свою очередь означает, что создание типологии политических режимов на гомеровском материале — вещь вполне возможная, хотя и требующая от историка большой осторожности.

Как известно, система управления «нормального» эпического полиса складывается из трех основных компонентов: царя или царей (обычный, хотя, по-видимому, и не вполне правильный перевод гомеровского термина βασιλεὺς или герм. βασιλῆς),² совета старцев и народного собрания. Наименее постоянной и поэтому с наибольшим трудом поддающейся точной идентификации величиной в этой троичной формуле является, безусловно, царская власть. Специфика гомеровской базилией может быть понята лишь в том случае, если мы с самого начала твердо уясним себе, что и сами образы царей в поэмах, и те прерогативы, которыми их наделяет поэт, по существу заведомо анахронистичны. Из своих фольклорных источников Гомер мог, по-видимому, почерпнуть некоторое хотя бы смутное и приблизительное представление о власти и могуществе ахейских владык микенского времени.

Однако творчески перерабатывая древние мифы о ванаках «златообильных Микен», Пилоса, Спарты, переводя их на язык, понятный его аудитории, поэт неизбежно должен был вступить на путь той наивной модернизации прошлого, к которой прибегали в своих картинах средневековые художники-примитивы, изображая библейских царей и римских императоров в одежде и с атрибутами современных им королей и герцогов. С помощью такого приема традиционные для героической поэзии фигуры «рожденных Зевсом царей», облеченных неограниченной, монархической по своей природе властью, переводятся в совсем иную историческую плоскость — в чуждый для них, но привычный для самого поэта и его слушателей микрокосм архаического ионийского полиса. Лишь в редких случаях политические ситуации, свойственные микенской эпохе, предстают перед нами в поэмах, если и не в своем подлинном первоначальном виде, то во всяком случае в достаточно большом приближении к нему, не растворяясь почти без остатка в позднейших напластованиях, как это бывает обычно.

Наиболее насыщенные политическими реминисценциями микенского времени, безусловно, сюжет «Илиады», в которой элемент саги (исторического рассказа о подлинных событиях) вообще выражен намного сильнее, чем во второй гомеровской поэме. Конечно, реальная коалиция ахейских государств, принимавших участие в походе на Трою в середине XIII в. до н.э., могла сильно отличаться от той панэллинской «армады», которую изображает Гомер, да и в его рассказе о перипетиях похода должно быть примешано немало поэтического вымысла и произвола. Тем не менее наличие определенного исторического зерна в предании, положенном в основу сюжета «Илиады», отрицать трудно. Некоторые части поэмы производят полное впечатление объективного исторического повествования, лишь внешне облеченного в поэтическую форму. Наиболее известный пример такого рода «поэтической хроники» — знаменитый «Каталог кораблей» во II песни.

Вопрос о датировке и происхождении этого загадочного текста, являющегося важнейшим источником информации о политической географии гомеровской Греции, породил ожесточенную полемику, длящуюся уже свыше полувека. В то время как одни авторы склонны видеть в «Каталоге» подлинный документ микенской эпохи, с максимальной точностью передающий не только очертания границ почти всех ахейских государств, но даже и характерные детали их ландшафта, другие с презрением отмахиваются от него, как от поздней эпигонской компиляции, лишенной какой бы то ни было исторической ценности. Нам кажется, что в оценке «Каталога», как, впрочем, и любой другой части эпоса в равной мере⁶ неуместны и безграничная доверчивость и гиперкритицизм. Разумеется, было бы абсурдом принимать «за чистую монету»

любое свидетельство «Каталога», видя в нем подлинный список участников реальной Троянской войны или какого-то другого военного предприятия того же времени. Но вместе с тем было бы трудно отказаться и от той мысли, что дошедший до нас гомеровский текст «Каталога» содержит в себе весьма значительные элементы микенской исторической традиции и воспроизводит хотя бы в самых общих чертах и с многочисленными позднейшими дополнениями и поправками основные контуры политической карты Ахейской Греции. Во всяком случае нельзя не заметить, что такие важные центры Микенской цивилизации, как Микены, Тиринф, Пилос, Кносс, Афины, Орхомен, Иолк, занимают на карте «Каталога» подобающие им места, несмотря на то, что в позднейшее время почти все они, за исключением Афин, утратили свое первоначальное значение, а некоторые, как например Пилос, и вообще были стерты с лица земли. Едва ли случайно также и то, что самыми могущественными среди ахейских вождей являются в оценке автора «Каталога» Агамемнон (100 кораблей+60, которые он ссудил аркадянам), Нестор (90 кораблей), Диомед (80 кораблей) и Идомея (80 кораблей), что в общем вполне соответствует относительным размерам и богатству известных по раскопкам дворцов Микен, Тиринфа, Пилоса и Кносса.

Основной, структурной ячейкой в географической системе «Каталога» является отдельный полис, составляющий единое целое со своей территорией (δήμος).⁷ Оба эти понятия тесно увязаны, например, в формуле, характеризующей Афины, единственный из городов Аттики, упоминающийся в «Каталоге» (564 сл.): εὐκτίμενον πτολίεθρον, δήμον Ἐρεχθίδος μεγάλῃτορος ... Таким образом, фигурирующие в «Каталоге» «великие и малые державы» «героического века» мыслятся поэтом, как конгломераты полисов, группирующиеся в каждом отдельном случае вокруг самого большого и лучше всего укрепленного полиса в данном районе. Структура типичного Микенского государства, состоящего из одного-двух десятков аграрных городков, подвластных центральному дворцу-цитадели, в общем вполне укладывается в эту схему. Разумеется, даже и при самом богатом воображении создатель «Каталога» едва ли был бы способен представить себе микенскую бюрократическую монархию во всей сложности, даже изощренности ее внутренней организации. И в этом смысле нельзя не согласиться с М. Финли, сказавшем о гнозях гомеровского круга: «Они знали из унаследованных ими формул о существовании великих правителей в Микенах, Пилосе и других „доисторических„ центрах, но они реально не представляли себе, чем был этот великий микенский правитель, как он должен был себя вести и на чем основывалась его власть».

Из ряда вон выходящее скопление отголосков микенской исторической традиции в «Каталоге кораблей» объясняется,

по-видимому, определенной систематической направленностью этой части «Илиады» и явно «антикварными» интересами ее автора. За пределами «Каталога» упоминания о больших царствах микенского типа встречаются лишь эпизодически и носят, как правило, чисто орнаментальный, служебный характер, не играя сколько-нибудь существенной роли в развитии сюжета поэмы. Среди фигурирующих в эпосе ахейских государств поэт, естественно, наибольшее внимание уделяет державе Агамемнона, самого могущественного из эллинских царей, верховного предводителя всей ахейской армии. Представления Гомера об этом государстве, если брать их как нечто целостное, отличаются крайней неопределенностью и противоречивостью. Основная трудность состоит в том, что гомеровский текст не позволяет определить с достаточной ясностью то положение, которое занимает Агамемнон во главе ахейской коалиции, осаждающей Трою, характер его власти и его отношений с другими греческими героями.

Сам «пастырь народов» ведет себя на протяжении поэмы в высшей степени непоследовательно, превращаясь из самодержавного деспота, почти тирана, каким мы видим его в I песни, особенно в сцене ссоры с Ахиллом, в мягкого и уступчивого «конституционного монарха» других эпизодов (напр., II, VII, IX, 17 слл.; XIV, 103 слл.). Другие герои, даже прекословя Агамемнону и с непозволительной в подлинно монархическом государстве свободой поучая его, все же признают его первым среди них, «самым царственным» (βασιλεύτατος — II, IX, 69, ср. 160). Вообще «царственность» является такой же специфической, характерной чертой его образа, как хитроумие Одиссея, мудрость и житейский опыт Нестора, храбрость и сила Ахилла. Однако внутреннее содержание и масштабы этого понятия постоянно меняются, приспособляясь к конкретным перипетиям эпического рассказа. Если в одних случаях царственность Агамемнона вырастает до колоссальных размеров великой панэллинской державы, то в других она сужается до довольно заурядного «персонального лидерства» полководца, предводителя дружины, наконец, просто магистрата аристократического полиса.

Во всем блеске своей славы и могущества, как великий владыка «всего Аргоса и множества островов», Агамемнон предстает перед нами в известном эпизоде со скипетром (II, 100 слл.). В свое время Эд. Мейер высказал догадку, принятую за истину многими другими учеными: пассаж о скипетре является отголоском бывшего господства микенской династии над всем Пелопоннесом и ближайшими к нему островами или даже, как полагают некоторые последователи Мейера, над всей Балканской Грецией (выбор одного из этих двух вариантов зависит от того, как понимать название Аргос, которое встречается у Гомера как в том, так и в другом значении).¹² Дешифровка

Вентриса не обнаружила, однако, никаких следов этого гипотетического *mykenische Grosskönigtum* в документах дворцовых архивов Пилоса и Кносса. Среди табличек пилосского архива, например, не удалось найти пока ни одной, где говорилось бы о какой-то зависимости ванакта Пилоса от верховной власти «великого царя» Микен (последний вообще ни разу не упоминается в документах архива).¹³ К тому же в «Каталоге кораблей», т. е. в той части эпоса, которая, согласно широко распространенному мнению, наиболее точно воспроизводит политическую карту ахейской Греции, царство Агамемнона занимает сравнительно небольшую территорию в северо-восточном углу Пелопоннеса с главным центром в Микенах (II. II, 569 слл.). Большая часть Аргολиды с Тиринфом¹⁴ и собственно Аргосом остается за пределами этого домена.¹⁴ Отсюда с неизбежностью следует, что великая панаргосская держава Агамемнона представляет собой всего лишь продукт поэтического вымысла, ein Königtum von Dichter Gnaden, по остроумному определению Г. Яхманна.¹⁵ Возможность микенского происхождения предания о скипетре Агамемнона тем не менее остается. Сам Агамемнон в этом отрывке мало похож на рядового гомеровского басилея, все помыслы которого сосредоточены на его темени и кладовой, в которой хранятся его запасы бронзы и железа, а власть не выходит за рамки небольшой городской общины. Власть Агамемнона в пассаже о скипетре простирается на огромную территорию со множеством городов. Она покоится на божественном избранничестве царя, символом которого является «отеческий нетленный скипетр» Агамемнона, полученный его дедом Пелопсом от самого Зевса. Все эти признаки складываются в обобщенный и, конечно, в немалой степени идеализированный образ «харизматического» монарха микенской эпохи.¹⁶ Гомер воспроизводит его в своей эпопее, вероятно, чисто автоматически, следуя какой-то давней и уже не вполне понятной ему традиции.

Со скипетром у Гомера в ряде случаев ассоциируется понятие «священного закона» (θέμις или чаще pl. θέμιτες), который также входит в состав царской харизмы как передающийся по наследству дар богов их избраннику.¹⁷ В II. IX, 96 слл. Нестор обращается к Агамемнону с такими словами: «Славнейший Атрид, владыка мужей Агамемнон, тобой я закончу речь, но с тебя же и начну, ибо над многими людьми ты властвуешь и тебе Зевс вручил скипетр и законы, дабы им **СОВЕТОВАТЬ** (. . . καὶ τοι Ζεὺς ἐγγυάλιξε σκηπτρὸν τ' ἡδὲ θέμιστας, ἵνα σφίσι βουλευήσῃσθαι). Вырисовывающийся в этих строках (ср. II. IX, 156 и II, 206) образ боговдохновенного царя-законодателя, являющегося единственным проводником и истолкователем божественной воли, находит немало аналогий в литературе и изобразительном искусстве Древнего Востока. Несомненно прав. Уэбстер, который видит в теме «скипетра и законов» идеоло-

гический реликт микенской эпохи, усвоенный Гомером из предшествующей ему поэтической традиции.¹⁸ Угодливый тон речи Нестора выдает в нем опытного царедворца. Превознося Агамемнона как единственного в своем роде царя, *par excellence*, он сам как бы забывает о своем собственном царском достоинстве. Та же логика, но уже с негативным оттенком и в известной инвективе Ахилла в I песни (231): «Царь, пожирающий народ, потому что властвуешь над ничтожествами...» (δημόβροτος βασιλεύς, ἐπεὶ οὐκ ἀνθρώποις ἀνάσσεις). В этих и других аналогичных по смыслу эпизодах «Илиады» раскрывается конкретное политическое содержание таких эпитетов Агамемнона, как *πολλὴν λαὸν* или *ἀναξ ἀνδρῶν*. Он, действительно, «пасет народы» Аргоса и «владеет над мужами» как самодержавный, неограниченный повелитель. Другие ахейские герои противостоят ему как его подданные (бесправный *демос*) или в лучшем случае как вассалы и придворные. Как настоящий деспот Агамемнон способен открыто пренебречь волей народа и навлечь неисчислимые беды на целую армию ради своей единственной прихоти, как в инциденте с Хрисом в начале поэмы. Опять-таки из чистого каприза он может лишить своего вассала его законной добычи, но он же может и щедро вознаградить его за понесенную потерю.

Примирительное послание Агамемнона Ахиллу в IX песни «Илиады» включает в себя одну из наиболее интересных микенских реминисценций во всем гомеровском эпосе. Чтобы смягчить разгневанного Пелида, Агамемнон предлагает ему в виде компенсации за прежнее бесчестие наряду с другими дарами еще и руку одной из своих дочерей, а вместе с ней как приданое семь приморских городов «на границе с песчаным Пилосом» (149 слл.). Их жители (*ἄνδρες πόλῳρρηες ζῶλυβοῦται*) будут «дарами чтить» своего повелителя, «как бога» и, повинувшись его скипетру, исполнят установленные им «блестящие законы» (*καὶ οἱ ὑπὸ σκήπτρῳ ἡλαράς τελέουσι θέμιστας*). Здесь снова Агамемнон предстает перед нами как древний «харизматический» монарх, причем выясняется, что часть своей харизмы, или, как выражается сам Гомер, «чести» (*τιμή*), — власть над целым краем с населяющими его людьми и со всем их имуществом — он может уступить другому лицу в качестве примирительного дара и вместе с тем приданого к предстоящей свадьбе. По существу эпизод этот логически развивает мысль, достаточно ясно выраженную поэтом уже в пассаже о скипетре. Только как владыка всего Пелопоннеса Агамемнон мог подарить своему будущему зятю семь городов, расположенных довольно далеко от его главной резиденции в Микенах на побережье Мессенского залива (на карте «Каталога кораблей» они должны были занимать место где-то на стыке между царствами Нестора и Менелая).¹⁹ Сам мотив дарения городов, крайне редко встречающийся у Гомера,²⁰ восхо-

дит, вне всякого сомнения, к древнейшим (микенским) пластам эпической традиции. Трудно себе представить, чтобы во времена всеобщего оскудения и упадка, полнейшей политической дезинтеграции, царивших в Греции после так называемого «дорийского завоевания», здесь нашелся хотя бы один правитель, который был бы в состоянии без большого ущерба для себя подарить кому бы то ни было целый город. Рядовому гомеровскому бацилею такого рода «царственная щедрость» была бы явно не по карману. Его богатство, за счет которого он мог обмениваться дарами с другими бацилеями, устраивать пиры для друзей и предпринимать пиратские экспедиции в чужие края, исчислялось в бронзовых котлах и треножниках, штуках носильного платья и в головах крупного и мелкого скота, но никак не в подвластных ему городах. О великих царях, которым прислуживали другие цари и которые были способны награждать своих слуг и друзей, вручая им целые области со всем их населением, и сам поэт и его слушатели знали, вероятно, только понаслышке.

Напротив, в условиях квазифеодальной микенской монархии с ее сложной иерархической структурой и весьма значительной в сравнении с позднейшим греческим полисом территорией такой акт щедрости был бы естественным проявлением могущества и авторитета главы государства. Как было уже замечено, типичное микенское царство представляло собой конгломерат небольших городков (полисов, или вастю), группировавшихся вокруг дворца-цитадели, резиденции ванакта. Правители этих городков (скорее всего это были бацилеи — *pa-si-re-u₂*, упоминающиеся в табличках пилосского и кносского архивов)²¹ считались, судя по всему, подданными (вассалами) династа-владельца цитадели. Можно предположить, хотя прямых указаний на это в документах линейного Б-письма мы не находим, что в определенных случаях ванакт имел право передать один или даже несколько подвластных ему городов тому или иному лицу в качестве «кормления», подобно тому как это делали в более позднее время, например, персидские цари, одаривая своих друзей.²²

Нетрудно убедиться в том, что концепция неограниченной «милостью божьей» дарованной царской власти Агамемнона нигде в «Илиаде» не проводится с достаточной последовательностью и полнотой. Отдельные эпизоды вроде пассажей о скипетре или о семи мессенских городах, в которых эта концепция очерчена наиболее рельефно, производят впечатление разрозненных семантических узлов древнего предания, скорее механически без достаточного понимания включенных Гомером в совершенно новый исторический контекст. Сам этот контекст довольно сложен и совмещает в себе два разнородных плана. С одной стороны, ахейская коалиция представляется поэту каким-то подобием дружины Агамемнона, временным

объединением его друзей (*εταῖροι*), добровольно последовавших за ним под Трою, причем некоторых пришлось даже упрашивать (II, XI, 768; Od. XXIV, 116), и связанных с ним только клятвой во взаимной верности. Об этой клятве упоминают в разных местах Одиссей, Нестор, Идомей (II, II, 286 слл.; 339 слл.; IV, 266; ср. I, 153 сл.). С другой стороны, некоторые характерные детали в изображении ахейского лагеря, например наличие в нем специального места для судебного разбирательства (II, XI, 807: *ἴνα σφ' ἄγορή τε θέμις τε*) или совершенно необязательный в военной обстановке совет «старцев» при Агамемноне, в котором единственным настоящим старцем является Нестор (II, II, 53; IX, 70), позволяют видеть в нем своеобразный полис, возникший на вражеской территории. Управление этим полисом-дружиной носит скорее коллегиальный, чем единоличный характер. Функции верховного органа власти здесь выполняет корпорация бацилеев [они же — старцы (*γέροντες*), советники (*βουλευφόροι*), наконец судьи (*δικαστοῖοι*)], в составе которой Агамемнон как первый среди равных занимает место президента или регента. Терсит определяет его статус вполне республиканским термином *ἀρχος* (II, II, 234).²³ Как тесно сплоченная группа власть имущих, ахейские бацилеи противостоят массе рядовых воинов, например в сцене испытания войска («Диапейра») во II песни «Илиады». Оскорбительные выпады Терсита в адрес Агамемнона они принимают и на свой счет. Поэтому Одиссей, выступающий здесь в роли главного поборника аристократического благозакония, требует от демагога, чтобы он прекратил препираться с царями и все же помянуть их имена, разглашая перед народом (II, II, 247: *τῷ οἱ ἀν βασιλῆας ἀνὰ ὀτρὶ' εἶχον ἄγορεύοις*).

Интересные метаморфозы претерпевает в этой сцене «нетленный отеческий скипетр» Агамемнона. Почти сразу вслед за открывающим сцену апофеозом «владыки мужей», в котором, как мы уже видели, ему отводится столь важное место, скипетр в наступившей смуте запросто переходит из рук своего законного владельца в руки Одиссея (эта деталь уже должна насторожить внимательного читателя), а последний использует его самым прозаическим образом как простую палку для восстановления порядка в собрании и затем в эпизоде «посрамления Терсита» снова пускает его в ход как последний и решительный аргумент в споре с демагогом (*ibid.*, 185 слл., 199; 265 слл.). Все эти перипетии убеждают нас в том, что Гомер в общем далек от понимания подлинной природы царского скипетра. Он явно смешивает здесь две совершенно различные вещи: «священный скипетр» «священного царя», являющийся в одно и то же время символом и гарантией прочности и наследственности его власти (никогда и ни при каких обстоятельствах он не мог быть передан другому лицу, кроме законного наследника престола), и ораторский жезл, переходивший во

время народного собрания от одного выступающего к другому вместе с правом держать речь перед народом.²⁴ Этот скипетр в отличие от первого принадлежит не одному «избраннику божию», а всей правящей корпорации в целом, и связанная с ним харизма распространяется соответственно на всех ее членов.²⁵

Если можно говорить об определенной политической тенденции в пределах хотя бы двух первых песен «Илиады», то она, как нам думается, должна заключаться в следующем. Разразившаяся в первой песни вспышка тиранического темперамента Агамемнона ставит ахейскую армию на грань катастрофы. В трагическом ослеплении, пренебрегая открыто выраженной волей народа, не слушая увещаний мудрейшего из своих советников Нестора, «пастырь народов» ведет свое «стадо» напрямик к гибели. Расплата наступает уже во второй песни. Перед лицом смуты, охватившей ахейское войско, и по сути дела спровоцированной самим Агамемноном, обнаруживается полная его несостоятельность в роли единоличного и неограниченного правителя. Из brutального деспота, «пожирателя народа», свирепствовавшего в первой песни, он внезапно преобразается в слабого и растерянного человека, явно неспособного сладить с вырвавшейся на свободу стихией массового безумия. В этот критический момент скипетр, чуть было не выпавший из его ослабевших рук, подхватывает один из семи «первов»²⁶ ахейского войска — Одиссей. В действие вступают силы аристократической дисциплины и солидарности, к которым апеллирует Одиссей в своих увещаниях, обращенных порознь к царям и к народу (ibid., 188 слл.). Им-то и удается остановить панику и унять разбушевавшуюся толпу. В конечном счете сцена «испытания войска», если рассматривать ее в логической связи с предшествующими событиями, воспринимается как свидетельство торжества аристократического начала над чисто монархическим.²⁷ В последующем повествовании поэт исподволь, без чрезмерной акцентировки, но все же достаточно ясно дает нам понять, что Агамемнон «перевоспитался» под влиянием всех этих бурных событий и теперь уже правит «конституционно» в добром согласии с другими царями, проявляя подчас удивительную уступчивость. «Верноподданические» ноты, звучащие в увещательных речах Одиссея, например знаменитая тирада о вреде «многоначалия» (πολυκορσνία) и необходимости единовластия (ibid., 203 слл.), не должны скрывать от нас подлинный смысл этой сцены. Морган замечает, что «у Улисса не было повода разбирать или защищать какую-либо форму правления, но у него было достаточно основания призывать к подчинению одному командующему войском перед лицом осажденного города». В общем контексте II песни сентенции такого рода производят впечатление скорее демагогического камуфляжа, чем настоящего политического

кредо. Призывая толпу повиноваться «одному предводителю, «одному царю, коему это дано сыном хитроумного Крона», не менее хитроумный Улисс сам, конечно, вовсе не собирается отказываться от власти, принадлежащей ему так же, как и всем другим ахейским басилеям, хотя его слова — «οὐ μὲν πῶς πάντες βασιλεύομεν ἐνθάδ Ἀχαιοί» и т. д. — можно было бы понять именно таким образом. Дискредитировавший себя как диктатор Агамемнон все же нужен ахейской элите хотя бы в роли верховного главнокомандующего или, говоря иначе, как фетиш, с помощью которого она надеется удержать в повиновении непокорный демос.²⁹

Все эти наблюдения убеждают нас в том, что и царство Агамемнона и другие великие державы «Героического века» были для Гомера скорее абстрактными понятиями, лишенными реального исторического содержания и не находящими никаких аналогий в его собственном политическом и житейском опыте. За исключением стоящего особняком «Каталога кораблей», в котором политические отношения ахейского прошлого приведены в какое-то подобие системы и угадываются хотя бы общие очертания мифических и полумифических государств времен Троянской войны, как в «Илиаде», так и в «Одиссее» можно встретить лишь случайные и отрывочные упоминания о больших царствах микенского типа, по всей видимости, автоматически перенесенные в эпос из предшествующей поэтической традиции. Совершенно очевидно, что само понятие царства, равно как и тесно связанная с ним концепция самодержавной деспотической власти царя «милостью божьей», чуждо сознанию Гомера как наследие давно угасшей культуры. Объяснение этому факту найти нетрудно. Не приходится сомневаться в том, что в мире, окружающем поэта, доминирующей политической реальностью был единичный самодовлеющий полис, во многом уже приближающийся к обычному типу греческого города-государства. В соответствии с этим именно полис, а не какая-нибудь иная форма политической организации занимает центральное место в основных сюжетных коллизиях обеих гомеровских поэм.³⁰ Едва ли есть надобность напоминать читателю, что борьба за город является ведущей темой «Илиады», тем главным ядром, вокруг которого строится сюжет поэмы. Также и в «Одиссее» почти все центральные события разворачиваются на фоне одиночного, обособленного от внешнего мира полиса (под это определение в равной мере подходит и Итака, и Схерия, и все другие города, фигурирующие в поэме).³¹ Почти каждый из главных героев как той, так и другой поэмы ассоциируется, как правило, с одним определенным полисом. Так, Агамемнон назван «царем златообильных Микен» (II, VII, 180; XI, 46), Приам — царем Трои, Нестор — Пилоса, Менелай — Спарты, Одиссей — Итаки и т. д.

Типичный гомеровский полис, будь то Троя, Итака, город

феаков или, скажем, город, изображенный на щите Ахилла, обычно бывает наделен всеми признаками свободной, самоуправляющейся общины. В нем обязательно имеется в наличии агора, место для судебных тяжб и народных собраний, и царский дворец, в котором пируют³² и совещаются о «государственных делах» «старцы народные». Сами понятия общины и города³³ в их эпическом употреблении тесно между собой связаны. На это указывают, например, формулы типа *πῆμα* (или *in-verg. χάμα*), *πῶλεϊ πάντῃ τε δῆμῳ* (II. III. 50; XXIV, 706).³⁴ Говоря о человеке, проводящем время в городе, Гомер употребляет характерный глагол *ἐπιδημεύειν* — «находиться среди людей, среди народа» — Od. XVI, 29), давая тем самым понять, что именно полис является в его глазах важнейшим жизненным центром общины, ее главной резиденцией. По существу община (демос) кончается там, где начинается «поле» соседнего полиса. Даже города, расположенные в близком соседстве друг от друга и заселенные одним и тем же народом, ведут, как правило, совершенно замкнутое, обособленное существование, почти не вмешиваясь в дела соседей. Лишь в случае общей опасности со стороны внешнего врага они объединяются в какое-то подобие временной симмахии, которая распадается сразу же, как только угроза извне минует. Примером такого аморфного сообщества полисов могут служить города Трояды. В II. IX, 328 слл. Ахилл насчитывает 23 троянских полиса, взятых им с суши и с моря за десять лет войны. По-видимому, все они имеют своих собственных царей, причем нигде в «Илиаде» не говорится о какой бы то ни было зависимости этих «*Stadtfürsten*» от Приама, хотя некоторые из них связаны с ним и с его родом через посредство династических браков.³⁵ Ни о какой иной форме политического единства, кроме достаточно эфемерного военного союза нескольких городских общин, здесь говорить не приходится.³⁶

Среди городов, о внутренней жизни которых поэт информирует нас более или менее обстоятельно, наиболее цельное и определенное впечатление в политическом плане производит, пожалуй, Троя. Приам скорее, чем кто бы то ни было из гомеровских царей, может быть признан единоличным правителем своего полиса, хотя и не обязательно в чисто монархическом смысле. Несмотря на свою старость и немощность, он является признанным главой общины. Не случайно сама Троя названа в «Илиаде» «великим городом владыки Приама» (так, II, 373; IV, 18, 290; XII, 11 и др.): *ἄστυ μέγα Πριάμοιο ἀνάκτορ*, или *πόλις Πριάμοιο ἀνάκτορ* (II. I, 19; II, 37; XII, 15; XIII, 14; XVIII, 288; XXII, 165). Конструкции такого рода (*nomen urbis cum genetivo*³⁷, *nominis regis*) — достаточно редкое, явление в языке эпоса.³⁷ Это обстоятельство, а также явно микенский титул Приама — *ἄναξ* — говорят о том, что перед нами очень древняя формула, выражающая тесную, можно даже сказать,

кровную связь царя с его городом и народом. В том же направлении указывает и знаменитое пророчество о гибели Трои: *πέσῃτο ἴλιος ἱρή καὶ Πριάμος καὶ λαὸς ἐνμμελίῳ Πριάμοιο* (II. IV, 46 сл.; VI, 449; VIII, 552; ср. XXIV, 27 сл.). Как мы уже видели, дворец Приама с его многочисленными апартаментами и с примыкающими к нему домами Гектора и Париса образует архитектурный и одновременно политический центр города, что опять-таки свидетельствует об особой роли принципа личной власти в жизни троянского общества. Кроме Приама царские титулы (*Βασιλεύς* или *ἄναξ*) носят его сыновья, например Парис и Гелен (II. IV, 96; XIII, 582). Интересно, что Гектора поэт ни разу не называет «царем», хотя именно он является фактическим регентом при уже неспособном к реальному управлению Приаме и, очевидно, законным наследником его власти. Об этом достаточно красноречиво говорит имя или, скорее, прозвище маленького сына Гектора *Ἀστυάναξ*, которое, по словам поэта (VI, 403), дали ему благодарные троянцы за то, что его отец один защищал Трою от врагов.

Царская власть принадлежит Приаму и его детям как представителям старшей ветви рода Дарданидов, с незапамятных времен правящего Троей (см. его родословную в II. XX, 215 слл.). Однако претенденты на престол имеются и в других побочных ветвях этого же рода. Одному из них — Энею — суждено царствовать над троянцами, после того как погибнет ненавистное Зевсу «плем³⁹я Приама» (об этом говорит Посейдон: II. XX, 302 слл.).³⁹ Ахилл, по-видимому, тоже что-то знающий об этом пророчестве, пользуется им как поводом для насмешек над Энеем, с которым он встретился на поле брани (*ibid.*, 180 слл.): «Или душа побуждает тебя сразиться со мной в надежде стать хозяином чести Приама среди троянцев, укротителей коней? Однако, если даже ты и снимешь с меня доспехи, Приам не передаст тебе свою почесть ради этого. Ведь у него есть сыновья...» Из этих слов следует, что Приам сам волен распоряжаться своей властью (поэт называет ее сначала *τιμή*, затем *γέρας*), которую он может передать (букв, «вложить в руку») кому угодно.⁴⁰

Рядом с Приамом мы видим совет, состоящий из семи «старцев народных» (*δημογέροντες*). Они названы поименно в сцене «Тейхоскопии» (II. III, 146 слл.). Среди них три брата Приама: Ламп, Клитий и Гикетаон (ср. II. XX, 237 сл.) и четыре старца (Пантой, Тимоэт, Укалегон и Антенор), возможные, состоящие с ним в каком-то более отдаленном родстве, хотя прямо об этом нигде не говорится (интересно, что Анхиз, отец Энея в эту корпорацию не входит). Функции троянского совета не вполне ясны, хотя из «Илиады» (XV, 722) видно, что власть его была довольно значительной и при случае старцы могли навязать свою волю даже «верховному главнокомандующему» Гектору.

В целом существующий в Трое политический режим можно охарактеризовать как один из вариантов примитивной монархии.⁴¹ Власть Приама в основе своей есть не что иное, как *patria potestas* главы семейной общины в сочетании с верховным авторитетом родового вождя. Сам троянский демос, по видимому, мыслится поэтом как единый разросшийся род потомков Дардана, в котором Приам вместе с его детьми занимает по праву старшинства главенствующее место.⁴² Все другие троянцы находятся как бы под его отеческой опекой и поэтому именуются «народом копыеносца Приама», а сама Троя «городом владыки Приама». В принципе как та, так и другая формула вполне могли бы определять власть микенского вана над его подданными и его цитаделью (микенское происхождение, по крайней мере второй из этих формул кажется весьма вероятным). Но Троя в изображении Гомера, как было уже замечено, гораздо больше напоминает родовое городище среднеэлладской эпохи или более позднего времени, чем классическую микенскую цитадель, сам же Приам схож не столько с божественным деспотом, гордо взирающим из своей твердыни на подвластные ему «города и веси», сколько с библейским патриархом, отчески повелевающим своими «чадами и домочадцами». Можно предположить, что с этим исконным архетипом патриархальной царской власти в описании «троянской конституции» соединены и более поздние впечатления, вынесенные поэтом из наблюдения над современными ему политическими режимами типа родовых олигархий или династий таких, например, как режим Бакхиадов в Коринфе или режим Пентилидов в Митиле.⁴³ Однако эти добавочные штрихи, если они, действительно, имеют место, достаточно органично вписываются в традиционную схему единовластия Приама, не нарушая ее целостности и законченности.

Гораздо более сложной и запутанной выглядит ситуация, сложившаяся на Итаке в связи с длительным отсутствием Одиссея. Изображая ее, поэт в какой-то мере исходил из традиционного представления об Одиссее как единственном и, очевидно, полновластном царе города и острова. Отголоски этой традиции проскальзывают в сетованиях Ментора и Пенелопы на неблагоприятность граждан Итаки, забывших своего доброго царя и не заботящихся о его семье (Od. II, 230 слл.; IV, 687 слл.). Даже женихи признают Одиссея, хотя и против воли, своим законным государем. Евримах, пытаясь остановить уже начавшееся избиение, молит Одиссея «пощадить свой народ» (XXII, 54 сл.). Принуждая Пенелопу к ненавистному ей браку, женихи рассчитывают, что ее избранник станет царем Итаки вместо Одиссея (XV, 519 слл.; ср. XXII, 50 слл.). Здесь перед нами, несомненно, очень древний, мифологический мотив: рука жены или дочери царя служит гарантией власти для его преемника.⁴⁴ Для того чтобы расчистить себе дорогу к престолу,

женихи замышляют убийство Телемаха, надеясь в его лице погубить весь род Аркесиадов (XIV, 182; ср. XVI, 372 слл.; XV, 533 сл.). Возможно, к еще более глубоким пластам мифологической традиции восходит кровавая развязка поэмы, в которой Одиссей доказывает свое право⁴⁵ на власть физическим истреблением всех своих соперников.

Однако в общем контексте «Одиссеи» мотивы такого рода, как бы ни были они интересны сами по себе, звучат достаточно приглушенно и воспринимаются как обрывки какой-то полузабытой сюжетной линии, восходящей к давней предыстории поэмы. Основной конфликт, вокруг которого строится фабула «нашей» «Одиссеи», — отнюдь не политического свойства. Главное для поэта — это борьба «богатого мужа» с грабителями, захватившими его дом и притесняющими его жену и сына. Не случайно в узловой с точки зрения развития сюжета сцене народного собрания во II песни мотив узурпации престола не всплывает ни разу. Телемах, выступая перед народом, жалуется на бесчинства, которые женихи творят в его доме, на их обжорство, ни словом не упоминая о том, что они, по сути дела, лишили власти его, законного наследника Одиссея. Да и сам Одиссей как будто совсем не замечает преступных поползновений женихов. Краткая обвинительная речь, с которой он обращается к ним прежде чем начать избиение (XXII, 35 слл.), состоит всего из трех пунктов: 1) женихи разграбили имущество Одиссея; 2) они принуждали к сожительству его рабынь и 3) наконец, пытались принудить к незаконному браку его жену. Итак, в вину женихам ставится лишь их покушение на права собственника и супруга, отнюдь не измена главе государства и претензии на его власть, хотя с этого, казалось бы, следовало начать. Прямо вопрос о власти Одиссея ставится в поэме лишь дважды. В первой песни (368 слл.) мы становимся свидетелями любопытной беседы Телемаха с предводителями женихов Антиноем и Евримахом. Раздраженный смелыми словами юноши, направленными в их адрес, Антиной грозит, что «Зевс никогда не позволит ему стать царем на волнообъятой Итаке, хотя это право и принадлежит ему по рождению» (386 слл.: μή σέγ' ἐν ἀμφιάλῳ 'Ἰθάκῃ βασιλῆα Κρονίων ποίησαιεν, ὅ τοι γένην πατρώϊόν ἐστιν). На грубый нажим Антиноя Телемах отвечает в тоне притворного смирения и равнодушия, хотя и не без некоторой иронии: «Я хотел бы получить это (т. е. царскую власть), если бы Зевс дал. Или, может быть, ты скажешь, что это — худшее из того, что может случиться среди людей? Неплохо быть царем. Ведь дом его тотчас становится богатым, а сам он пользуется большим почетом. Но много и других царей ахейских на волнообъятой Итаке, молодых и старых. Кто-нибудь из них, пожалуй, получит это, раз уж умер божественный Одиссей» (390 слл.). Концовка этой Речи звучит неожиданно твердо (Телемах как бы сбрасывает

с себя маску простоватого недоросля): «Я же останусь господином (ἀναξ) нашего дома и рабов, которых добыл для меня (μοῖ ληϊσσοτο) божественный Одиссей» (397 сл.). Столь стремительный переход от чистой политики (вопрос о власти) к не менее чистой экономике (вопрос о собственности) весьма характерен для сугубо прагматической психологии гомеровских героев. Впрочем, внимательный наблюдатель, вероятно, заметит, что и к проблемам политического свойства участники беседы подходят скорее с хозяйственной меркой. В самой царской власти Телемах, вероятно, так же как и его противники, видит прежде всего источник доходов и всяческого материального благополучия («дом его тотчас становится богатым»). Быть царем не менее, а может быть даже и более прибыльное дело, чем война, пиратство, торговля и т. д. Настоящий наследник престола, «принц крови», конечно, не мог бы так рассуждать. Но Телемах и не настаивает на своем исключительном праве на царский сан. Он охотно (или это только так кажется?) допускает, что место, освободившееся после смерти его отца, займет кто-нибудь другой, из уже имеющихся на острове претендентов на власть, но при этом весьма решительно заявляет, что никто не может лишить его отцовского имущества и рабов. При такой расстановке акцентов невольно возникает впечатление, что дом и рабы занимают в душе Телемаха гораздо больше места, чем скипетр и трон, что сама царская «почесть» воспринимается им, как какой-то не столь уж важный придаток к его богатствам, без которого в общем вполне можно обойтись. Даже если сделать скидку на искусное притворство юного отпрыска Одиссея, на его игру в незаинтересованность, все же остается совершенно ясным, что речь здесь не может идти о настоящей наследственной царской власти, что обе стороны имеют в виду, скорее всего, какую-то магистратуру, которая может переходить из рук в руки, минуя прямого наследника, и, может быть, даже дается только на время, хотя уже и это хорошо, так как за это время можно сделаться богачом.

Особое внимание привлекают к себе три строчки в речи Телемаха (394 слл.) : ἀλλ' ἤτοι βασιλῆες Ἀχαιῶν εἰσὶ καὶ ἄλλοι πολλοὶ ἐν ἀμφιάλῳ θάλασσῃ, νέοι ἤδη παλαιοί, τῶν κεν τίς τὸδ' εἴησιν, ἔπειθ' ἄνευ διοῦς Ὀδυσσεύς. В сопоставлении со всем остальным текстом этого пассажа они производят впечатление логической ошибки, какой-то незаконной и необоснованной «подмены тезиса». В самом деле, и Антиной, и сам Телемах, и отвечающий ему Евримак (ibid., 400 слл.) явно имеют в виду только одно вакантное царское место, которое может занять, а может и не занять Телемах. Но кто же тогда эти «молодые и старые царя-ахейцев»? Рассуждая логически, они могут быть только претендентами на власть, просто итакийскими аристократами, но никак не властимушцами.⁴⁶ Мы не знаем, однако, ни одного слу-

чая ни у Гомера, ни у других авторов, где бы термин βασιλεὺς (в единственном или множественном числе безразлично) обозначал претендента на власть, а не лицо, уже облеченное властью. Ни в одном из известных нам греческих государств этот термин не употреблялся для обозначения всей вообще знати, просто аристократии, ограничиваясь всегда узким кругом должностных лиц с сакральными или судебными полномочиями (см. ниже, с. 67). К тому же, логически развивая эту мысль, мы приходим к явной бессмыслице: человек, уже являющийся басилеем, претендует на то, чтобы стать басилеем.

Не следует, однако, забывать о том, что поэтическая, особенно гомеровская логика отнюдь не тождественна обычному здравому смыслу. Гомеровское мировосприятие дискретно по своему характеру. Каждая отдельная вещь или ситуация существует в эпическом рассказе сама по себе. Связи между отдельными фактами поверхностны и непрочны, имея вторичное значение по сравнению с самими фактами. Во многом такому взгляду на мир способствует, конечно, формальная структура самого гомеровского стиха. Выбор слова в стихе почти всегда диктуется либо размером, либо конкретной сиюминутной художественной задачей, иногда не выходящей за пределы одной строки. Возникающие при этом логические противоречия и неувязки, естественно, остаются в тексте, так как поэт либо, просто не обращает на них внимания, либо только слегка приглушает.⁴⁷ Так и в данном случае Гомер явно сталкивает две противоположные логические посылки, почти не заботясь об их согласовании. Согласно одной из них Одиссей является единственным царем Итаки, и после его смерти или исчезновения островом должен править также один человек. Согласно другой (она появляется в тексте чисто случайно: поэту просто хочется сильнее подчеркнуть действительную или наигранную скромность Телемаха) на острове много царей, все они правят сообща, и Телемах может стать одним из них. «Мостик» между этими двумя посылками образуют не очень ясные по смыслу (неясность, очевидно, нарочитая) слова: τῶν κεν τίς τὸδ' εἴησιν, ἔπειθ' ἄνευ διοῦς Ὀδυσσεύς, из которых обычно и заключают, что «молодые и старые цари» Итаки это — претенденты на престол Одиссея.

Мысль о «многоцарствии» (поликойрании, ср. II. II, 204), по-видимому, случайно возникшая в этом месте для всей Одиссеи — явление отнюдь не случайное, а, напротив, тесно связанное с ее сюжетом и системой образов. Не так уж трудно догадаться, кого конкретно имеет в виду Телемах, говоря о «молодых и старых царях ахейцев». Прежде всего это, конечно, — сами женихи и их родители. Правда, как это уже отмечалось, Кое-где они еще признают себя подданными Одиссея. Однако в XVIII песни (с. 64) Телемах прямо называет «царями» пред-

водителей женихов Антиноя и Евримаха (см. также XXIV, 179). Говоря о могуществе и всевластии женихов на Итаке и соседних с нею островах, поэт несколько раз употребляет глаголы *κράτεουσι*, *κοφανέουσι*, *κραίνουσι* (I, 247; XV, 510; XVI, 124; XXI, 346), которые, как правило, ассоциируются у Гомера с царской властью. Да и на практике женихи ведут себя, как властимушье и подлинные хозяева острова. Именно к ним обращается Телемах с просьбой дать ему корабль для розысков отца (II, 212 слл.; ср. 306 слл.). Они пользуются правом производить поборы среди народа опять-таки, как настоящие цари (XXII, 55 слл.). Известная сцена разгона женихами народного собрания во II песни невольно вызывает в памяти слова приложения к «Ликурговой Ретре»: «Если народ постановит неверно, старейшинам и царям распустить» (Plut. Lyc. VI). Чисто формальный момент во всех этих случаях едва ли всерьез интересует поэта. Во всяком случае, он нигде не говорит, что женихи присвоили себе не принадлежащую им по закону власть. Ясно, что в его представлении они ведут себя так, как подобает вести себя дурным царям, притеснителями народа, но все-таки именно царям.

Еще раз вопрос о судьбе царской «почести» Одиссея возникает в «Некии». Его задает сам герой, обращаясь к тени своей матери Антиклей, которую он узнал среди сонма мертвых (XI, 174 слл.). На вопрос Одиссея — «Скажи мне об отце и о сыне, которого я оставил, все ли у них еще моя почесть или кто-нибудь другой из мужей уже владеет ею; обо мне же говорят, что я не вернусь более?» — Антиклей отвечает: «Никто еще не завладел твоею прекрасною почестью, но Телемах спокойно владеет теменом и участвует в равных пирах, которые пристало устраивать мужу-судье (*ἀς ἐπέοικε δικαστόλον ἀνδρ' ἀλεγυμένον*), ведь все его приглашают». Мысль, заключенная в этих строках, как будто ясна: в отсутствие Одиссея его «почесть» может быть закреплена за его родственниками, но может быть передана и другому лицу, имеющему на это право, очевидно, кому-то из итакийской знати. Право решения этого вопроса принадлежит, по всей вероятности, народу или совету «старцев». Сама «почесть» складывается из двух элементов: темена и права участия в обедах судей, причем одно здесь вытекает из другого: Телемах потому и участвует в обедах судей, что у него есть темен, за счет доходов которого он может покрыть все издержки по устройству пиршества. Из всего этого с очевидностью следует, что Телемах и сам входит в состав коллегии итакийских *δικαστοί*, занимая в ней то место, которое прежде принадлежало его отцу.⁴⁹ В свою очередь это означает, что Одиссей в глазах поэта в данном случае, как, вероятно, и во многих других, вовсе не является единоличным и полновластным правителем Итаки, а всего лишь одним из многих царей-судей, управляющих островом (термин *δικαστοῖς*

здесь, как и в цитированном выше месте из I песни «Илиады» — 237 слл., — несомненно, синонимичен термину *βασιλεὺς*).

Итак, было бы неправильно расценивать обстановку, сложившуюся на Итаке в отсутствие Одиссея, как обычную анархию. На острове есть законное правительство, и хотя установленный женихами режим живо напоминает олигархию или тиранию, их противники, включая и самого Одиссея, все же не решаются оспаривать принадлежащее им право на власть. Противозаконный характер носят как раз действия Одиссея, истребившего цвет итакийской знати, хотя поэт старается по возможности не заострять внимание слушателей на этом неприятном моменте.⁵⁰

В своем идеальном варианте гомеровская поликояния предстает перед нами в феакийских песнях «Одиссеи». Особый интерес представляют с. 390 сл. VIII песни. Алкиной, предлагая щедро одарить гостей, напоминает присутствующим: «Двенадцать славных царей властвуют (здесь) среди народа, я сам тринадцатый» (*δῶδεκα γὰρ κατὰ δῆμον ἀριπρέπεις βασιλῆες ἄρχουσι κραίνουσι, τρισκαίδεκάτος δ' ἐγὼ αὐτός*). Каждый ИЗ тринадцати должен преподнести Одиссею хитон и фарос и в дополнение к этому талант золота. Само это замечание носит чисто случайный характер и продиктовано лишь стремлением поэта к точности: слушатель должен знать, сколько именно пар платья и талантов золота получил Одиссей от феаков. Тем более важной и ценной должна казаться заключенная в этих строках информация. Режим «многоцарствия», о котором в других местах нам приходится лишь догадываться по всякого рода косвенным намекам, здесь обрисован хотя и бегло, но зато совершенно определенно, как нечто вполне нормальное, само собой разумеющееся. Двенадцать «славных басилеев» неизменно сопутствуют Алкиною почти во всех основных сценах феакийских песен. Как театральные статисты они постоянно меняют свое амплуа, выступая то в роли совета и сотрапезников Алкиноя, пьющих свое *γερούσιον οἶνον* в его палатах (XIII, 7), то изображая толпу на площади, к которой Алкиной обращается с речами (VIII, 41; ср.: VI, 54; VII, 49). Но во всех этих случаях они остаются лицами без речей и почти без телодвижений. Говорит и действует один Алкиной, и лишь один раз в виде исключения (VII, 155 сл.) подает голос старец и герой Эхеней, очевидно один из двенадцати.

Слова Алкиноя в VIII, 390: «Двенадцать славных басилеев властвуют здесь среди народа», — могут быть поняты лишь в том смысле, что все цари сообща управляют островом. Своим добавлением — «Я сам тринадцатый» — Алкиной скорее присоединяет себя к ним, нежели противопоставляет. В чисто правовом отношении двенадцать басилеев как будто ничем не отличаются от Алкиноя. Как и он, они владеют каждый в отдельности теменом, полученным в дар от народа, с правом пе-

редавать его по наследству своим детям (VII, 149 сл.). Так же как и он, они пользуются правом собирать с народа (κατὰ δῆμον) дары (XIII, 8 слл.). Так же как и он, носят скипетр (VIII, 41). Тем не менее Алкиной занимает среди феакийских царей особое положение. Он сам подчеркивает это, гордо заявляя, что ему принадлежит вся сила и власть среди феаков (Od. XI, 352. Ср.: 346; VI, 197). По некоторым намекам в тексте поэмы можно понять, что сила, которой наделен Алкиной, — не простая, а магическая. На это указывает, например, необычный эпитет, сопровождающий его имя «священная сила» (ἱερὸς μένος — VIII, 4 и пр.). Эта любопытная деталь позволяет отнести Алкиноя к разряду так называемых «священных царей». От его силы непосредственно зависит благополучие и процветание его народа.⁵¹ Очевидно, именно так, а не просто в политическом смысле как претензию на неограниченную царскую власть следует понимать его слова: «Τοῦ γάρ κράτος ἐστ' ἐνὶ δῆμῳ».

Как «священный», единственный в своем роде царь феаков, каким он и был, вероятно, в первоначальном, догомеровском варианте предания, Алкиной, естественно, должен был обходиться без всяких соправителей. Из этой прасоной мифа в «Одиссею» пришел и сказочный дворец Алкиноя, в котором он весело пирует вместе со своим народом и щедро угощает заброшенных на его остров чужеземцев. Двенадцать «славных басилеев» появились в феакийской сказке лишь тогда, когда поэту пришла в голову мысль углубить и модернизировать фон, на котором развиваются события в этой части поэмы, подчинив его общему ионийскому колориту «Одиссеи». В результате этого усложнения первоначальной сюжетной линии сам Алкиной из единоличного властителя феаков превратился в регента аристократической республики, как характеризует его Финзлер, председателя коллегии басилеев.⁵²

Для того чтобы осмыслить весь эпический материал, подобранный в настоящей главе, необходимо представлять хотя бы в самых общих чертах, как шло политическое развитие греческого мира в рамках того периода, который мы именуем гомеровским. Традиционная схема «от монархии к аристократической республике», бытующая во многих⁵³ как общих, так и специальных трудах по истории Греции,⁵⁴ как нам кажется, не только сильно упрощает, но во многом и искажает реальные очертания этого процесса. Основной ее дефект заключается в неясности исходной посылки. Авторы, придерживающиеся этой схемы, обычно забывают уточнить, какая именно форма монархии была той отправной точкой, с которой началось развитие греческой государственности в почти неразличимых сумерках, скрывающих от нас события XI—IX вв. до н. э. Была ли это микенская теократия, известная нам по табличкам линейного Б-письма, или же какая-то пережиточная ее форма, уцелевшая

в смутную пору нашествий и передвижений племен, или, наконец, примитивная «племенная» монархия, которую принесли с собой в Грецию завоеватели-дорийцы? Между тем имеющиеся в нашем распоряжении источники: данные исторической традиции, а также археологический материал при всей их скудости и фрагментарности допускают, как нам кажется, совсем иное решение вопроса.

Исторический срок, в течение которого в Греции существовала и развивалась микенская бюрократическая монархия, был непродолжителен. Он едва ли насчитывает более трех столетий. По всем признакам «эпоха больших царств» завершается где-то вскоре после страшной катастрофы, обрушившейся на Ахейскую Грецию на рубеже XIII—XII вв. до н. э. Выживание монархии микенского типа в каком-нибудь из уголков греческого мира, за исключением, может быть, только Кипра, представляется нам вещью, выходящей за пределы реальных возможностей политического развития в период миграций (XII—X вв. до н. э.).⁵⁴ Что же касается так называемых «племенных государств» (Stammstaat), возникавших, как думают многие историки, в Балканской Греции по мере продвижения и оседания на их территории дорийцев, беотийцев, фессалийцев и других пришлых народов,⁵⁵ то они едва ли существенно отличались и по своей природе и по внутренней структуре от таких этнических сообществ более позднего времени, как эпироты, акарнаны, эолийцы (до образования симмахии), элидяне, аркадяне и т. п. Подобно всем этим объединениям «племенное государство» эпохи миграций не могло быть не чем иным, кроме достаточно рыхлого и аморфного конгломерата мелких первичных общин, связанных в какое-то подобие единого целого лишь общностью происхождения, языка и важнейших культов.⁵⁶ Столетия, следующие непосредственно за так называемым «Дорийским завоеванием» (XI—IX вв. до н. э.), проходят под знаком полнейшей политической дезинтеграции, абсолютного распада ранее существовавших централизованных государств, низведения всех видов общественных связей на уровень простейшей семейно-родовой общины.⁵⁷ Эти процессы наложили неизгладимый отпечаток на всю последующую историю Греции, сделав ее на долгие годы страной карликовых государств, разбросанных по островам и горным кантонам. Такой, по-видимому, и застал ее Гомер.⁵⁸

Красноречивые свидетельства, крайнего измельчения политических структур и торжества центробежных сил над центристскими в период после дорийского вторжения дает прежде всего археология. За весь промежуток времени с XI по VIII в. в Греции не удалось найти ни одного памятника, который бы своим масштабам и монументальности приближался бы к сооружениям микенской эпохи.⁵⁹ Между тем настоящая Монархия даже в ее, так сказать, «военнодемократическом ва-

рианте» непременно должна была оставить после себя какие-то материальные, физически осязаемые следы своего существования вроде скифских курганов или микенских шахтовых могил. Непосредственным результатом распада ахейских держав, который стал совершившимся фактом, очевидно, уже к концу XII в., было образование множества мелких «уделов», принадлежавших отдельным родам или фратриям, а в некоторых случаях, возможно, просто случайным объединениям больших и малых семей, возникшим в процессе миграций. Опорным пунктом каждой такой общины был укрепленный поселок — полис, — власть над которым по праву основателя (ойкиста) принадлежала родовому вождю — бацилею. Сам этот титул, как было уже замечено, достаточно древнего происхождения. Он встречается уже в архивных документах микенского времени, обозначая там каких-то представителей костной власти, противостоящих центральной дворцовой администрации. Функции этих *pasireu* не вполне ясны так же, как и их политический статус. Тем не менее кажется довольно вероятным, что первоначально бацилеи были вождями самостоятельных родовых общин, постепенно вовлекавшимися в орбиту притяжения крупных дворцовых центров и становившимися их данниками и вассалами.⁶⁰ Крах бюрократической системы управления, сопровождавшийся физическим истреблением и вынужденной эмиграцией правящей элиты микенских государств, снова выдвинул на авансцену политической жизни дотоле весьма скромную фигуру бацилея.⁶¹ Этот коренной сдвиг в развитии греческого общества, означавший почти полный разрыв с традициями микенской государственности, нашел свое отражение в политической терминологии гомеровского эпоса, в которой титул бацилея занимает гораздо более видное⁶² место, чем старый царский титул микенской эпохи «ванакт». Бацилеям принадлежит теперь решающая инициатива во всех жизненно важных делах общины. В их руках находится высший контроль над ее материальными и людскими ресурсами. Единовластие бацилея, вероятно, заметно усиливалось во время войны, или в случае переселения его народа на новые места. И все же эта форма политического господства еще очень далека от настоящей монархии.⁶³ Слишком мизерно поле административной и судебной деятельности бацилея. Слишком велика, добавим, его зависимость от возглавляемой им общины. Не считаться с интересами рода значило погубить его и погибнуть самому. Эта мысль символически воплощена в трагической фигуре старца Приама, представляющего в эпосе весьма типичную для того времени, о котором мы сейчас говорим, категорию «городских царей». Жертвуя благом других троянцев ради прихоти своего беспутного сына, он невольно обрекает та гибель и себя самого и весь свой народ.

Дальнейшее развитие греческого государства шло, как мож-

но догадаться, по линии интеграции мелких семейно-родовых общин в более крупные образования — полисы (само это слово меняет теперь свое значение, приближаясь к классическому понятию города-государства).⁶⁴ Как было замечено выше (с. 31, 44), этот важный скачок в новое качество наметился уже в конце гомеровского периода, очевидно, не ранее VIII в. до н. э. Становление полиса могло идти разными путями в зависимости от местных условий и целого ряда привходящих обстоятельств. Состояние источников, к сожалению, таково, что составить сколько-нибудь полную и ясную картину Зтого процесса практически невозможно. Не подлежит сомнению, однако, что важнейшим из этих путей был так называемый «синой-кизм», т. е. совместное поселение жителей нескольких деревень или первичных полисов, что практически одно и то же, в новом городском центре. Внутри полиса вожди влившихся в него общин образовывали правящую аристократическую элиту бацилеев. Таково, на наш взгляд, наиболее рациональное объяснение давно уже смущающего историков факта множественности носителей этого титула в гомеровском полисе.⁶⁵ Заметим кстати, что свидетельство Гомера подтверждается и другими, внеэпическими источниками. Вспомним хотя бы «царей-даряидцев», алчность которых обличает в «Трудах и днях» (248, 261, 263) Гесиод (аналогичные мотивы не редкость и у Гомера). Коллегии бацилеев фигурируют в некоторых достаточно древних эпиграфических памятниках, например, в законе Драконта о непредумышленном убийстве (*Sylloge*, 111), также в законе Солон об амнистии (*Plut. Solon*, XIX), в древнейших законах Хиоса (*SGDI*, III, 5653), в одной из элейских ретр (*Olympia V Inschr.* N 2).⁶⁶ Все эти факты объясняются обычно очень просто. Выдвигается предположение, что в какой-то неизвестный нам момент царский титул был узурпирован знатью и стал доступен практически любому аристократу. Гомеровские поэмы согласно этой гипотезе отражают некую переходную стадию политического развития, на которой еще неизжитая окончательно единоличная царская власть начинает постепенно уступать свое место растущему могуществу аристократии и одному настоящему царю противостоит множество так называемых «царей». При всей кажущейся ее самоочевидности эта догадка должна быть признана чисто умозрительной конструкцией, не находящей никакого подтверждения в источниках. Ни один античный автор не говорит прямо о присвоении знатью первоначально не принадлежавшего ей царского титула. Свидетельство же Гомера, как мы видели, может быть истолковано прямо противоположным образом.

Не лучше обстоит дело и с другой версией той же теории, согласно которой по мере упадка и ослабления царской власти первоначально единая царская *архэ* постепенно расплывалась: административные, военные, религиозные и всякие другие

функции, входившие в ее состав, дробились между многочисленными магистратурами аристократического полиса.⁶⁸ Суждения такого рода базируются главным образом на одном единственном фрагменте «Афинской политики» Аристотеля (fr. 3, 1), в котором говорится о замене царской власти в Афинах архонтатом. Предание, сохраненное Аристотелем, отличается грубым схематизмом, выдающим руку какого-то позднего доктринера, и, как нам кажется, не заслуживает того доверия, которым оно пользуется.⁶⁹ Вообще теория упадка царской власти в ранней Греции теряет всякий смысл, если вспомнить, что представляла собой сама греческая *басилея* в ее древнейшем варианте. Выше мы уже говорили, что власть *басилеев* послемиграционного периода была слишком слаба и ограничена в своих возможностях. По сути дела, ей просто неоткуда было падать. Правда, до нас дошли предания о свержении царских родов: Бакхиадов в Коринфе (Nic. Dam. fr. 58, ср.: Paus. II, 4,4); Басилидов в Эфесе (Suida. Πυθαγόρας); Нелеидов в Милете (Nic. Dam. fr. 54) и др. Ни в одной из этих легенд нет, однако, и намек на столкновение противоположных политических принципов: монархического и республиканского.⁷⁰ Как правило, речь в них идет всего лишь о борьбе за власть внутри правящего рода, которая увенчивается свержением режима олигархии и установлением тирании. В этой связи уместно напомнить, что Фукидид в своем очерке ранней истории Греции помещает «отеческую царскую власть» (πατριή βασιλεία) непосредственно перед тиранией, как бы совершенно игнорируя разделяющий две эти формы государственного устройства — так принято думать в наше время — период олигархии или господства знати. Объяснить это можно только тем, что под *πατριή βασιλεία* в данном случае как раз и подразумевается какая-то форма господства знати, а вовсе не царская власть в обычном понимании этого слова. Ближайшую аналогию этому режиму представляет, как нам кажется, тот тип олигархии, который поздние греческие авторы, например, Аристотель (Polit. IV, 1292a), называют *δυναστεία*, указывая, что при такой форме правления определенные должности обычно закрепляются за определенными семьями и передаются, таким образом, по наследству.⁷¹

Все сказанное не означает, что образы царей в поэмах Гомера были для самого поэта и для его аудитории лишь призраками прошлого, не насыщенными конкретным жизненным содержанием. Феномен личной власти был, несомненно, хорошо известен Гомеру и скорее всего не только по слухам. Он охотно признает право сильной героической личности на первенство в общине. Таков, например, своеобразный принципат Агамемнона среди ахейских вождей или Алкиноя среди феакийских *басилеев*.⁷² Вместе с тем поэт безоговорочно осуждает любые проявления деспотизма, любые попытки разрыва с традиционной фор-

мой аристократического коллегиального управления. Так, например, устами Ахилла осуждаются тиранические поползновения Агамемнона (II, 1, 288 сл.). В другом случае Полидамант, ближайший друг Гектора, порицает его за его диктаторские замашки (XII, 211 сл.). Протестуя против насилия и беззакония, творимого «вскормленными Зевсом царями», Гомер, безусловно, отталкивался опять-таки от современной ему действительности. Нормальным состоянием греческого полиса в гомеровскую эпоху была «борьба всех против всех» (мирные обеды феакийских царей в палатах Алкиноя, их трогательное единодушие, когда один говорит, а все делают — всего лишь идиллия, ни в коей мере не отражающая реального положения вещей). Прежде всего это была борьба за власть и влияние между враждующими знатными родами, каждый из которых стремился отнять у других принадлежащие им «почести». Переход привилегий, связанных с царским саном, из одних рук в другие был в политической практике гомеровской эпохи, по-видимому, обыденным явлением. Царь слабый, неспособный отстоять свою «почесть», тотчас ее лишался иногда вместе с жизнью. Типичной в этом смысле может считаться судьба старика Пелея, о котором, с тревогой спрашивает Одиссея тень Ахилла во время их свидания в Аиде (Od. XI, 496 сл.): «Сохраняет ли он еще свою честь среди многочисленных мирмидонцев, или же уже не чтят его Эллада и Фтия?». Было бы, конечно, праздным любопытством спрашивать, законно или незаконно такое лишение чести. Время, о котором мы говорим, всегда ставило силу впереди права.

Оборотной стороной этой же медали было появление в среде правящей элиты *басилеев* «сильных людей», одержимых жадой самоутверждения и претендующих на единовластие. Можно с уверенностью утверждать, что еще задолго до великих тиранов архаической эпохи в греческих городах происходили постоянные взлеты и падения всякого рода мелких узурпаторов. Некоторым из них, вероятно, удавалось на время возвыситься, подчинив себе общину и других «царей». Типичным примером такого гомеровского «тирана» может служить Эгисф, который в отсутствие Агамемнона «запряг в ярмо» народ Микен (Od. III, 304: δέδμητο δὲ λαός ὑπ' αὐτοῦ). В целом, однако, эта «предтирания» носила, по всей видимости, достаточно эфемерный характер. Не следует забывать, что материальные ресурсы даже самых богатых и могущественных *басилеев* того времени были весьма ограниченными, а их власть не выходила за рамки одного, чаще всего очень небольшого города-государства.⁷⁴ Этим объясняется, по-видимому, тот факт, что в Греции не привился институт военных дружин, сыгравший столь важную роль в становлении средневековой феодальной монархии (с. 90).

Из всего изложенного выше следует, что в гомеровский пе-

риод монархия как сложившийся и нормально функционирующий институт в Греции еще не существовала. Политические отношения этой эпохи можно определить в лучшем случае как преддверие монархии, иначе говоря, как ту фазу общественного развития, на которой ростки личной власти только еще начинают пробиваться сквозь толщу древних родо-племенных обычаев. К своему реальному осуществлению монархическая идея в Греции приблизится лишь в VII в. до н. э. с возникновением первых династий тиранов в Коринфе, Сикионе, Милете и других местах.

ГЛАВА IV

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГОМЕРОВСКОГО ПОЛИСА. СЕМЬЯ И ГЕТЕРИЯ

Уяснение основных принципов внутренней структуры гомеровского общества сильно затрудняет царящая в поэмах иллюзия всеобщей социальной гармонии и благополучия, при которых практически не остается места для каких бы то ни было классовых конфликтов. Вообще мысль о биологической и, следовательно, социальной неравноценности людей, о разделении всего человечества на две обособленных породы «добрых» (ἀγαθοί) и «скверных» (κακοί) или «лучших» (ἀριστες) и «худших» (χέρηες) отнюдь не чужда Гомеру и, более того, можно сказать с уверенностью, принадлежит к числу фундаментальных идей, определяющих собой мировоззрение эпического поэта.² Достаточно вспомнить хотя бы подчеркнуто резкое противопоставление царей и «превосходных мужей» «мужам из народа» в «Диапейре» II песни «Илиады» (188 слл.). Тем не менее нельзя не заметить, что столь ясно выраженные социальные симпатии и антипатии поэта не играют сколько-нибудь серьезной роли в развитии сюжета обеих гомеровских поэм. Если оставить в стороне знаменитую сцену «посрамления Терсита» да, может быть, еще столкновение Одиссея с «царем нищих» Иром, то приходится признать, что открытые проявления аристократической демофобии в эпосе почти не встречаются, и, таким образом, идея извечного антагонизма между «лучшими» и «худшими», хотя и сознается поэтом, но в целом остается где-то за пределами житейской практики его героев, воспринимаясь скорее как некий отвлеченный теоретический постулат, не находящий конкретного воплощения в художественной ткани «Илиады» и «Одиссеи».

Как правило, главные действующие лица поэм — цари и герои — вращаются среди себе подобных, таких же царей и героев, как они сами, почти не соприкасаясь с людьми низшего сорта. Так, если подвергнуть просопографическому анализу

батальные сцены «Илиады», то окажется, что почти все участвующие в них персонажи берутся поэтом из одного и того же достаточно узкого общественного круга «лучших» (ἑσθλοί, ἀρίστοι) или «доблестных», «добрых» (ἀγαθοί) людей. Даже среди так называемых «малых воителей», которым обычно отводится неблагодарная роль «пушечного мяса» для подвигов главных героев, мы не найдем ни одного человека, за исключением, быть может, только Долона, которого с уверенностью можно было бы отнести к категории *ἰσχυοί*, поставив в один ряд с Терситом. Большинство из них составляют цари и царские друзья (ἑταίροι), несколько меньшую часть — сыновья жрецов и прорицателей, наконец просто дети богатых и знатных родителей. Персонажи, принадлежащие к этой последней категории, обычно вводятся в действие формулой ἀφνειός τ' ἄγαθός (II. XIII, 664; XVII, 576; ср. V, 9 сл.), которая, по-видимому, является в глазах Гомера исчерпывающей характеристикой человека «порядочного», т. е. аристократа, так как в ней оба основных элемента, из которых в эпосе складывается понятие знатности, — богатство и воинская доблесть, связаны воедино.³ Логика, которой руководствуется поэт при таком отборе, понятна: эпическая, «табель о рангах» требует, чтобы каждый герой имел дело только с достойным его противником.

Для того чтобы еще более утвердить в сознании слушателя эту иллюзию, Гомер даже слуг и рабов превращает в аристократов по рождению (примерами могут служить Патрокл, Евмей и другие персонажи).⁵ Мир, находящийся за пределами аристократического ойкоса, оказывается практически и вне поля зрения поэта, лишь время от времени напоминая о себе бегом очерченными фигурами «маленьких людей»: пастухов, пахарей, лесорубов, ткачих и пр., встречающихся в сравнениях или в незначительных проходных эпизодах.⁶ Абстрагируясь от всей этой «житейской прозы», Гомер уходит мыслью в воображаемый мир героического прошлого, который рисуется ему как правильно устроенная аристократическая община, еще не знающая классовых антагонизмов, борьбы между знатью и «худородными» и т. п. «презренных материй». И лишь появление на сцене во II песни «Илиады» гротескной фигуры Терсита вносит чуждую ноту в этот хорошо налаженный ансамбль. Выступление Терсита настолько неожиданно, настолько контрастирует с царящим в поэмах духом благочиния и высокой патетики, что воспринимается как какой-то внезапный прорыв в ту историческую реальность гомеровской эпохи, о которой в других местах мы можем лишь догадываться по отрывочным и неясным намекам.⁸

В сущности каждая отдельно взятая гомеровская община представляет собой конгломерат из нескольких патриархальных семей (ойкосов), в социальном и экономическом положении которых трудно уловить какие бы то ни было различия.

Так, почти все известные нам по именам троянцы (около семидесяти пяти персонажей) так или иначе связаны всего с девятью такими ойкосами, в число которых входят огромная семья Приама, семьи его братьев: Клития, Гикетаона, Лампа и Тимоэста и семьи четырех других троянских старцев: Пантоя, Антенора, Укалегона и Анхиза. Из этого круга лиц поэт, смотря по обстоятельствам, выбирает актеров для участия в политической игре, которая разыгрывается на троянской агоре и под стенами города попеременно со сценами сражений. Так, Приам и его сыновья выступают обычно в роли царей, иногда добрых и справедливых, иногда несправедливых. Другие знатные троянцы изображают противостоящий им демос. Один из них Полидамант, сын Пантоя, говорит, обращаясь к Гектору (II. XII, 211 сл.): «Гектор, ты всегда поносишь меня на собраниях, хотя я и говорю самое лучшее, ибо совсем не пристало человеку из народа (δῆμον εἶντα) говорить неправду, увеличивая (тем самым) все время твое могущество». В этих словах нет ни капли самоуничижения. Полидамант — вполне respectable троянский офицер, мудрый птицегадатель, наконец, сын одного из семи троянских *δημοῦροντες*, составляющих ближайшее окружение Приама (II. III, 149 сл.). В чисто социальном плане он мало чем уступает Гектору и в общем принадлежит к тому же самому общественному кругу. Поэт подчеркивает это, называя его товарищем и сверстником Гектора: они даже родились оба в одну и ту же ночь (II. XVIII, 251). Если же он, говоря о себе, называется «человеком из народа» или даже еще точнее «народным человеком», то вовсе не потому, что считает себя простолюдином и сознает свое ничтожество перед лицом природного аристократа. Напротив, в его словах совершенно отчетливо звучит гордость человека, вполне сознающего свою социальную ценность и почитающего своим гражданским долгом противодействовать Гектору в его военных авантюрах и притязаниях на единовластие. Полидамант называет себя *δῆμος* только потому, что в данной ситуации он выступает в роли рядового «солдата» и говорит с «генералом» Гектором от лица *rank and file* троянского войска, хотя во всем остальном они вполне равноценные индивиды (Полидамант в одном случае — II. XV, 453 — носит даже царский титул *ἄναξ*). Таким образом, *δῆμος* здесь отнюдь не то же самое, что *δῆμον ἀνὴρ* в II. II, 198. Там слово *δῆμος* означает простой народ, плебс в противовес аристократии (единственный случай такого рода во всей гомеровской поэзии!), тогда как здесь имеется в виду вся троянская община, состоящая преимущественно из знати и противостоящая ому человеку, облеченному властью — Гектору.¹¹

Как социально однородная группа аристократических семей демос предстает перед нами также и в «Одиссее», в сценах на Итаке и на острове феаков. Особенно показательна в этом пла-

не сцена народного собрания итакийцев в заключительной песни поэмы (Od. XXIV, 413 слл.). Возбужденный вестью о гибели женихов народ собирается на площади, чтобы обсудить создавшееся положение. Первым к собранию обращается Евпейт, отец Антиноя, с призывом отомстить за убитых «сыновей И братьев» (434 сл.: εἰ δὲ μὴ παῖδων τε κασιγνήτων τε φονήας τισόμεθ'). Из этих слов следует, что среди участников собрания немало родственников женихов, которые так же, как и они сами, принадлежат к итакийской знати (женихи неоднократно именуются в поэме «лучшими юношами» Итаки и близлежащих островов, они не только претендуют на царскую почесть Одиссея, но и сами уже являются царями, с. 62). Выступающий в защиту Одиссея Галитерс, со своей стороны, упрекает граждан в том, что они вовремя не удержали сыновей от безрассудных поступков и тем самым ускорили их гибель (456 сл.). Вслед за этой речью собрание распадается на две части (463 сл.). «Большая из половин», очевидно, родственники женихов, со страшным воплем вскакивает со своих мест и бросается вслед за Евпейтом. Прочие во главе с Ментором и Галитерсом остаются на месте. Поэт, конечно, ни на минуту не допускает мысли, что среди этих «благонамеренных» граждан, которым он всецело сочувствует, есть хоть один человек, принадлежащий к черни (καῖός). «Лучшие» — и на той и на другой стороне. «Лучшие» восстают против «лучших». Бесспорно, картина эта алогична и парадоксальна в своей основе. Если в общине есть «лучшие» люди, то, очевидно, должны быть и «худшие», но о них Гомер как будто ничего не хочет знать.¹²

Итак, основной социологический парадокс гомеровской поэзии состоит в том, что аристократия в ней практически подмывает собой общину и, если можно так выразиться, уподобляет ее себе. Поэтому как в «Илиаде», так и в «Одиссее» масса рядовых воинов или граждан (в сценах мирной жизни) оказывается состоящей из людей, которых поэт называет ἀριστοί, εὖθλοί, ἥρωες.¹³ По этой же причине аристократы выступают обычно от лица народа, как выразители его чаяний и настроений (единственное исключение из этого правила опять-таки — Терсит), а свойственные аристократии формы социальной организации: патриархальная большая семья, мужской союз (гетерия) и являющаяся его коррелятом в военное время дружина, безраздельно доминируют в эпосе, оттесняя на задний план все другие виды общественных связей.

Как было уже показано на примере Трои, патриархальная семья — ойкос — является основной структурной ячейкой гомеровского общества и своеобразным центром того микрокосма, в котором протекает повседневная жизнь героев поэм.¹⁴ Достаточно трудно на основании рассеянных в тексте «Илиады» и «Одиссеи» отрывочных замечаний о семьях отдельных героев составить ясное представление о размерах и составе ти-

пичного эпического ойкоса. Известное описание дома Приама (Il. VI, 242 слл.) слишком явно тяготеет к сказке и едва ли может быть признано показательным для семейных отношений во времена самого Гомера, хотя в более ранний период подобного рода гипертрофированные, основанные на полигамии семейные коллективы, охватывающие не только взрослых уже женатых сыновей домовладыки, но и замужних его дочерей с их мужьями, вероятно, были нормой повсеместно в Греции.¹⁵ С другой стороны, нельзя считать типичным и «род Аркесия», в котором каждое очередное поколение представляет один единственный отпрыск мужского пола (Od. XVI, 117). Сам поэт подчеркивает необычность этой ситуации, давая понять, что нормальной в его представлении является моногамная семья, включающая в себя несколько взрослых представителей ее мужской линии, по крайней мере в одном поколении (ibid., 97, 115). Ее образцом на той же Итаке может служить семейство старца Египтия, в котором два, очевидно, уже взрослых сына живут вместе с отцом и сообща ведут хозяйство, в то время как третий и, вероятно, младший по возрасту Еврином «шатается с женихами» (Od. II, 21 сл.). Аналогичный характер имеют, судя по всему, ойкосы Нестора и Алкиноя в «Одиссее», ойкосы Пантоя, Антенора и пр. в «Илиаде».¹⁶

Кроме свободных членов семьи, связанных родством или брачными узами с ее главой, ойкос включал в себя еще две важных социальных категории: рабов и слуг.¹⁷ О гомеровском рабстве написано уже достаточно много, и мы можем не касаться здесь этой темы. О слугах же речь пойдет ниже (с. 80 слл.).

Доминирующее положение, которое занимает в жизни гомеровского общества самодовлеющий патриархальный ойкос, в значительной мере обусловлено тем, что за его пределами поэт не показывает нам никаких других родственных объединений высшего порядка, которые могли бы не только конкурировать с ойкосом, но и подчинить его себе. Как в «Илиаде», так и в «Одиссее» Гомер упорно избегает каких бы то ни было упоминаний о роде. Нигде в эпосе мы не найдем указаний на то, что поэту была известна родовая собственность на землю или какие-нибудь другие виды имущества, нигде не говорится об общих собраниях членов рода и обсуждениях ими каких-то важных для них вопросов. Вообще род ни разу не выступает у Гомера в виде четко оформленного социального организма, имеющего определенную внутреннюю организацию, свои законы и обычаи, короче говоря, все те черты и признаки, которые приписывает ему Морган.¹⁸ В тех случаях, когда, как это бывает, например при кровной мести, в подлинно родовом обществе предполагается вмешательство рода как союза сородичей, на эпической сцене появляется достаточно аморфная и неопределенная по своим очертаниям группа близких и дальних родственников (κασιγνήτοι, ἀνεψιοί), к которым присоединяются

также свойственники ("ἑται);¹⁹ друзья (ἑταῖροι) и в некоторых случаях соседи (γείτονες). "ἑται и ἑταῖροι встречают героя когда он с победой возвращается с поля битвы в свой лагерь (II. VII, 295). Κασίγνητοι и ἑται предают земле его останки если он погибнет в бою (II. XVI, 456; ср. XXIV, 793, где последний долг погибшему Гектору воздают его κασίγνητοι θ ἑταῖροι τε). Γείτονες и ἑται собираются в доме, когда его хозяин устраивает свадебный пир (Od. IV, 3, 16). "ἑται и ἀνεψιό вмешиваются в ссору отца с сыном и пытаются их помирить (II. IX, 464 слл.). Но особую важность приобретает наличие широкого круга родственников в таких критических ситуациях, как кровная месть или гражданская распря (Od. XV, 272 сл.; XXIV, 434 сл.). Человек, лишенный родственников, практически незащищен перед произволом и насилием (Od. XVI, 115; ср. II. IX, 648), и, напротив, тот, у кого их достаточно много, способен решиться на любое беззаконие и спокойно пренебрегает волей общины (Od. XVIII, 139 слл.; ср. II. V, 474).

Необходимо еще раз подчеркнуть, что во всех этих случаях речь идет не о роде в собственном значении этого слова, а лишь о группе семей (ойкосов), связанных между собой как узами крови, так и брачными или просто дружескими союзами. Соответствующая этим отношениям форма социальной организации должна представлять собой некую промежуточную стадию на пути от большесемейной общины к соседской, но никак не род, поскольку в этом последнем не может быть никаких родственников по браку, а узы кровного родства, связывающие всех его членов в единый коллектив, не поддаются точному определению. По существу само понятие рода употребляется в поэмах лишь в чисто генеалогическом смысле, в тех случаях, когда нужно определить происхождение кого-нибудь из героев (II. XX, 213 слл.).²⁰ Род как социальная группа, определенная единица общественного деления Гомеру практически неизвестен,²¹ и это едва ли случайно. Можно предположить, что утратив еще в эпоху миграций свою экономическую целостность и уступив место основной хозяйственной ячейки общества моногамной патриархальной семье, род в дальнейшем оказался не в состоянии выполнять и свою основную социальную функцию — функцию контроля и организации взаимопомощи. Греческий γένος гомеровского периода был, по-видимому, организацией в основном культового характера и по этой причине остался вне поля зрения создателя героического военного эпоса отнюдь не склонного к пустому благочестию.²²

Что касается других «звеньев органического ряда», как Морган называет фило и фратрии, то и о них мы можем почерпнуть в поэмах лишь самую скудную информацию. Сам Морган и другие сторонники теории «родового быта» гомеровских греков обычно охотно ссылаются на известные строки II песни «Илиады» (362 слл.), в которых Нестор советует Ага-

мемнону построить воинов по филам и фратриям с тем, чтобы они, «сражаясь сами по себе» (κατά σφέας μάχοντες), могли проявить себя с лучшей или с худшей стороны.²³ Лишь немногие из них обращают, однако, внимание на то, что этот совет Нестора, так же как и другие подобные его наставления, остается без всяких последствий. Осыпав мудрого старца пышными комплиментами, Агамемнон тем не менее ни во II, ни в последующих песнях ничего не предпринимает для того, чтобы на практике осуществить этот важный стратегический замысел. Никаких упоминаний о филах и фратриях мы больше во всей «Илиаде» не встречаем. Вместо них в качестве главной и единственной боевой единицы как в ахейском, так и в троянском войске постоянно выступает дружина (ἑταῖροι), явно не имеющая прямого отношения к гентильным объединениям какого бы то ни было толка. Слова Нестора, таким образом, должны быть по всем признакам отнесены к категории ἀπλᾶς λεγόμενα и нуждаются в специальном объяснении. Сам замысел Нестора едва ли может быть понят как какое-то тактическое новшество.²⁴ Царь Пилоса — старейший из ахейских героев, проживший три обычных человеческих жизни. В его житейской мудрости преломляется забытый опыт минувших поколений. В аналогичном эпизоде IV песни (297 слл.) мы видим его ратующим за возвращение к древней микенской тактике сражения на колесницах. Фратрия, как показывает ее название, образованное от исконно индоевропейского, не сохранившегося в греческом языке слова «phrater», принадлежит к числу древнейших социальных институтов, по крайней мере, среди ионийской ветви греческой народности.²⁵ Очевидно, то же самое можно сказать и о филах.²⁶ Однако упоминание о филах и фратриях (II. II, 362) нельзя понять и как отголосок давно забытого прошлого, древний боевой порядок, который Нестор противопоставляет здесь не оправдавшей себя в течение десяти бесплодных лет Троянской войны тактике дружин.²⁷ Построение гражданского ополчения по гентильному принципу практиковалось во многих греческих государствах, в том числе в Афинах и Спарте, вплоть до конца архаической эпохи.²⁸ Надо полагать, что и во времена Гомера этот тип военной организации был достаточно широко распространен в Греции и, напоминая Агамемнону о будто бы забытых им филах и фратриях, Нестор, как это нередко с ним бывает, лишь изрекает очевидную банальность.²⁹ И если, несмотря на это, фратрии и фило больше ни разу не появляются на страницах «Илиады», то объяснение этого парадокса следует искать прежде всего в особенностях поэтической техники Гомера, в основных идейных и художественных установках его творчества. Очевидно, традиционной героической поэзии, в лоне которой вырос гомеровский эпос, была известна лишь одна форма боевого сообщества — дружина.³⁰ Исходя из этого древнего стереотипа Гомер

строит большую часть батальных эпизодов «Илиады». В про-
низывающей поэму стихии «рыцарских» авантюры, набегов и
поединков филы и фратрии—эти фундаментальные института
родового общества с их громоздкой и сложной внутренней ор-
ганизацией, далеко неоднородным социальным составом и не
столько военными, сколько гражданскими (преимущественно
сакральными) функциями должны были восприниматься как
неуместное и чужеродное явление. Их трудно было «вписать»
в общую картину того эгалитарно-аристократического микро-
косма, в котором живут и действуют гомеровские герои, и поэт
предпочел вообще о них не упоминать, отступив от этого пра-
вила лишь в одном единственном эпизоде II песни.

Современный историк может поставить в упрек Гомеру су-
щественное упрощение реальных пропорций позднеродовое
греческого общества. Как замечает Финли, само понятие кров-
ного родства сведено в эпосе к достаточно узкому кругу лиц,
не выходящему за пределы одного большого ойкаса.³² Поэтому
более массивные и сложные социальные структуры, вроде тех
же фратрий и фил, остаются практически «за бортом» эпиче-
ского повествования, хотя в реальной жизни гомеровской эпохи
их роль еще могла быть весьма значительной. Тем не менее
нельзя не заметить, что и в этом уже достаточно сильно инди-
видуализированном и далеком от примитива обществе родст-
венные узы все еще продолжают сохранять свое первостепен-
ное значение как важнейший организационный принцип,³³ дей-
ствующий в социальной и политической жизни общины.

Конечно, наряду с родственными отношениями социальное
поведение гомеровских героев могут определять различные
другие факторы. Важнейшим среди них является чувство дру-
жеской привязанности, соединяющее людей, независимо от их
родовой и даже этнической принадлежности. Иногда это чув-
ство властно выдвигается на первый план эпического расска-
за, оттесняя в сторону все прочие эмоции и побуждения и вы-
ливаясь в катастрофический взрыв страстей, влекущий за со-
бой колоссальные по своей значимости последствия. Только
скорбь о погибшем друге Патрокле и жажда мести за него вы-
нуждают Ахилла отречься от гнева и снова выйти на поле бит-
вы против троянцев. Грандиозная, почти сверхчеловеческая
страсть, руководящая поступками Ахилла, в гипертрофирован-
ной форме воспроизводит, по-видимому, достаточно хорошо из-
вестный поэту и его слушателям тип человеческих взаимоотно-
шений. В самой «Илиаде» мотив мести Ахилла многократно
повторен и усилен в целой серии малых «вендетт», занимаю-
щих немало места в батальных сценах поэмы. Месть за родст-
венника или свойственника перемежается в них с местью за
гибель «милого друга», из чего следует, что дружба и чувство
семейной привязанности стоят³⁴ в гомеровской шкале этических
ценностей практически рядом.

Читая поэмы, мы сталкиваемся в них с многообразными
модификациями и вариантами дружеских союзов.³⁵ Наряду с
дружбой сверстников-соседей, живущих в одном и том же по-
лисе, Гомеру известна и дружба, связывающая иноплеменни-
ков, сблизившихся по воле случая во время странствований в
чужих краях. Отношения этого рода, скрепленные взаимными
клятвами верности и обменом дарами, могут передаваться по
наследству от родителей к их детям. Так, Диомед, встретив на
поле сражения Главка, узнает в нем «давнего отеческого
гостя» (ἔξινος πατρώιος ... παλαίος), так как дед Диомеда
Иней некогда принимал в своем доме деда Главка Бедлеро-
фонта и заключил с ним союз дружбы (II. VI, 215 слл.).³⁶ Узы
дружеской привязанности могут соединять и социально вполне
равноценных индивидов и людей, стоящих на разных ступенях
общественной лестницы. Так, принятый в дом слуга-чужеземец
может стать ближайшим другом своего хозяина. Типичным
примером могут служить опять-таки отношения, связывающие
Ахилла с Патроком.

Особый интерес для исследователя социальных институтов:
представляют те нередкие в эпосе случаи, когда узы дружбы
выходят за рамки интимного союза двух героев, простираясь
на более широкий круг лиц. В поэмах фигурируют два основ-
ных типа такого сообщества, судя по всему, близко родствен-
ных между собой и иногда незаметно переходящих друг в дру-
га — это дружина и мужской союз.³⁷ Оба они обозначаются
одним и тем же термином εταῖροι. Встречающиеся в эпосе
объединения εταῖροι довольно заметно различаются между со-
бой по своей внешней форме и организационной структуре. В
одном только ахейском лагере под Троей мы находим по край-
ней мере две разновидности такого объединения. С одной сто-
роны, какое-то подобие дружеского союза, типа позднейшей
гетерии, составляют³⁸ главные ахейские герои — предводители
отдельных ополчений. Поэтому Аякс, сетуя на непреклонность
Ахилла (II. IX, 630 сл.), говорит, что он ни во что не ставит
дружбу своих товарищей (εταῖροι), имея в виду себя и других
ахейцев (ibid., IV, 266; XI, 461; XIII, 477; XVII, 273, 507, 532,
640; XIX, 305; XXIII, 556). Основой этого союза является, по
всей видимости, клятва верности, которую перед началом по-
хода принесли Агамемнону как главному предводителю в этом
предприятии другие ахейские вожди (II. II, 286 слл.; 341).
Сражаясь плечом к плечу на поле брани, члены союза собира-
ются после боевого дня в палатке одного из них и устраивают
общую трапезу либо в складчину (II. X, 214 слл.), либо за
счет «хозяина дома» (ibid., IX, 70 слл.; 225 слл.). В роли пред-
седателя на этих пиршествах выступает обычно глава гетерии
Агамемнон: обеды чаще всего устраиваются именно в его шат-
ре, так как он намного богаче всех других ахейских царей (II.
IX, 70 слл.). Он распределяет почетные доли вина и мяса

между особо отличившимися воителями и сам получает причитающуюся ему «председательскую» порцию (II. IV, 257 слл.).³⁹ Другие герои, очевидно, признают первенство Агамемнона и даже в определенной мере свою зависимость от него. Однако эта зависимость едва ли может быть отождествлена со средневековым вассалитетом, так как носит лишь временный характер (ахейская коалиция создана только на время похода) и основана на добровольном подчинении всех участвующих в походе царей одному «самоу царственному» из всех.⁴⁰

В то же время почти все главные греческие герои имеют свои собственные дружины (в тексте поэмы они могут обозначаться терминами *εταῖροι*, *κοῦροι*, *λαῶς* или *λαοί*). В каждой такой дружине есть люди, связанные с героем-предводителем узами личной зависимости, как его *θεράποντες* (слуги), л иногда и самой нежной дружбой.⁴¹ Практически оба понятия «слуга» и «друг» здесь совпадают, хотя социальная дистанция, отделяющая друга-слугу от друга-хозяина вполне сознается как теми, так и другими. Не случайно Менэтий, отец Патрокла, напутствуя сына перед троянским походом, дипломатично напоминает ему, что он должен знать свое место как слуга, а не только как друг Ахилла, который, во-первых, знатнее его родом (*γενεῇ μὲν ὑπέρτερος ἐστίν*), а во-вторых, гораздо сильнее физически (II. XI, 786⁴² сл.). Определяя социальный статус *θεράποντες*, Финли пишет: «Эти люди не были ни рабами, ни крепостными. Они были слугами (*retainers* — *θεράποντες*), получавшими в обмен за свою службу подобающее место в основной социальной единице — домохозяйстве. Их членство (в ойкосе) было, несомненно, второсортным, но оно давало им как материальную обеспеченность, так и связанные с принадлежностью к семье психологические ценности и удовлетворение». Типичный эпический слуга это — изгой, человек без роду-племени. Патрокл бежит из Опунта, где он убил во время игры в бабки одного из своих сверстников, во Фтию. Пелей принимает его в свой дом и делает слугой и товарищем Ахилла (II. XXIII, 85 слл.). Точно также Ликофрон, слуга Аякса Теламонида, — в прошлом убийца, бежавший с Киферы, спасаясь от кровной мести (II. XV, 430 слл.). Феникс, оруженосец (ὄπλων) Пелея, приходит к нему, покинув родину после ссоры с отцом (II. IX, 480 слл.; XXIII, 360). Во всех этих случаях беглец, очевидно, принимается в дом на правах младшего члена семьи. На него распространяются основные принципы, действующие в кругу лиц, связанных кровным родством. За его смерть надлежит мстить как за смерть родственника. Его тело нельзя оставить врагам или бросить без погребения. Отношения между Ахиллом и Патроплом достаточно ярко характеризуют эти нормы гомеровской этики. Слуга может жить под одним кровом со своим покровителем, питаться за его столом в то же время оказывать ему необходимые повседневны

услуги: готовить пищу, накрывать на стол, разливать вино и т. д. (II. XXIV, 621 слл.; Od. I, 109; IV, 22 сл.; 38, 217). Возможен, однако, и другой вариант: слуга получает от патрона участок земли, дом и живет сам по себе, своим хозяйством, готовый, однако, по первому зову явиться на помощь к своему благодетелю.⁴³ По такой схеме строятся в «Илиаде» отношения между Пелеем и Фениксом (II. IX, 480 слл.), хотя здесь, по-видимому, хорошо знакомая поэту житейская ситуация переведена в плоскость сказочной гиперболы, благодаря чему бездомный скиталец, ищущий приюта, получает от своего радушного гостеприимца уже не скромный надел, а целую страну с населяющим ее народом.⁴⁴

Верность слуги своему патрону и благодетелю испытывалась прежде всего в бою. Во время сражения *εταῖροι* неотступно следуют за героем, держат наготове его собственных лошадей и угоняют с поля захваченных им вражеских коней, принимают у него шит, когда он устает и окружают его в случае ранения.⁴⁵ Друзья-слуги ни на минуту не покидают героя и после боя по возвращении в лагерь. Они прислуживают ему за трапезой, стелят ему и его гостям постель и сами спят с ним под одним кровом или где-нибудь поблизости. Обязанности такого рода выполняют, например, друзья Ахилла: Патрокл, Автомедон, Алкимедон, Эпигей (II. IX, 205 слл.; 658 слл.; XXIV, 621 слл.; 643 слл.). Показательно что все они считаются *εταῖροι* не только по отношению к своему вождю и покровителю, но и по отношению друг к другу. Так, Автомедон назван «другом» Патрокла (II. XVII, 459), Патрокл — «другом» Автомедона (*ibid.*, 472), Алкимедон — «другом» Автомедона (*ibid.*⁴⁶ 466, 500) и Эпигей — «другом» Патрокла (II. XVI, 581).

Домочадцы Ахилла вроде Патрокла или Автомедона составляют ядро его мирмидонской дружины, ее элиту. Но кроме них в состав дружины входят и другие, рядовые ратники, которые также считаются друзьями и слугами героя, но не постоянными, а временными.⁴⁷ Образ одного из них принимает Гермес, встретивший Приама на его пути в лагерь Ахилла (II. XXIV, 396 слл.). Представляясь Ахиллу, он называет себя слугой Ахилла, сыном богатого мирмидонца — старца Поликтора. У Поликтора было семь сыновей. Одному из них выпал жребий идти вместе с Пелидом под Трою. Этого мирмидонского воина, как видно из его рассказа, не связывают с Ахиллом узы личной дружбы, он не имеет, вероятно, никакого отношения к ойкосу Пелея и идет на войну, повинувшись скорее житейской необходимости, чем чувству долга перед своим патроном. Сын Поликтора — фигура типичная для всего ахейского войска. С подобными ему «жертвами рока» мы сталкиваемся и в дружинах других героев. Так, среди дружинников Агамемнона, сложивших свою голову под стенами Трои, поэт называет корин-

фянина Евхенора, сына прорицателя Полиида (II. XIII, 663 слл.). Его отец предсказал ему, что он погибнет, если пойдет на войну, или исчахнет от тяжелой болезни, если останется дома. Евхенор предпочел первое, но не только потому, что не хотел медленно умирать под родительским кровом, а еще и потому, что боялся, что ахейцы подвергнут его, как дезертира тяжелой пене (τω 'ρ' ἄμα τ' ἀργαλέην θωήν ἀλλείνεν 'Αχαιῶν). Оказавшийся в аналогичной ситуации богатый сикионец Эхепол дарит Агамемнону кобылицу Эфу, чтобы избавиться⁴⁸ от обязанности участвовать в походе (II. XXIII, 296 слл.). Эпизоды такого рода показывают, что в основной своей части, за исключением численно, по-видимому, небольшого ядра близких друзей и слуг предводителя, дружина не существовала как некое постоянное, всегда готовое к бою целое. Дружинников нужно было собирать перед началом очередного похода и снова распускать после его окончания (выражение εταίρους ἀγείρειν дважды встречается в «Илиаде». — III, 47; XIII, 778). В этом отношении ахейская дружина существенно отличается от военных союзов, подобных галльским амбактам или германскому комитатусу. Лишь ее ядро, состоящее из домочадцев предводителя, может расцениваться⁴⁹ как зачаточная форма постоянного объединения такого типа.

Однако, в той же «Илиаде» мы сталкиваемся и с другой, судя по некоторым признакам, более прочной и устойчивой формой товарищеского союза. Примером может служить корпорация сотрапезников и вместе с тем боевая дружина, которую составляют троянские герои, группирующиеся вокруг Гектора как его εταῖροι.⁵⁰ В составе этой корпорации мы видим и родных братьев Гектора: Париса, Деифоба, Гелена (II. XIII, 780), и «кузена» Энея (ibid., 489), и лиц, вообще не связанных с ним родством: Полидаманта сына Пантоя (XVIII, 251), Подеса сына Этиона (XVII, 577), Агенора сына Антенора (XIII, 489). Все эти лица считаются «друзьями» не только по отношению к Гектору, но и по отношению друг к другу (II. XIII, 489; 780). Все члены корпорации принадлежат, по-видимому, к одной возрастной группе (старше класса «юношей» и младше «старцев»), и, таким образом, весь союз покоится на принципе сверстничества. О Полидаманте, например, прямо сказано, что он был товарищем Гектора, потому что они оба родились в одну и ту же ночь (II. XVIII, 251). Обычное времяпрепровождение членов союза состоит в пирах и попойках. О Подесе, убитом Патроклом, поэт замечает, что Гектор особенно ценил его как «любезного друга-товарища пиров» (II. XVII, 577: ελεῖ οἱ εταῖρος ἐν φιλος ἐλάτιστατός). Особый интерес в этой связи представляет отрывок из «плача Андромахи», в котором она описывает горькую участь лишившегося отца маленького Астианакса (II. XXII, 490 слл.): «День сиротства совершенно лишает ребенка сверстников. Всегда с поникшей головой, ще-

ки заплаканы. В нужде приходит мальчик к товарищам отца (ἐς πατρός εταίρους). Одного тащит за плащ, другого за хитон. Кто-нибудь сжалится и протянет малую чашу — только губы смочить, для неба же не хватит. А то и прогонит его с обеда счастливец, у которого и отец есть и мать, ударами и бранью осыпав: Убирайся, ведь твой отец не обедает с нами. — Плача, мальчик приходит к матери-вдове. Астианакс, который прежде на коленях своего отца ел только мозг и жир бараний». Эта выразительная сценка включает в себе ценнейшую историческую информацию. Во-первых, мы узнаем отсюда, что товарищи Гектора, как ни в чем не бывало, продолжают собираться на свои обеды и после его смерти. Таким образом, имеется в виду совершенно самостоятельный мужской союз, объединяющий группу сверстников, и существующий безотносительно к личности того или иного героя, что резко отличает его от ахейских дружин, основанных как мы уже видели, на принципе личной зависимости. Далеко не каждый может стать членом такого союза, имеющего все признаки замкнутой аристократической корпорации, а только человек, владеющий⁵¹ достаточной собственностью. Несомненно, прав Финзлер,⁵¹ указывающий, что цитированные выше строки логически вытекают из предшествующих слов Андромахи (ibid., 489): «Ведь чужие отнимут поле» (ἄλλοι γάρ οἱ ἀπουρήσουσιν ἀρούρας). Лишившись отцовского надела, Астианакс лишается вместе с тем и возможности принимать участие в дружеской складчине, так как ему не из чего вносить свою долю к общему столу. Любопытна и внешняя сторона этих обедов: маленькие мальчики участвуют в трапезе, сидя на коленях своих отцов, которые сами их кормят. Сходная форма общей трапезы взрослых и детей прослеживается в некоторых районах Греции, например на Крите и в Аркадии и в гораздо более позднее время (Athen. IV, 143e; 149c).

Аналогичные товарищества сотрапезников хорошо известны и автору «Одиссеи». Как и в «Илиаде», эти союзы объединяют в своем составе главным образом сверстников, практически совпадая с возрастными классами юношей, взрослых мужей и старцев. На Итаке последний из этих⁵² трех классов представляют цари старшего поколения: Одиссей⁵² и его друзья Ментор и Галитерс (этих двоих поэт несколько раз называет «отцовскими товарищами» Телемаха — Od. II, 253 сл.: οἱ ἐξ ἀρχῆς πατρίοι εἰσιν εταῖροι; также II, 286, XVII, 68; XXII, 208), к которым, вероятно, присоединяются и родители женихов, например Евпейт, «герой Египтий» и др. Союз старцев продолжает собираться на свои трапезы и в отсутствие Одиссея, причем его место за общим столом принадлежит теперь Телемаху, который, конечно, не по возрасту, но по своему общественному положению как самостоятельный домохозяин и глава семьи⁵³ может считаться одним из итакийских старейшин-судей.⁵³ Так можно понять слова Антиклей, на которые мы уже

обращали выше внимание читателя (Od. XI, 185 сл.): «Никто еще не присвоил твою прекрасную почесть. Телемах спокойно владеет теменом и участвует в равных пирах, которые пристало устраивать мужу-судье (ας ἐπέοικε δικάσθ' ἄνδρ' ἀλεγύνειν). Ведь все (его) приглашают». Логика авторской мысли здесь примерно та же самая, что и в цитированном выше отрывке из «Плача Андромахи», Поэт хочет сказать, что Телемах (в отличие от Астианакса) сохранил отцовский надел и именно поэтому может участвовать в коллективных обедах итакийской знати (каждый из δικάσθ' ἄνδρ' должен был в свою очередь принимать в своем доме всех остальных членов союза, подобно тому как это делают старейшины ахейского войска в «Илиаде», причем обеды устраивались либо в складчину, либо за счет хозяина дома).³⁴

Мудрым и чинным старцам противостоит во второй гомеровской поэме буйная толпа юношей-женихов Пенелопы (χοῦροι — постоянное их обозначение в поэме. — II, 96, XVI, 248; XVII, 174; XIX, 141; XXII, 20; XXIII, 122; XXIV, 131). Женихи — отнюдь не случайное сборище претендентов на руку Пенелопы, но, союз, имеющий определенную внутреннюю организацию, определенный регламент и т. д.³⁵ На это указывает перечисление женихов в Od. XVI, 247 сл. (Телемах подсчитывает врагов, желая показать отцу, насколько трудным будет задуманное им предприятие): «С Дулихия пятьдесят два избранных юноши и с ними шесть слуг (δρῶσι ἄνδρες). С Самы пришли двадцать четыре человека. С Закинфа — двадцать ахейских юношей. С самой Итаки — двенадцать, и все лучшие. И с ними вестник Медонт, божественный певец, и двое слуг, сведущих в разрезании мяса». На сто восемь женихов приходится таким образом, только десять слуг, если приписать к ним также глашатая и певца. Такое соотношение наводит на мысль о том, что слуги, о которых говорит Телемах, не являются слугами отдельных женихов, а принадлежат всей компании в целом (или, может быть, отдельным их группам, прибывшим с разных островов).³⁶ Иначе говоря, это — слуги союза, специализирующиеся на приготовлении и обслуживании коллективных обедов (Телемах подчеркивает это, говоря о двух δαίτροι итакийских женихов). В качестве аналогии можно сослаться на слуг в критских сисситиях (в каждой гетерии их было от десяти до тринадцати человек — Athen. IV, 143в) или на пономестных поваров в спартанских фидитиях (Hdt. VI, 60).

«Гордыня» (ὕβρις) женихов проявляется прежде всего в их обжорстве, в уничтожении ими чужого имущества (обжорство и насилия над рабынями Одиссеем делает первым пунктом своей короткой обвинительной речи в XXII, 36 сл.). Как посягнувшие на священное право собственности, они расплачиваются за это своей кровью. Имущественный вопрос фактически становится центром тяжести в том конфликте, на котором строит-

ся сюжет поэмы. Безусловно, правы те исследователи, которые видят в обедах женихов злоупотребление каким-то обычаем, а не просто произвол, творимый шайкой насильников в доме беззащитной вдовицы, которую они таким путем пытаются принудить к ненавистному ей браку.³⁷ Но что это за обычай? Ключом к правильному пониманию взаимоотношений семейства Одиссея с женихами может служить, по нашему мнению, речь Телемаха в Od. II, 138 сл. (ср. I, 374 сл.): «Если ваша душа стыдится этого, уйдите из моего дома, устраивайте другие обеды, проедаая свое имущество, чередуясь домами (ἀμειβομένοι κατὰ οἴκους). Если же вам кажется желанней и лучше оставаться и губить безвозмездно имущество одного человека, жрите!» В чем смысл этих слов Телемаха? Он не пытается доказать, что женихи вообще не имеют права обедать в его доме, хотя казалось бы, именно с этого и нужно было бы начать. Он лишь протестует против того, что ему одному приходится нести все бремя расходов в устройстве этих обедов. В такой интерпретации это место созвучно уже упоминавшемуся отрывку из «Некии», в котором говорится об обедах итакийских судей. Женихи, так же как и их отцы δικάσθ' ἄνδρες, едят в доме Телемаха по обычаю: будучи членом союза, объединяющего знатную молодежь Итаки и соседних с ней островов, он обязан время от времени принимать у себя своих товарищей и устраивать для них угощение. Но женихи злоупотребляют гостеприимством Телемаха, оставаясь в его доме дольше положенного срока. Именно в этом можно видеть причину конфликта.

Острота конфликта, однако, еще более усугубляется, если предположить, что Телемах и женихи находятся далеко не в равном положении по отношению друг к другу. В то время как сын Одиссея, лишившись отца, по необходимости стал главой семейства и полновластным хозяином всех принадлежащих ему богатств (Od. I, 397 СЛЛ.: αὐτὰρ ἐγὼν οἴχοιο ἀναξ εἶομαι ἤμετέροιο...), женихи все еще остаются на положении несовершеннолетних юношей при своих родителях и старших братьях. Типичен в этом отношении Еврином, сын старца Египтия, который как и все женихи, проводит время в попойках, в то время как два его старших брата, вероятно, уже женатых, трудятся в отцовском хозяйстве (ἐχὼν πατρίδια ἐργα — Od. II, 115 сл.). Устройство обедов на началах взаимного гостеприимства для женихов в этом случае, очевидно, исключено: у них нет ни имущества, ни домов, куда бы они могли пригласить друг друга. Вместе с тем их союз объединяет в своих рядах цвет итакийского юношества, отборных молодых воинов, из которых можно было бы сформировать первоклассную дружину. Можно допустить, что на Телемахе, так же как и на всех прочих гражданах Итаки, лежит бремя содержания этой ἐργα πόλιος («опоры города», как называет уже убитых женихов Одиссеем в Od. XXIII, 121). Весь ужас положения Телемаха в том, что женихи едят и пьют

в его доме безвозмездно (νῆπιον). Он ничего не может потребовать ни с них самих, потому что у них нет своего имущества, ни с их родителей, потому что они не отвечают за действия союза. Затруднительная ситуация, в которой оказался сын Одиссея, вынуждает его обратиться к собравшемуся на агоре народу с довольно странным, на первый взгляд, предложением (Od. II, 74 сл.): «Мне было бы выгодней, если бы вы (сами) проели мое имущество, движимое и недвижимое (κείμενα τε πρόβατα τε). Так как, если бы вы проели, я быстро получил бы плату (τίσις). Мы бы до тех пор ходили по городу, выпрашивая имущество, пока все не было бы отдано». Место кажется непонятным, так как скрытый в нем поворот примитивного правового мышления трудно уловим для невооруженного глаза современного читателя. Слова Телемаха — не просто жест отчаяния. В них есть трезвый, хотя, может быть и несколько наивный расчет. Телемах предпочитает отдать свой дом на поток и разграбление отцам грабителей, с которых он затем как с полноправных собственников взыщет сполна весь ущерб, опираясь в сущности на тот же самый обычай поочередного гостеприимства (отдаривания), на котором основываются обеды итакийских δῖκασπόλοι.⁵⁸

Характеризуя женихов как шайку молодых грабителей, опустошающих дом Одиссея и притесняющих его близких, Гомер, безусловно, опирался на очень древнюю мифологическую традицию, уходящую своими корнями в глубины первобытной эпохи. У многих примитивных народов юноши, достигшие половой зрелости и прошедшие или только еще собирающиеся пройти через обряд инициации, освобождаются от работы в хозяйстве их родителей и на значительный срок совершенно обособляются от общины,⁵⁹ образуя замкнутый (иногда строго засекреченный) союз. Нередко молодежные объединения этого типа выполняют определенные общественно полезные функции военного или мирного характера (совершают набеги в земли соседей, унося оттуда скот, и в то же время несут охрану племенной территории, пасут скот, прокладывают дороги и т. д.). В свою очередь община добровольно берет на себя издержки по содержанию союза. Время от времени молодые люди, живущие обычно в особом лагере или в мужском доме где-нибудь в лесу, появляются в деревне и один за другим обходят дома. Каждый хозяин в случае такого визита должен накормить гостей обедом.⁶⁰ Не всегда, однако, эти посещения проходят так мирно. Во многих местах, например в некоторых районах Африки и Меланезии, члены тайных союзов по ночам покидают свои лесные убежища и замаскированные под «живых мертвецов» врываются в деревни, наводя ужас на женщин и детей и хватая все, что попадется под руку.⁶¹ Узаконенное воровство в спартанских агелах, о котором рассказывают Ксенофонт и Плутарх, несомненно, принадлежит к тому же кругу обычаев.⁶²

Этот краткий экскурс в область сравнительной этнографии позволяет лучше понять ситуацию, сложившуюся на Итаке в отсутствие Одиссея и дает, как нам кажется, наиболее убедительную мотивировку поведению женихов. Их бесконечные пиры в насильственно захваченном чужом доме, истребление чужого вина и скота есть не что иное, как злоупотребление обычаем, который ставит их как надежду и опору общины в особое привилегированное положение, разрешая бесчинствовать, грабить, жить за чужой счет, но все это, конечно, только до определенного предела.⁶³ Женихи переступили через предел дозволенного и несут за это заслуженную кару. Разумеется, в «нашей» «Одиссее» эта архаическая сюжетная коллизия во многом уже переосмыслена и переориентирована на социальную среду совсем иного рода, чем это было в далекой праоснове мифа. Окруженный глубокой тайной и ореолом религиозного могущества союз «лесных братьев» (таково, как нам думается, первоначальное, уже забытое самим поэтом значение этого коллективного образа)⁶⁴ уступает теперь свое место типичной компании «золотой молодежи», наделенной всеми пороками современной Гомеру ионийской аристократии.⁶⁵ Следует, однако, заметить, что этот переход с одного смыслового уровня на другой облегчался тем, что сама традиция мужских союзов, по-видимому, была еще жива в то время, когда создавалась «Одиссея», напоминая о себе постоянными бесчинствами аристократических гетерий, в которых дозволенные обычаем и даже освященные религией проявления удали подрастающего поколения граждан перемежались с кровавыми распрями, угрожающими самим устоям полисного строя.

Любопытные изменения претерпевает во второй гомеровской поэме дружина. Категория ближних гетеров или друзей-слуг, занимающая столь видное место в сюжетных перипетиях «Илиады», в «Одиссее» практически исчезает со сцены. «Проворные слуги» (ὀτρπρόι θεράποντες), фигурирующие в пиршественных сценах этой поэмы (I, 109; IV, 23, 38, 217), это — всего лишь домашняя челядь, годная только для прислуживания за столом, но отнюдь не боевые друзья и соратники главных героев, какими предстают перед нами Патрокл или Автомедон.⁶⁶ В индивидуальных образах этих людей, если поэт находит нужным обратить на них внимание слушателей, трудно уловить хоть что-нибудь героическое. Напротив, в них явно преобладают низкие «лакейские» черты. Даже рабы в критических ситуациях проявляют больше мужества и ведут себя с большим достоинством, чем слуги, хотя эти последние как будто считаются свободными людьми. В то время как пастухи Евмей и Филоитий сражаются плечом к плечу с Одиссеем против женихов, вестник Медонт, дрожа от страха, прячется под свежесодранной бычьей шкурой и затем на коленях молит Телемаха о заступничестве перед отцом (Od. XXII, 346 слл.). Пока-

зательно также и то, что, отправляясь на розыски отца, Телемах не берет с собой никого из этой челяди, но набирает дружину из «товарищей-добровольцев» (Od. II, 291 ἑταίροϋς = ἑθελοντήρας). Все они, как выясняется далее, являются его сверстниками, связаны с ним дружбой (φιλότητι — Od. III, 363 сл.) и принадлежат к лучшим домам Итаки (IV, 652). Вообще говоря, ничто не мешало сыну Одиссея отобрать себе спутников из подвластных ему людей, т. е. рабов и слуг. Такую возможность учитывают и женихи. Когда Нозмон, давший Телемаху корабль, сообщает женихам о его отплытии, Антиной прежде всего задает вопрос о его спутниках (Od. IV, 642 сл.): «Кто из юношей отправился с ним — избранные (среди жителей) Итаки или же его собственные феты и рабы (ἢ εἰς αὐτοῦ θήτες τε δοῦδες)?» И если Нозмон отвечает на это, что за Телемахом последовали «лучшие юноши какие только есть у нас среди народа», то выбор поэта диктуется, конечно, соображениями престижа: царскому отпрыску должны сопутствовать в его трудном предприятии люди по настоящему благородные, а не подонки общества. При возвращении Телемаха на Итаку (Od. XVI, 325 сл.) вводят корабль в гавань и вытаскивают его на берег «товарищи» (ἑταῖροι), т. е. юноши, сопровождавшие его в плавании, а уносят их оружие и корабельное снаряжение «ретивые слуги» (θεράποντες). Здесь явно имеются в виду две совершенно различные социальные категории (ср. Od. IV, 784, где подобным же образом распределены обязанности между женихами и их слугами).

Итак, мы наблюдаем в «Одиссее» совершенно очевидное снижение социальной ценности всего класса θεράποντες, что находит свое выражение прежде всего в разграничении понятий «товарищ» и «слуга», столь тесно связанных между собой во многих эпизодах «Илиады». Во всем этом можно было бы видеть отзвук каких-то резких общественных сдвигов, произошедших за время, разделяющее обе гомеровские поэмы.⁶⁷ Возможно, однако; и другое объяснение. В литературе неоднократно отмечалось, что общий героический настрой гомеровской поэзии заметно снижается во второй поэме, что те картины жизни и быта, которые развертываются перед нами в «Одиссее», более приземлены, более «реалистичны» и в целом ближе к исторической действительности гомеровского периода, чем соответствующие описания в «Илиаде».⁶⁸ Поэтому здесь дистанция, отделяющая верхушку общества (мир «лучших») от его низов (мира «худших»), выдерживается строже, и слуги изображены такими, какими они и были в действительности — бездомными бродягами и бедняками, из милости принятыми в дом и выполняющими самую низкую, недостойную «порядочного человека» работу.⁶⁹ Что касается автора «Илиады», то он в своих суждениях о людях и обществе еще во многом ориентируется на традиционные этические нормы, выработанные микен-

ской героической поэзией. Можно полагать, хотя прямые указания на это в источниках отсутствуют, что дружины микенских ванаков (или лавагетов?) набирались преимущественно из представителей военной знати, составлявших постоянное окружение царя как во время войны, так и во время мира (возможно, это было сословие экетов, о которых неоднократно упоминают таблички пилосского архива).⁷⁰ Несмотря на занимаемое ими высокое общественное положение, эти люди считались, по всей вероятности, царскими слугами и, подобно придворным средневековых европейских королей, выполняли различные приличествующие этому званию поручения, вплоть до прислуживания за столом и в опочивальне.⁷¹ Изображая слуг в «Илиаде» героями и аристократами почти такими же, как и те, кому они прислуживают, подчеркивая их неизменную верность и преданность своему повелителю, Гомер, по-видимому, отдает дань традиции, в которой отголоски микенской дружинной этики были еще достаточно сильны. Не случайно типичный слуга в «Илиаде» — это прежде всего возница, стоящий рядом с героем на колеснице или поджидающий его с лошадьми на месте сражения. Такowy Автомедон, Сфенел, Мерион. Как известно, колесница была главной боевой силой на полях сражений в микенскую эпоху,⁷² но утратила свое значение в собственно гомеровский период. При всем этом между слугами «Илиады» и слугами «Одиссеи» нет, как нам думается, непреходимой исторической грани. Отношения между Ахиллом и Патроком при всей их возвышенности все же укладываются в довольно обычную для времени самого поэта житейскую схему: бездомный странник, принятый в дом «богатого мужа», становится, хотя и на положении слуги, своим человеком в семье, ибо к нему «прирастает» сердце хозяина. В конечном счете образы друзей-слуг в «Илиаде» столь же сложны и синкретичны, как и образы царей, которым они прислуживают. Величественная фигура благородного слуги Патрокла может в равной степени представлять в эпосе две совершенно различных социальных категории: давно сошедшую со сцены служилую знать — колесничих микенской эпохи и скромных θεράποντες — клиентов, составлявших наряду с рабами (δοῦδες) прислугу в домах современной поэту ионийской знати.

Из всех этих наблюдений вытекает совершенно определенный вывод: если оставить в стороне встречающиеся в поэмах (особенно в «Илиаде») реминисценции военного быта микенского времени, то мы должны признать, что дружина в точном значении этого слова как постоянное объединение профессиональных воинов, связанных клятвой верности со своим предводителем и живущих за его счет в его доме, Гомеру практически не известна.⁷³ В социально-экономических условиях реального гомеровского периода, а не вымышленного «Героического века», дружина могла быть только временным и в зна-

чительной степени, по-видимому, случайным сборищем смельчаков, добровольно последовавших за тем или иным аристократом в каком-нибудь опасном предприятии. Как было уже замечено (с. 69), материальные ресурсы гомеровских басилеев были крайне ограничены. Содержать при своем «дворе» в течение длительного времени массу вооруженных людей было бы слишком большой роскошью даже для самых богатых и могущественных из них.⁷⁴ Поэтому в случае необходимости, если, например, затевалась очередная пиратская экспедиция или готовилась месть за погибшего сородича, в действие обычно приводился⁷⁵ сложный механизм родственных, товарищеских и клиентских связей, что позволяло в короткий срок поднять на ноги достаточное число приверженцев, на которых можно было положиться в предстоящей борьбе. Как только дело было сделано и поставленная цель достигнута, дружина расходилась по домам, чтобы возникнуть снова в другом месте и, может быть, в другом составе, когда в ней появится нужда. Таким образом, гомеровская дружина остановилась на той стадии развития, которую германская *Gefolgschaft* прошла уже во времена Юлия Цезаря (Bell. Gall. VI, 23), стадии эпизодически возникавших и столь же быстро распадавшихся «военных партий» (*Heerhaufen*), предназначенных в основном для кратковременных набегов в земли соседей.⁷⁷ Более стабильная форма этого института, предполагающая более высокий уровень военного профессионализма, а также более прочную связь дружинников со своим предводителем (см. ее характеристику у Тацита: Germ. XII—XIV),⁷⁸ по-видимому, так и не привилась на греческой почве.⁷⁹ В значительной мере это обстоятельство объясняется «недоразвитостью» эллинской монархии послемикенского времени, на которую мы уже указывали выше.

Суммируя все сказанное в настоящей главе, мы должны еще раз подчеркнуть, что раннегреческое общество представлено в гомеровских поэмах в весьма специфичном и одностороннем освещении. Виной этому и условность поэтического языка Гомера и некоторые особенности свойственного ему мировосприятия, прежде всего та склонность к идеализации и облагораживанию повседневной жизни, благодаря которой мы видим раннегреческий полис все время только с «фасадной» его стороны, как совокупность ряда аристократических ойкосов вместе с зависимыми от них людьми. Остальная часть населения общины — практически вся масса простонародья — почти всегда остается в тени этой монументальной постройки, созданной воображением поэта. Избирательность поэтического видения окружающего мира ведет к тому, что многие важные аспекты общественной жизни эпохи, например та все еще весьма значительная роль, которую играли в ней гентильные организации, ускользают от нашего внимания. Впрочем, при всей условности и иллюзорности представленной в эпосе картины обществен-

ных отношений ее нельзя расценивать только, как поэтическую фикцию, абсолютно оторванную от почвы действительности. Многие действительно имевшие место тенденции общественного развития, бесспорно, нашли в ней свое отражение. Реальной основой гомеровской концепции аристократического полиса является, как нам думается, надежно удостоверенный традицией и известный также и помимо Гомера факт экономического и политического господства родовой аристократии в Греции IX—VIII вв. до н. э. Приоритет знати в делах, связанных с общинным самоуправлением и судопроизводством, концентрация в ее руках львиной доли принадлежащих общине богатств, верховный авторитет, которым пользовалась эта же прослойка в вопросах религии и культа, — все это давало явно проаристократически настроенному поэту достаточное основание для отождествления влиятельной и родовой верхушки демоса с самим демосом при полном устранении с эпической сцены всей остальной его массы.⁷⁹

ГЛАВА V

ЦАРИ И НАРОД. К ВОПРОСУ О «ВОЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ»

В работах советских историков представленная в эпосе система политических отношений обычно определяется термином «военная демократия». Как известно, этот термин впервые был введен в научный обиход Л. Г. Морганом в 1878 г. Сама концепция «военной демократии» возникла как своевременная и в значительной мере оправданная реакция на господствовавшую в европейской науке на протяжении всего XIX столетия доктрину, согласно которой исходной точкой политического развития Древней Греции была «патриархальная монархия». Полемизируя по этому вопросу с авторитетнейшим английским историком прошлого века Дж. Гротом, Морган писал на страницах своего «Древнего общества»: «Грот утверждает, что „примитивный греческий строй был чисто монархическим, покоясь на личных чувствах и божественном праве“... Истинная характеристика греческого строя, как это представляется американцу, прямо противоположна взгляду Грота. А именно первоначальный образ правления греков был чисто демократическим, покоясь на родах, фратриях и племенах, организованных в качестве самоуправляющихся единиц, а равно на принципах свободы, равенства и братства». Брошенные как бы вскользь слова, «как это представляется американцу», придают полемике между Морганом и Гротом, несмотря на ее сугубо специальный антикварный характер, оттенок политической злободневности. Хорошо известно, что антитеза «европейская деспотия — американская демократия» была общим местом в публицистике США, начиная со времени провозглашения независимости. С умыслом или без него концепция Моргана утверждала исторический приоритет молодой американской конституции над монархическими режимами одряхлевшей Европы. Известная доля политического субъективизма, свойственная историческим построениям, американского этнографа, очевидно, помешала ему осознать-

тот простой факт, что на место выдвинутой им альтернативы «монархия или демократия» легко можно подставить другую «монархия или олигархия (или аристократия)», поскольку демократия отнюдь не является единственно возможным эквивалентом той формы общинного самоуправления, которая существовала у греков гомеровской эпохи.

Характеризуя типично варварское общество, изображенное Гомером как царство всеобщей свободы, равенства и братства, Морган впадает в явную идеализацию. Рассуждая таким образом, он попросту игнорирует совершенно очевидный для каждого современного историка или этнографа факт глубокого социально-экономического расслоения общины, выделение внутри нее влиятельной и могущественной прослойки родовой знати, подчиняющей себе рядовых общинников и другие черты и признаки, указывающие на достаточно далеко продвинувшийся процесс классовообразования.³ Что касается самого термина «военная демократия», то его, как уже указывалось в нашей научной печати, нельзя признать вполне удачным, а главное вполне адекватным определением политической надстройки, характерной для эпохи перехода от родового строя к государству.⁴ Вместе с тем морганинская концепция, безусловно, содержит в себе и определенное рациональное зерно, которое не позволяет отвергнуть ее а limine, без дальнейшего обсуждения. При внимательном изучении в системе управления гомеровского полиса, как, впрочем, и в «конституции» любой другой варварской общины, можно обнаружить элементы своеобразного примитивного демократизма, которые в дальнейшем при благоприятных условиях могут развиться и в настоящую демократию. Укажем на наиболее значительные из них.

Понятия «община» (государство) и «народ» в гомеровском лексиконе практически совпадают и выражаются одним и тем же термином δῆμος.⁵ Народное собрание (агора) фигурирует в поэмах как твердо установленный обычай и освященный религиозной традицией политический институт, без которого поэт не представляет себе нормальную человеческую жизнь. Отсутствие агоры у циклопов есть в его глазах признак величайшей дикости (Od. IX, 112: τοισιν δ' οὐτ' ἀγορᾷ βουλευφόροι οὔτε θέμιστες).⁶ Прекращение народных собраний на Итаке в связи с двадцатилетним отсутствием Одиссея также расценивается как отступление от нормы, нарушение издавна заведенного порядка вещей (Od. II, 62 сл.). В жизни гомеровских героев словопрения на агоре занимают далеко не последнее место. В ряду доблестей, отличающих идеального героя, красноречие стоит сразу вслед за воинской отвагой. Не случайно эпитет κηδίσανεφα («прославляющая мужей») прилагается в равной степени и к битве и к собранию (II. I, 490; ср. IX, 441). Характеризуя этолийского героя Тоанта (II. XV, 283 сл.), поэт особо отмечает, что «на агоре лишь немногие ахейцы могли бы превзойти его, когда юноши

пускаются в словесные препирательства». Вообще спор, свободный обмен мнениями, допускающий критику и возражения в адрес любого из предыдущих ораторов, считается неотъемлемой принадлежностью народного собрания. На это право, как на освященный веками обычай, ссылается, например, Диомед, выступая с гневной отповедью пораженческим настроениям Агамемнона (II. IX, 32 СЛ.: Ἀτρεΐδῃ, σὺ πρῶτα μάχησσι ἀφραδέοντι, ἢ θέμις ἐστίν, ἀναξ, ἀγορή).⁷ Несмотря на то, что оба понятия δῆμος и κρᾶτος, которые впоследствии составят слово «демократия», в эпосе употребляются только порознь, без всякой связи друг с другом, представление о народном суверенитете не чуждо Гомеру. На своих собраниях народ принимает решения, которыми в значительной степени определяется вся внутренняя жизнь общины. В компетенцию народного собрания входят, например, различные вопросы «финансового» характера, в том числе раздел военной добычи, распределение земельных участков, устройство коллективных пиршеств и т. п. Каждая из этих операций включает в себя выделение особой почетной доли (земли, добычи, вина или мяса), предназначенной в награду царям и особо отличившимся героям. Интересно, что сами цари расценивают эти дары именно как пожалование народа за их воинскую доблесть и другие заслуги перед общиной. Характерным образчиком этой «рыцарской» психологии гомеровского аристократа является известное обращение Сарпедона к Главку (II. XII, 313 слл.): «Сын Гипполохов! За что перед всеми нас отличают местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей в царстве ликийском и смотрят на нас, как на жителей неба?» и т. д. (пер. Н. И. Гнедича). Также и Ахил обвиняет Агамемнона в том, что он хочет лишить его «почести» (γέρας), которую даровали ему ахейцы, как награду за тяжкие труды (II. I, 162: σὺ ἐπὶ πολλὰ μύθησθαι, δοῶσιν δὲ μοι υἱὲς Ἀχαιῶν; ср. ibid, 123 слл.; 276). Сам «пастырь народов», напротив, злоупотребляет щедростью ахейцев, которые и без того отдают ему всегда лучшую долю добычи (за это его поносит Терсит в II. II₁₀, 225 слл.; ср. 255 сл.; см. также IX, 578; XX, 184; Od. VII, 150).

В отдельных эпизодах поэм народ выступает на сцену как реальная политическая сила, заставляющая считаться с собой наиболее могущественных людей общины. В «Одиссее» (XVI, 424 сл.) рассказывается о том, как Евпейт, отец Антиноя, приняв участие в набеге тафийских пиратов на дружественных Итаке феспротов, чем вызвал страшный гнев народа. Толпа порывалась убить предателя и разорить его дом. Спасло Евпейта лишь заступничество Одиссея. Этот эпизод, очевидно, должен показать, что открыто выраженная воля народа есть закон, которым даже самый своевольный индивид не способен пренебречь без риска понести тяжелое наказание. Страх перед гневом народа иногда вводится поэтом в повествование как мо-

тивировка, объясняющая поведение того или иного персонажа в затруднительной ситуации. Он может, например, удержать преступника от выполнения его злодейских замыслов. Так, женихи опасаются, что народ Итаки, узнав о неудавшемся покушении на Телемаха, изгонит их с острова (Od. XVI, 375 слл.). «Мнение народное» (δῆμον φῆμις), как сказано в «Одиссее» (XIV, 237 слл.), «тяжело ложится» даже на царей. Критские цари, избранные предводителями в походе на Трою, отправляются на войну против своей воли лишь потому, что боятся послушаться народа.

Все эти факты, сколь бы интересны и значительны они ни были сами по себе, все же не складываются у Гомера в целостную и законченную картину первобытного народовластия. В общем балансе политических сил, действующих внутри гомеровской общины, удельный вес элементов демократии не столь уж велик. Главную роль как в «Илиаде», так и в «Одиссее» играет отнюдь не народная масса, а сильная героическая личность, нередко вступающая в открытый конфликт с общиной и подчиняющая ее себе. Гомеровские цари и герои с их непомерным честолюбием, жаждой богатства и власти, обостренным чувством социальной дистанции, отделяющей их от простых смертных, мало похожи на выборных магистратов, «слуг народа» в обычном понимании этого слова. С другой стороны, и сам демон в тех случаях, когда поэт находит нужным вывести его на сцену, ведет себя совсем не так, как подобает народу-суверену в подлинно демократическом обществе, напоминая скорее безликую и бессловесную толпу театральных статистов, на фоне которой еще более мощно и рельефно вырисовываются фигуры главных действующих лиц. Поражает крайняя пассивность демоса в центральных, наиболее острых и драматически напряженных эпизодах поэм, таких, как сцена «ссоры царей» в I песни «Илиады», сцена «испытания войска» в следующей песни той же поэмы, сцена народного собрания на Итаке во II песни «Одиссеи» и др. В понимании самого Гомера эта пассивность толпы коренится в самой ее природе, низменной и инертной, чуждой всего героического. Ее удел поэтому — слепое повиновение приказам «лучших людей», т. е. царей и героев.¹² Эта мысль с предельной откровенностью выражена в известном обращении Одиссея к «мужу из народа» во II песни «Илиады» (200 слл.): «Несчастный, сядь спокойно и внимай слову других, которые лучше тебя. Ведь в тебе нет ни отваги, ни воинского духа, и ты ничего не стоишь ни в бою, ни в делах совета». Непосредственно следующая за этой сентенцией сцена «посрамления Терсита» служит как бы наглядной иллюстрацией к ней, демонстрируя полное превосходство героя-аристократа над человеком толпы, демагогом и выскочкой как в умственном, так и в физическом отношении. Правда, как было уже замечено (с. 72), Терсит не может считаться типичным представителем

гомеровского демоса. Как правило, от лица народа в поэмах выступают люди благородного происхождения и с достаточно высоким общественным статусом. Однако существа дела это не меняет. Уже упоминавшийся птицегадатель Полидамант, представляющий в «Илиаде» троянский демос, выступает в поэме в той же самой неблагоприятной роли «пророка, непризнанного в своем отечестве», что и Терсит, несмотря на все его несходство с последним. Подобно Терситу, он вступает в спор с военачальником, и ему точно также инкриминируют пораженческие настроения и зажимают рот, угрожая физической расправой, хотя до самой расправы дело здесь не доходит (II. XII, 230 слл.). Наконец, от Полидаманта, как и от Терсита, отворачивается та самая масса, от лица которой он пытается говорить. В XVIII песни (310 слл.) троянцы, повинувшись Гектору, отказываются последовать совету Полидаманта, который предлагает им отойти за городские стены ввиду появления Ахилла. Поэт видит в этом явный признак безумия, ведущего к гибели целый народ, «ибо они восхваляли Гектора, советовавшего дурное, Полидаманта же никто не похвалил, хоть он и лучший давал совет». В конце концов оба: и Полидамант, и Терсит при всем различии этих двух персонажей сходятся в том, что представляют общину-демос в моменты ее бессилия перед произволом «больших людей». Для существа конфликта не столь уж важно, что один из них (Полидамант) воплощает в своем лице «лучшую», аристократическую часть общины, другой же (Терсит) выступает, как выразитель интересов и настроений ее плебейских низов, ибо исход в обоих случаях — один и тот же.

Тема бессилия демоса перед своеволием сильной личности, ее необузданной жадой самоутверждения, своеобразным лейтмотивом проходит через весь эпос. Она возникает уже в первых строках I песни «Илиады». Агамемнон, вопреки ясно выраженной воле всего войска, отказывается вернуть Хризу его дочь (I, 22 сл.), и ахейцы ничего не могут¹³ сделать для того, чтобы заставить его выполнить их решение. Только вмешательство божества вынуждает «пастыря народов» пойти на уступки. Но и поставленный перед необходимостью отказаться от своей добычи, он снова бросает вызов общественному мнению, требуя, чтобы взамен утраченной наложницы ему дали другую из добычи Ахилла или какого-нибудь другого героя. Агамемнона несколько не смущает то, что его претензии фактически аннулируют уже принятое прежде и теоретически, по-видимому, не подлежащее пересмотру решение народа (II. I, 123 слл., 276). Сам народ, однако, никак не реагирует на нанесенное ему оскорбление. На протяжении всей сцены «ссоры царей» он упорно молчит, чем вызывает у Ахилла его знаменитую реплику (237 сл.): «Царь-пожиратель народа, покуда царишь над ничтожествами. Ведь иначе, Атрид, это было бы твое последнее оскорбление» (δημωβόρος βασιλεύς, ἐπεὶ οὐτίδανοισιν ἀνάσσεις и т. д.).

Если ахейцы неспособны обуздать гордыню Агамемнона, то и их враги-троянцы оказываются в точно таком же положении, столкнувшись со своеволием Париса, этой πῆμα πόληϊ, как называет его Гектор. Его проделки, навлекшие неисчислимые беды на город и всех граждан, остаются безнаказанными. Когда на народном собрании троянцев ставится вопрос о выдаче Елены (II. VII, 345 слл.), Парис при молчаливом попустительстве других Приамидов и самого Приама без особого труда затыкает рот единственному представителю оппозиции — старцу Антенору, категорически отказываясь вернуть Менелаю похищенную у него жену. Народ опять-таки безмолвствует и в конце концов расходится, так и не приняв никакого решения. Молчат π граждане Итаки, которых Телемах созвал на площадь для того, чтобы пожаловаться им на разбой и произвол, чинимые в его доме женихами Пенелопы (Od. II, 81 слл.). В душе народ, как мимоходом замечает поэт, сочувствует Телемаху и жалеет его, но по каким-то причинам не решается встать на его защиту. По первому же требованию одного из женихов Леокрита собрание безропотно расходится, так ничего и не предприняв. Показательно, что во всех этих случаях о способности демоса к решительным действиям против своевольного индивида или индивидов говорится в сослагательном наклонении, как о чем-то весьма гипотетическом. Ахейцы могли бы обуздать Агамемнона, если бы они не были οὐτίδανοί, как их называет Ахилл. В том же духе высказывается и Гектор о своих согражданах (II. III, 56 сл.): если бы троянцы не были так робки, они бы давно уже побили камнями Париса за его преступления (ἢ τέ κεῖν ἦδη λαῖνον εἶσο χιτῶνα κακῶν ἐνεχ', οἴσα εὐρύας). Также И граждане Итаки могли бы, как говорит Ментор (Od. II, 239 слл.), при их явном численном перевесе над женихами без особого труда вышвырнуть их из дома Одиссея, но то ли боятся, то ли просто не хотят сделать это.¹⁴

Впрочем, даже и в те редкие моменты, когда народ пробуждается от своей обычной апатии к политической активности, он напоминает гораздо больше взбунтовавшуюся толпу, чем державного суверена общины. Самое большее, на что способен демос такой, каким его изображает Гомер, — это вспышка дикой стихийной ярости, разрешающаяся судом Линча над человеком, вызвавшим его гнев. Толпа разоряет движимое и недвижимое достояние «врага общества», а у него самого «вырывает из груди милое сердце» — именно это разгневанные итакийцы хотели сделать с Евпейтом, если бы им не помешал Одиссей. В заключительной сцене поэмы герои меняются ролями, и мы видим, как неистовый, обезумевший от скорби Евпейт возглавляет толпу итакийцев, направляющихся к дому Лаэрта с твердым намерением расправиться с Одиссеем и искоренить весь род Аркесиадов (Od. XXIV, 463 слл.). Параллелизм этих двух эпизодов, конечно, не случаен.

Стремительный переход массы от продолжительной пассивности и безучастия к бурной энергии мятежа находит свое естественное объяснение в том, что Евпейт выражает общие чувства, владеющие гражданами Итаки: боль за убитых сородичей и жажду мести. Однако в понимании самого поэта это состояние граничит с безумием и, как всякое безумие, является результатом постороннего внушения: Евпейт, сам уже безумный, заражает своим безумием народ (его имя *Ἐυλείθης* звучит в этом контексте с явным оттенком иронии — «хорошо убеждающий на дурное», к тому же отец «безрассудного» Антиноя). Необходимо отрезвляющее вмешательство богов в финале поэмы, чтобы сознание массы прояснилось и она поняла всю бессмысленность и гибельность своего поведения.

Народ, таким образом, представляется Гомеру загадочным существом, подверженным внезапным приступам стихийного гнева, в остальном же пассивным, безмолвным, ни во что не вмешивающимся.¹⁵ Его поведение почти всегда немотивировано. Его поступки трудно предугадать. Иногда создается впечатление, что у него нет своей воли, своих убеждений, что он не знает даже, что хорошо и что плохо для него самого. Поэтому он с такой легкостью поддается самым разнородным, а подчас и прямо противоположным внушениям. Во II песни «Илиады» все ахейское воинство не рассуждая бросается к кораблям по первому же призыву Агамемнона. Ахейцы, в том числе и самые знатные, не подозревают, что это — всего лишь провокация, задуманная «пастырем народов» для того, чтобы испытать свое войско. Всеми владеет одна лишь мысль о скорейшем возвращении на родину. Но вот ситуация меняется. Одиссей с помощью Афины успокаивает охваченную паникой армию и восстанавливает порядок в собрании. Почти мгновенно проделав все это, он разыгрывает затем эффектную сцену усмирения демагога-одиночки Терсита. Толпа, наблюдающая за этим «подвигом» Одиссея, подбадривает его одобрительными репликами и насмехается над Терситом (II. II, 270 слл.). Разумеется, подходя к этой сцене с позиций обычного (не эпического) реализма, мы могли бы упрекнуть Гомера в том, что он чересчур легко и просто снимает все трудности, стоящие на пути его героя, что психологически немыслим столь стремительный переход от всеобщего возмущения к всеобщему же успокоению, что, наконец, едва ли расправа с защитником интересов народа¹⁶ (а Терсит, несомненно, является рупором народного мнения)¹⁶ обошлась бы так дешево для Одиссея, вызвав к¹⁷ тому же общее сочувствие и поддержку всех присутствующих. Признавая упрощенность и некоторую искусственность в поэтическом решении этого эпизода, мы не можем не заметить в то же время — на это обратил внимание уже Вилламовиц¹⁸ — того своеобразного проникновения в психологию человеческой массы, которое обнаруживает здесь Гомер. В его понимании Терсита постигает обычна

участь всех демагогов. Вчерашний «громогласный вития» (см. 246: *λιγύς ... ἄγορητής*), снискавший себе популярность в народе своими насмешками над царями, теперь сам стал для него посмешищем. Толпа, как всегда, держит сторону того, кто сильнее. Очевидно, именно это хочет сказать нам поэт. Поэтому достаточно примерного наказания одного смутьяна, чтобы целая армия, совсем уже было вышедшая из повиновения, деморализованная и разложившаяся, снова преисполнилась боевого духа и стройными рядами двинулась на врага.

Терсит нужен Гомеру как своеобразная жертва, принесенная на алтарь общественного спасения. Своим унижением он искупает грехи всего ахейского войска, и в следующем эпизоде мы видим его уже очистившимся от скверны мятежа и анархии и во всеоружии готовым вступить в бой. В основе своей избиение Терсита, как это показал Узенер,¹⁹ есть не что иное, как магическая операция очищения войска. Однако для самого Гомера эта сцена имеет, конечно, и вполне определенный политический смысл. Поэт хочет показать, что предоставленный самому себе народ превращается в слепую нерассуждающую силу, чуждую закону и порядку, которую только другая, высшая сила может принудить к повиновению. Сам народ неспособен управлять собой. Следовательно, он нуждается в вожде — вот вывод, к которому подводит нас Гомер всей логикой своего повествования во II песни «Илиады». Только так, очевидно, можно понять тираду Одиссея о вреде многовластия и необходимости единоначалия (II. II, 203 слл.). Заключенная в этих строках апология личной власти в целом, как было уже указано (с. 54), не характерна для политических взглядов Гомера. Нормальной, в его представлении, является республиканская форма правления. Однако гомеровский республиканизм — особого рода. Он не исключает, а, наоборот, предполагает строжайшую субординацию в отношениях между народом и «вождями», концентрацию всей власти в руках немногих. Идеальная община в понимании Гомера — это община, управляемая небольшой группой «лучших людей». Народ в ней знает «свое место» и ни во что не вмешивается. Образцовой в этом смысле может считаться морская республика феаков, все граждане которой послушно и беспрекословно выполняют приказы Алкиноя, выражающего общую волю тринадцати «славных басилеев», управляющих островом. Отсюда не следует, что народная масса вообще исключается Гомером из числа участников «общественного договора», на котором зиждется идеальный полис. Напротив, основой самого этого договора является гармония взаимоуравновешивающих друг друга интересов народа и «вождей». «Вожди» защищают народ и поддерживают среди него добрые обычаи и справедливость.²⁰ Народ платит им за это дарами, почестями и повиновением. Идеальный герой, например Гектор или Сарпедон, печется больше о благе народа, чем о

своей собственной жизни. Напротив, пренебрежение к интересам народа, проявляемое такими персонажами, как Агамемнон, Парис, Ахилл и др., безоговорочно осуждается поэтом.²¹

Правящая элита гомеровского полиса включает в свой состав наиболее влиятельных граждан из аристократического сословия. Это те люди, которых поэт называет «вождями и советниками» (ἡγήτορες ἥδ' ἐμείδοντες),²² в их число входят, судя по всему, цари-басилеи и «старцы народные» (δημοῦροισι), хотя четкую грань между теми и другими далеко не всегда удается провести. Нῆτορες образуют интегральную и вместе с тем наиболее активную часть народного собрания. Обыкновенно оратор, открывающий собрание, обращается с речью именно к ним, как бы игнорируя всех прочих (II. IX, 17: Ἀργείων ἡγήτορες ἥδ' ἐμείδοντες; Od. VIII, 11: Φαίητων ἡγήτορες ἥδ' ἐμείδοντες и т. д.). Основная масса демоса лишь присутствует при словопрениях «вождей», составляя, по выражению Бузольта, их Umstand,²³ наподобие толпы зрителей или болельщиков на играх. Такое распределение ролей мы наблюдаем в типичных сценах раздела военной добычи, судебной тяжбы, жертвоприношения и т. п. (II. XI, 685 слл.; XVIII, 497 слл.; Od. III, 5 слл.). Всюду цари и старцы говорят и действуют перед народом и, очевидно, от его лица, народ же своим присутствием как бы санкционирует их действия, хотя сам не принимает в них непосредственного участия.²⁴ Естественно, что в таких условиях подлинная воля народа легко могла быть фальсифицирована «вождями».²⁵

Нередко мы видим, как цари решают важные вопросы в своем кругу, даже не спрашивая у народа о его согласии, хотя формально, очевидно,²⁶ считается, что они и в этих случаях действуют от его имени. Так, решение об отправке посольства к Ахиллу принимается не в собрании, а на совете, в узком кругу ахейских вождей. Остальные ахейцы вообще ничего не знают об этом. Тем не менее Одиссей и Аякс, ведущие переговоры в ставке Ахилла, представляются ему как посланцы всего войска (II. IX, 640 СЛ.: ὑποβόιοι δὲ τοῖς εἰμὲν πλῆθος ἐκ Δαναῶν). Прикрываясь фикцией народного суверенитета, цари и старцы, по сути дела, бесконтрольно распоряжаются общинной собственностью, награждая друг друга наделами, вырезанными из общинной земли, устраивая совместные трапезы на средства, взятые у народа (δημῶν, δημόθεν), одаривая опять-таки за счет народа знатных чужеземцев. В сцене прощания Одиссея с феаками (Od. XIII, 13 слл.) Алкиной, обращаясь к другим феакским басилеям, предлагает им одарить гостя бронзовыми котлами и треножниками, замечая при этом, что их собственное богатство нисколько не пострадает: «Мы тотчас же возместим (все это) сборами с народа (κατὰ δῆμον)». Алкиной ничуть не сомневается в том, что послушный народ даст все, что от него; потребуется, ибо он, будучи «добрым царем», берет только то, что установлено обычаем.²⁷ Нетрудно догадаться, что в иных

условиях эти теоретически считающиеся добровольными пожелания царям от народа могли служить удобным прикрытием и оправданием для хищничества и вымогательства δημοβόροι βασιλεῖς (ср. обличения алчности Агамемнона в речах Ахилла и Терсита в первых двух песнях Илиады», также II. XXIV, 262; инвективы Гесиода в адрес «царей-дароядцев» — Opera, 39, 221). Учитывая все это, едва ли стоит принимать за «чистую монету» встречающиеся в поэмах выражения такого типа, как δῆμον φῆμις или δῆμος ἔδοξε. По-видимому, это — всего лишь демократическая фразеология, скрывающая от нас политическую действительность, весьма далекую от подлинной демократии.

Итак, формальное народовластие при фактическом господстве верхушки родовой знати — вот, пожалуй, наиболее точное определение существа той системы политических отношений, которую изображает Гомер в своих поэмах. Но, вынося этот приговор, мы не должны, конечно, забывать об одном немаловажном обстоятельстве. Перед нами не документ, а художественное произведение, в котором подлинная картина политического быта раннегреческого полиса могла подвергнуться сильному искажению либо в угоду политическим взглядам самого автора и его аудитории, либо потому, что этого требовали его эстетические вкусы и поэтические приемы. Политическая тенденциозность гомеровской поэзии не вызывает сомнений.²⁸ Сам поэт отнюдь не скрывает своих проаристократических симпатий. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть «Илиаду» хотя бы на сцене «посрамления Терсита». Но политическая пристрастность Гомера еще более усугубляется общей для всей эпической поэзии тенденцией к всемерному возвеличению сильной героической личности за счет столь же интенсивного принижения роли коллектива, народной массы.²⁹ К этому присоединяется также и вполне понятное стремление поэта избежать загромождения эпической сцены лишними действующими лицами, тем более целыми их группами, что могло бы привести к неоправданному усложнению сюжетной линии поэм. Представим себе на минуту, что граждане Итаки преодолели свой страх перед женихами, вняли уговорам Ментора и Галитера и заступились за Телемаха. К чему свелась бы тогда вся столь эффектная развязка поэм: тайное возвращение Одиссея и его расправа над женихами?

Учитывая все это, мы вправе допустить, что подлинные возможности первобытного народовластия попросту не нашли в эпосе вполне адекватного раскрытия и воплощения. Изображая народ бессловесным и пассивным человеческим стадом, неспособным даже к членораздельному выражению своих мыслей и чувств, Гомер, несомненно, слишком сгущает краски, что ведет к известному искажению реальных пропорций политической структуры раннегреческого общества. В конце концов он и сам

противоречит себе, показывая хотя бы в отдельных случаях, что при всей своей беспомощности и инертности народ способен внушать страх и уважение, может заставить считаться с собой и людей, весьма влиятельных и могущественных. Пренебрежение к толпе, столь часто высказываемое героями поэм, не мешает им заигрывать с ней, убеждать и склонять на свою сторону пространными речами, построенными по всем правилам ораторского искусства. Тем самым поэт дает нам понять, что вопреки, быть может, и типичному эпизоду расправы с Терситом язык палки отнюдь не был ³⁰единственным способом общения «больших людей» с народом.

Безусловно, перенесение сюжетных коллизий гомеровского эпоса на реальную историческую почву раннегреческого полиса сопряжено с известным риском и требует от исследователя максимальной осторожности и гибкости. Понимая это, мы не можем, однако, просто отбросить в сторону такие эпизоды, как тот же инцидент с Терситом или разгон женихами народного собрания итакийцев во II песни «Одиссеи», признав их всего лишь данью сословным предрассудкам Гомера и его слушателей или же уступкой требованиям героической поэтики. Слишком настойчиво поэт возвращается к намеченной уже в первых строках «Илиады» теме конфликта между народом и «неправедным» царем (или царями), конфликта, в котором победа неизменно остается на стороне последнего. Едва ли случайно также, что сам «этот конфликт» неизменно облекается в «конституционную» форму ожесточенных прений в народном собрании. При всей условности приемов, с помощью которых Гомер строит свои сцены на агоре, при всей традиционности участвующих в них персонажей нельзя не видеть в них горький итог наблюдений ³¹самого поэта над исторической действительностью его эпохи. Всевластие «царей-мироедов» и беспомощность противостоящего им демоса, столь ярко, хотя, вероятно, и в несколько утрированной форме, обрисованные в поэмах, несомненно, можно отнести к наиболее типичным чертам политической жизни раннегреческого общества. В этом сходятся показания двух столь не похожих друг на друга, хотя, по всей вероятности, хронологически достаточно близких между собой поэтов, как Гомер и Гесиод. ³²Для каждого из них могущество знати и логически дополняющие его приниженность и пассивность народной массы являются непреложным фактом, хотя оценка этому факту дается в их произведениях с прямо противоположных позиций.

Итак, бессилие и политическую апатию демоса, с которыми мы сталкиваемся в центральных эпизодах «Илиады» и «Одиссеи», нельзя считать продуктом поэтического вымысла. Как в том, так и в другом находит свое естественное выражение внутренняя слабость, родовой общины, уже вступившей в стадию своего разложения. Как было указано выше (с. 78), греческое

общество гомеровской эпохи еще сохраняет свой по преимуществу родовой характер, хотя сам род и другие гентильные организации уже находятся здесь в состоянии внутренней ломки и брожения. Такова исходная посылка Моргана, из которой он делает, однако, неверные выводы. Народовластие «Героического века» понимается им, как выражение совокупной воли всех родов, составляющих общину. Но уподобляя позднеродовое гомеровское общество современному федеративному государству с двухпалатным парламентом (совет старцев и народное собрание), ³³Морган недооценивает силу действующих в этом обществе изоляционистских, центробежных тенденций, превращающих каждый гентильный коллектив в самодовлеющий замкнутый мирок, враждебный всему остальному миру. Отнюдь не братская солидарность и мирное сотрудничество являются основными факторами, направляющими внутреннее развитие родоплеменной общины. Всякому, кто изучал родовой строй на поздней, заключительной стадии его развития, будь то общество исландцев эпохи независимости или кавказских горцев, монголов джунгарского периода или шотландских кельтов, хорошо знакомы такие явления, как кровная месть, передающаяся из поколения в поколение, опустошительные межродовые войны из-за земли и пастбищ для скота, наконец, бесконечное соперничество и борьба за власть и престиж между родовыми вождями. Общество греков гомеровского периода едва ли составляет в этом смысле какое-то исключение из общего правила и, конечно, не может претендовать ни на особенное миролюбие, ни на из ряда вон выходящее чувство коллективизма и товарищеской спайки.

Узы кровного родства, связывающие гомеровского героя с его семьей и родом, значат для него гораздо больше, чем гражданская солидарность. ³⁴Даже в душе Гектора, этого стойкого и, казалось бы, бескомпромиссного патриота, жертвующего жизнью ради города и сограждан, голос крови в отдельные моменты все же пересиливает чувство долга перед общиной. Об этом свидетельствует хотя бы его молчание в ключевой сцене собрания на троянской агоре (II. VII, 345 слл.). Подобно всем остальным Приаидам, Гектор не оказывает никакой поддержки Антенору, предлагающему выдать Елену ахейцам, и не пытается урезонить совершенно зарвавшегося Париса, хотя одно его слово, вероятно, могло бы решить исход прений. Вообще род в понимании Гомера противопоставлен общине как враждебная сила, разлагающая ее изнутри, а иногда даже ведущая к гибели. Опираясь на поддержку и сочувствие сородичей, человек может решиться на самое тяжелое преступление. Одиссей говорит, обращаясь к пирующим в его доме женихам (Od. XVIII, 139 сл.): «Некогда и я кичился своим богатством среди людей и много совершил беззаконного, подстрекаемый силой и властью и полагаясь на отца и братьев моих». Эти слова звучат

прямым намеком на то, что за спиной женихов стоят их родители и старшие братья, которые своим попустительством, а, может быть, и прямым наущением толкают их на разбойные дела (та же мысль проскальзывает и в некоторых других местах, см.: II, 71 слл.; XXIV, 455 слл.). Тайное становится явным в финальной сцене поэмы. Речь Евпейта, призывающего отомстить за погибших женихов, находит бурный отклик в сердцах собравшихся на площади итакийцев. Механизм кровной мести срабатывает безотказно, и собрание в мгновение ока раскалывается на две враждебные партии, стоящие друг против друга с оружием в руках (Od. XXIV, 463 слл.). Эта сцена наглядно демонстрирует внутреннюю слабость, непрочность гомеровского полиса. Родовое центробежное начало здесь явно преобладает над центростремительным общинным. Достаточно малейшего толчка, какой-нибудь гражданской распри или смуты, чтобы исчезла даже та эфемерная видимость политического единства, которая придает гомеровской общине сходство с «нормальным» полисом.³⁵

Нет ничего удивительного в том, что рыхлая раздираемая непрерывными внутренними противоречиями масса демоса сплошь и рядом обнаруживает свою полную беспомощность в столкновении с любой мало-мальски организованной силой, будь то знатный влиятельный род (Приамиды в «Илиаде»), аристократическая гетерия (женихи в «Одиссее») или просто сильный человек, опирающийся на поддержку своих рабов и клиентов (Агамемнон, Одиссей). Вражда, недоверие, страх, разъедающие изнутри родовое общество, парализуют демос, делают его неспособным к сопротивлению. Ведь даже если он и может принять на своей сходке то или иное решение, то у него чаще всего не находится нужных средств для того, чтобы провести это решение в жизнь. Как пишет Г. Глотц, «в ту эпоху, когда не существовало ничего, что соответствовало бы разделению властей в делах, которые мы называем судебными так же, как и во всяких других, народ не имел никакого другого средства действовать, кроме как простое³⁶ выражение или революционный взрыв коллективного чувства». Поэтому самостоятельные выступления народа в эпосе носят обычно столь стихийный, импульсивный характер. Вспыхивая внезапно, подобно пожару или землетрясению, они столь же быстро идут на убыль. По этой же причине власть народа не является в понимании поэта настоящей властью. Для этого она — слишком непостоянна, неустойчива,³⁷ слишком зависит от благоприятного стечения обстоятельств.

Настоящей властью (*κράτος* в собственном значении этого слова), соединяющей в себе как законодательные³⁸ так и исполнительные прерогативы, обладают только цари. Но они, как мы уже видели, отнюдь не склонны считать себя магистратами, слугами народа и обычно используют свою власть прежде все-

го в своих собственных интересах или в интересах своего рода. Более того, именно цари являются главными носителями тех центробежных, разлагающих общину тенденций, о которых мы только что говорили. Являясь фактическими правителями полиса, они, судя по всему, не были расположены к мирному сосуществованию и постоянно враждовали между собой. Да это и понятно: в недавнем прошлом совершенно самостоятельные родовые вожди, каждый со своей свитой сородичей и приверженцев, со своей, вероятно, укрепленной загородной усадьбой, они, конечно, и теперь в новых для них условиях городской жизни продолжали упорно бороться за первенство, вовсе не собираясь умеривать свое честолюбие и жажду власти ради высших интересов общины. Скорее можно ожидать, что, оказавшись в столь близком соседстве, стиснутые кольцом городских стен или прижатые к подножию акрополя эти магнаты должны были еще более рьяно отстаивать свои права, не ограничивая себя в выборе средств. Кровавые распри знатных родов, непрерывное соперничество и борьба за власть между их предводителями создавали в городе накаленную атмосферу, пронизанную духом взаимной вражды и ненависти (нечто подобное мы наблюдаем в итальянских феодальных городах эпохи Средневековья с их бесконечными раздорами между гвельфами и гиббеллинами и им подобными).

В конечном счете исход борьбы родовых группировок зависел от того, на чью сторону встанет демос, т. е. основная часть граждан общины, до поры до времени сохраняющая нейтралитет. Как мы уже видели, раскачать эту инертную массу было нелегко, но иногда это все же удавалось, неуклюжий, архаичный механизм варварского государства начинал действовать, и демос превращался в ту грозную карающую силу, с которой мы изредка сталкиваемся на страницах гомеровских поэм. Разумеется, не обязательно видеть в такого рода политической активности демоса непосредственную реакцию самой народной массы на обращенный к ней призыв о помощи. В обществах такого типа, как гомеровское, строящихся по строго иерархическому, сословному принципу, рядовые общинники занимают обычно «нижние этажи» гентильных коллективов, возглавляемых родовой знатью, и уже в силу этого редко бывают способны к самостоятельным политическим выступлениям. К этому следует добавить многообразные формы клиентской зависимости, связывавшие простонародье с аристократическими ойкосами.⁴⁰ Как клиенты аристократов или как их фратеры и сородичи низшего сорта простые общинники сопровождали своих вождей и покровителей на народные собрания, дабы в случае необходимости поддержать их криком, а коли будет надобность, то и оружием. В этих условиях прямое обращение к народу через головы «лучших людей» едва ли могло бы иметь успех. Именно знать была здесь главной выразительницей того, что

мы могли бы назвать «общественным мнением». Поэтому Гомер чаще всего игнорирует простой народ, делая вид, что не замечает его присутствия на агоре и вообще в городе.

Впрочем, описанная здесь ситуация не оставалась неизменной. Начавшееся еще в эпоху миграций (XII—XI вв. до н. э.) расшатывание жестких архаических форм гентильной организации к концу гомеровского периода уже успело зайти достаточно далеко (с. 76). Род утрачивает свою экономическую целостность и постепенно начинает уступать свое место основной структурной ячейки общества патриархальной семье. В связи с этим происходит высвобождение определенной части рядовых общинников из-под влияния и опеки родовой знати. Об этом свидетельствует такой эпизод, как выступление Терсита во II песни «Илиады». Под уродливой личиной Терсита уже угадываются черты политического деятеля нового типа — демагога, выдвинутого народной массой из ее собственной среды в противовес ее старым аристократическим лидерам. Очевидно, эта фигура вожака толпы хорошо знакома и поэтому так ненавистна как самому поэту, так и его слушателям. Разумеется, по одному этому эпизоду невозможно судить о размахе поднимающегося в недрах гомеровского общества народного движения, о его массовости и результатах. Не подлежит сомнению, что процесс высвобождения массы демоса был достаточно длительным и потребовалось не одно столетие для того, чтобы греческое крестьянство окончательно разорвало узы родовой солидарности, связывавшие его со знатью,⁴¹ и осознало себя как класс со своими особыми интересами.

Вспышки классовой вражды, подобные инциденту с Терситом, не могли сразу и всерьез поколебать политическое могущество старинной знати. И в меняющемся обществе она продолжала оставаться ведущей политической силой. Однако для того чтобы сохранить и упрочить свое положение, знати приходилось существенно менять и совершенствовать используемые ею методы управления. Непосредственное руководство массой через каналы родо-племенных институтов, хотя и не было изжито сразу и окончательно, в значительной мере перестало оправдывать себя ввиду того, что для многих свободных общинников узы, связывавшие их с той или иной фратрией или родом, теперь утратили свою обязательность, и стали возможны переходы из одной гентильной организации в другую.⁴² В ионийских городах-колониях, где процесс разложения родového строя шел в силу понятных причин особенно быстро, такие переходы приобрели, надо думать, массовый характер. Борьба за эту колеблющуюся, ускользающую из рук массу простонародья стала жизненной необходимостью для каждого аристократа, претендующего на высокое положение и престиж в своей общине.⁴³

Главной ареной борьбы за демос, естественно, должна была стать агора, освященное традицией средоточие всей обществен-

ной жизни гомеровского полиса. Именно здесь лицом к лицу сталкивались приверженцы враждебных кланов, и в бурных дебатах, а иногда и в кровопролитных схватках разрешались аристократические усобицы, тянувшиеся уже не одно поколение. Само собрание превращалось, таким образом, в своеобразный агон знатных родов и фамилий, исход которого должен был выявить сильнейшего — того, кто по праву мог бы считаться «первым человеком» в общине. Каждый из участников этого состязания старался склонить на свою сторону «молчаливое большинство» собрания, не принимающее непосредственного участия в распре. Поддержка народа обеспечивала осязаемые преимущества тому, кто сумел бы ее добиться. Во-первых, перед ним открывалась возможность выдать свои притязания за «волю народа», что давало в его руки мощное средство психологического давления на противников. В случае необходимости та же фикция могла быть использована и как «правовое основание» для физической расправы со сторонниками враждебной группировки (для этого достаточно было объявить их «лицами, стоящими вне закона»). Наконец, если дело доходило до вооруженного столкновения, демос мог вмешаться в него на стороне той партии, которой удалось завоевать его сочувствие. Конечно, во всех этих конфликтных ситуациях поведение толпы трудно было предугадать заранее, так как оно зависело от множества различных обстоятельств. Если демос не склонен был связываться в борьбу, а предварительная психологическая обработка не приводила к желаемому успеху, это могло оказать отрезвляющее действие на враждующие партии и вынудить их к лавированию и поискам мирных средств решения конфликта. Но можно представить и другую ситуацию: путь мирного урегулирования в силу каких-то причин закрыт, напряженность продолжает усиливаться. В этом случае демос, в конце концов, оказывался перед необходимостью идти поддержать одну из борющихся сторон, или, если в его рядах не было необходимого единомыслия, самому расколоться на два враждебных лагеря, стоящих друг против друга с оружием в руках, как мы наблюдаем, это в заключительной сцене «Одиссеи».

Из всего сказанного следует, что народное собрание выполняло в политическом механизме гомеровской общины двоякую функцию, являясь в одно и то же время основным инструментом управления, находящимся в руках родовой знати, и своеобразным средством урегулирования конфликтов в среде самого правящего сословия. Последнее особенно важно, ибо «борьба всех против всех» была, как мы уже говорили, нормальным состоянием раннегреческого полиса, и ομόνοια аристократических родов, являвшаяся фундаментом полисной общины, нуждалась в периодическом возобновлении.

Использованный нами материал крайне фрагментарен. Гомер многого недоговаривает, о многом говорит намеками. Не-

которые из недостающих в нашей картине деталей мы можем восстановить, прибегнув к сравнительно-историческому методу и используя доступную нам информацию о политической жизни других народов, стоящих примерно на том же уровне развития, что и гомеровские греки.⁴⁴ Кое-что здесь могут дать свидетельства Цезаря и Тацита о галлах и германцах.⁴⁵ Но особенно богатый материал, позволяющий представить в огромном множестве вариантов те политические ситуации, которые лишь намечены в «Илиаде» и «Одиссее», мы находим в исландских сагах. В мельчайших подробностях воспроизводят они жизнь этой северной страны в течение первых трех столетий (X—XII вв.), следующих за ее заселением норвежскими викингами. Материал саг представляет для нас тем большую ценность, что, несмотря на большую историческую и географическую дистанцию, отделяющую Исландию от ионийских полисов Малой Азии, между этими двумя районами можно найти немало общего даже при беглом сопоставлении. И там и здесь мы видим примитивное варварское общество, сложившееся в особых историко-географических условиях — на колониальной почве, вдали от метрополии — и поэтому свободное от некоторых традиционных для нее институтов, таких, например, как царская (герр — королевская) власть. И там и здесь неблагоприятные природные условия и близость моря обусловили исключительную мобильность населения, быстрое расшатывание основ родового строя, особенно его экономической базы — коллективного землевладения. И там и здесь результатом всего этого было возникновение своеобразной политической организации, известной под именем «народовластия» (термин, принятый в исландской научной литературе), или «военной демократии».⁴⁶

Средоточием исландского «народовластия» был тинг, или альтинг. Подобно гомеровской агоре тинг собирался главным образом для разбора судебных тяжб, хотя попутно здесь же могли приниматься новые законы и всякие другие решения. Как и у Гомера, активное участие во всех этих делах принимали лишь представители родовой знати — хавдинги. Рядовые общинники — бонды — составляли лишь необходимый фон для их словопрений. К тингу готовились заранее, как к сражению или турниру. Каждый участник тяжбы старался собрать как можно больше сторонников, подымая на ноги своих сородичей, друзей, зависимых людей со всей Исландии (так в «Саге Храфнкеле, годи Фрейра», VIII, IX).⁴⁷ На поле тинга эти котерии выстраивались друг против друга с оружием в руках и в боевом порядке. Нередко судебное разбирательство, начавшееся самым заурядным образом, перерастало затем в кровопролитное сражение («Сага о Ньяле», CXLII слл.). Когда же тинг, вопреки ожиданиям, оканчивался мирно, это отмечалось, как нечто необыкновенное («Сага о Ньяле», XLVIII). Главной

целью каждого из участников тяжбы было добиться объявления противной стороны, поставленной вне закона, ибо по существу это означало, что у него развязаны руки для расправы с врагами. Будучи высшим законодательным и судебным органом всей страны, тинг не располагал какой-либо исполнительной властью, и приведение в исполнение вынесенного им приговора считалось обычно частным делом и зависело от возможностей и желания стороны, выигравшей тяжбу («Сага о Храфнкеле», XIII; также конец «Саги о Херде и островитянах»). Естественно, что в этих условиях реальную победу на тинге мог одержать только тот, кто располагал достаточным числом приверженцев, связанных с ним узами родства,⁴⁸ или зависимости. «На практике, — пишет А. Я. Гуревич,⁴⁹ — торжествовало право сильного: кто имел больше сородичей и зависимых людей, был богаче и влиятельнее, тот мог навязать свою волю соседям и участникам тинга. Самоуправство наиболее могущественных и богатых людей, имевших средства заставить считаться с собой всех окружающих, уже тогда не знало границ».

Сопоставление материала исландских саг с данными гомеровских поэм еще раз убеждает в справедливости наших предположений в отношении подлинного характера так называемой «военной демократии». Приведенные факты показывают, что скрывающийся за этой моргановской формулой политический режим в действительности весьма далек от подлинного народовластия и в основе своей представляет собой не что иное, как непрочную, нестабилизированную форму господства знати или примитивную аристократическую республику. Аристократия здесь еще не успела консолидироваться как правящая элита.⁴⁹ Ее раздирают бесконечные внутренние распри, возникающие на почве межродовой кровной мести или борьбы за власть. Невольным участником этих столкновений с самого начала становится простой народ, т. е. основная масса рядовых свободных общинников. Находясь в политической, религиозной, а нередко и в экономической зависимости от знати, простонародье пока еще лишено своего политического лица, у него нет своей программы, лозунгов, организации и т. д. Разобщенные и связанные тысячько уз со своими «вождями» рядовые общинники вынуждены были слепо следовать за ними, служа, таким образом, пассивным пьедесталом для той яростной борьбы за первенство между знатными родами, которая составляет отличительную черту политической истории ранней Греции на протяжении всей архаической эпохи. Именно такую ситуацию мы застаем в Афинах как в досолоновский период (Килонова смута), так в значительной мере еще и в последующее время (смуты и борьба партий перед тиранией Писистрата).⁵⁰ Конечно, вовлекая народ в свои усобицы в качестве вспомогательной вооруженной силы, зная, сама того не желая, пробуждала его самосознание и, таким образом, ускоряла его политическое развитие. Очевид-

но, уже в конце гомеровского периода (рубеж VIII—VII вв. до н. э.) в наиболее передовых полисах ионийского побережья Малой Азии так же, как и в отдельных местах Балканской Греции, возникают первые ростки того широкого демократического движения, которое со временем приведет к коренной перестройке всего греческого общества на совершенно новых началах. Об этом свидетельствуют и антиаристократические выпады Гесиода, и показания таких документальных источников, как «Ликургова ретра», и не в последнюю очередь отдельные эпизоды в самих гомеровских поэмах (прежде всего выступление Терсита). Однако для реального воплощения в жизнь этих зачатков будущей античной демократии нужны были столетия экономического культурного и политического развития, на самом пороге которого стоят Гомер и его герои.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Читателю, вероятно, знакома та сжатая, но вместе с тем очень емкая и выразительная характеристика гомеровского общества, которой заканчивает IV главу своего «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс: «Мы видим, таким образом, в греческом строе героической эпохи древнюю родовую организацию еще в полной силе, но, вместе с тем, уже и начало разрушения ее: отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и делало семью силой, противостоящей роду; обратное влияние несущественных различий на организацию управления посредством образования первых зародышей наследственной знати и царской власти; рабство сначала одних только военнопленных, но уже открывающее перспективу порабощения собственных соплеменников и даже членов своего рода; начавшееся уже вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение этой войны в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми порядками с целью оправдания насильственного грабежа богатств».

Б то время, когда писались эти строки, контуры до гомеровской микенской культуры еще только начинали вырисовываться в сумерках греческой предыстории,² и Энгельс, естественно, не мог знать того, что путь, проделанный греческим миром в хронологическом промежутке, отделяющем Троянскую войну от времени создания, «Илиады», был в известной мере лишь повторением пройденного, что государство и классовое общество, некогда уже существовавшие на греческой почве, теперь зарождаются здесь снова, хотя уже в другой форме и в других масштабах, что во многих отношениях греки собственно гомеров-

ского периода стоят ниже своих непосредственных предшественников — создателей минойско-микенской цивилизации эпохи бронзы, что их культура более примитивна, ближе к варварству, чем хронологически более ранняя микенская культура. Разумеется, гомеровский период не был простым возвращением вспять, к тем примитивным общественным структурам среднеэлладской эпохи, из которых в свое время выросла микенская цивилизация. Элементы регресса в греческой культуре этого времени причудливо переплетаются с рядом существенно новых моментов. По сути дела, это было повторение опыта прошлого, но на качественно ином, более высоком уровне общественного развития. За время так называемого «дорийского завоевания» и последующей стабилизации произошло коренное обновление технической базы греческой экономики, выразившееся в широком распространении железа и его постепенном внедрении в производство. Эта техническая революция имела далеко идущие последствия во всех сферах общественной жизни. Металл впервые стал дешев и широко доступен, а это в свою очередь оказало сильное «демократизирующее» воздействие на само греческое общество.⁴ Резко возросли производственные возможности его наименьшей хозяйственной ячейки — патриархальной семьи. В экономическом отношении семья обособляется от рода и становится тем автономным ойкосом, с которым впервые в греческой литературе мы сталкиваемся на страницах гомеровских поэм. С появлением железа отпала необходимость в далеких и дорогостоящих заморских экспедициях за металлом, перестало оправдывать себя централизованное хранение и использование его запасов, и, таким образом, была разрушена та основа, на которой покоился весь «государственный сектор» микенской экономики. Организованная хозяйственная инициатива дворцового государства в новых условиях должна была уступить свое место «частному предпринимательству» разрозненных семейных общин.

Все эти важные перемены способствовали тому, что дальнейшее развитие греческого общества пошло по совершенно новому руслу: от первичной семейно-родовой общины через промежуточную ступень племенного сообщества к городу-государству в форме демократической (или в более редких случаях аристократической) республики. На этот раз грекам удалось избежать угрозы торжества бюрократической монархии, какой в основе своей уже была микенская теократия, имевшая явную тенденцию к превращению в деспотию восточного типа.⁶ Вполне очевидным этот факт стал лишь в конце архаической эпохи, когда в Греции сформировался в своих основных чертах новый прогрессивный тип государства и общества — рабовладельческий полис, таивший в себе еще неизвестные дотоле возможности социального и культурного развития. Однако первые шаги в этом направлении были сделаны уже в рамках предше-

ствующего гомеровского периода. Именно в это время в Греции сложился тот широкий слой свободного крестьянства, который в дальнейшем стал основной социальной опорой полисного строя. Генеалогически обособленная от народа и даже противостоящая ему как правящее сословие гомеровская знать все же была еще не настолько сильна, чтобы совершенно поработить демос и лишить его всех гражданских и человеческих прав. По существу сама аристократия была здесь лишь верхушечной частью демоса — прослойкой наиболее зажиточных крестьян, наделенной известными привилегиями политического и религиозного характера. С экономической точки зрения и аристократический ойкос, и семья рядового общинника — «мужа из народа» — были вполне однотипными образованиями. Различие между ними состояло не в методах хозяйствования и не в источниках обогащения, а лишь в масштабах их применения.⁸ В отличие от микенской дворцовой элиты гомеровская знать так и не смогла превратиться в замкнутую касту профессиональных воинов и жрецов. Для столь сложной функциональной стратификации общества необходима была соответствующая материальная база и прежде всего наличие единого общегосударственного хозяйства. Однако возвращение к этой изжившей себя экономической системе в условиях постемиграционного гомеровского периода было уже невозможно.

О радикальной трансформации, пережитой греческим обществом в течение трех или четырех «темных веков», следующих за падением микенской цивилизации, свидетельствует возникший в самом конце этого хронологического отрезка новый тип поселения — раннегреческий полис. От его предшественницы — микенской цитадели — ранний полис отличается прежде всего присущий ему способ архитектурной организации пространства, наглядное представление о котором могут дать хотя бы кривые и узкие улочки архаической Смирны, ее стандартные глинобитные дома, среди которых невозможно отличить жилище аристократа от жилища рядового гражданина. Весь этот человеческий муравейник, теснящийся на небольшой площадке, обнесенной кирпичной стеной, составляет разительный контраст с монументальной архитектурой микенских дворцов, величием их внутреннего убранства и, очевидно, воплощает в себе совершенно иной тип социальной организации, гораздо более примитивный и однородный по своей внутренней структуре, нежели ахейское общество II тыс. до н. э.

Как мы уже говорили (с. 67), обычным путем, по которому шло становление раннего полиса, была интеграция мелких первичных общин в более крупные политические образования. Чаще всего этот процесс происходил в форме так называемого «синойкизма», т. е. слияния нескольких или даже многих расположенных по соседству родовых поселков (первичных полисов) в единый жилой массив с общим религиозно-политическим цент-

ром в виде священного участка (темена) и места для народных собраний и судопроизводства (агоры).⁹ В исторических условиях гомеровского периода синойкизм был симптомом внутренней консолидации и политического самоопределения той аморфной племенной общности, которая предшествовала новому полису на его территории. Сам полис, его укрепления, храмы, другие общественные здания и сооружения были призваны символизировать единство и сплоченность всех составляющих племя семей и родов. Впрочем, между провозглашением этого принципа и его реальным осуществлением должно было пройти немалое время. Объединение издревле разрозненных семейно-родовых общин в новую городскую общину менее всего можно было бы приписать росту политического сознания среди составляющих эти общины индивидов. В большинстве случаев их вынуждали к этому шагу внешние обстоятельства. Необычайно ранняя урбанизация, охватившая в конце гомеровской эпохи ряд районов греческого мира, стимулировалась наряду с некоторыми другими факторами сложившейся здесь в это время крайне напряженной демографической ситуацией, вынуждавшей отдельные общины объединяться и создавать общие опорные пункты для того, чтобы с большим успехом противодействовать натиску соседей на их границы¹⁰ (другим проявлением этой напряженности была начавшаяся примерно в это же время Великая колонизация). Обычные в племенном обществе межродовые распри, разумеется, не могли прекратиться вместе с переходом к городскому образу жизни. Они продолжались и в новых условиях, приобретая нередко катастрофический характер. Многие из вновь возникших полисов оказывались спустя короткое время после своего образования на грани распада (роль своеобразного клапана, разряжавшего грозную атмосферу внутри общины и не дававшего катастрофе совершиться, играла в это время опять-таки колонизация).

С точки зрения исторической типологии раннегреческий полис в том его виде, в котором он сложился к концу гомеровского периода, можно определить, как позднеродовое варварское общество в его специфическом городском варианте.¹¹ Такие характерные для этой социальной формации черты и признаки* как сословное деление общества в сочетании с системой gentilных союзов, политическое господство родовой знати, все еще очень сильный родовой партикуляризм, спроецированы здесь на необычный фон «преждевременного» (еще до образования государства) возникшего города. Соответственно и вырастающее в дальнейшем из племенной общины рабовладельческое государство отливается в практически уже готовую формулу города-государства.

Было бы ошибкой считать этот путь развития исключительной особенностью одной только Греции. Города-государства, во многом напоминающие раннегреческий полис, в разное время

существовали и в других районах Древнего мира, зародившись раньше всего на Востоке: в Шумере, в Ассирии, на сиро-финикийском побережье Средиземного моря. Однако восточные полисы, за исключением, пожалуй, только финикийских городов, не проявили достаточной жизнеспособности и довольно быстро сошли с исторической сцены, уступив свое место обширным территориальным государствам, объединенным под властью обоженного деспота. Городская община была здесь с самого начала ослаблена противостоящим ей мощным храмовым (или дворцовым) хозяйством, которое само по себе уже было питательной средой для развития деспотии.¹² В Греции начала I тыс. до н. э., как мы уже видели, предпосылки для создания такого рода централизованной экономической системы отсутствовали. Поэтому развитие авторитарного тоталитарного государства не вышло здесь из стадии экспериментов. Лишенные необходимой материальной базы, эти попытки рано или поздно терпели неудачу, о чем свидетельствует судьба большинства тиранических и олигархических режимов архаической эпохи. Магистральной линией, по которой шло в это время политическое развитие греческого общества, было постепенное укрепление общины и ее институтов и ослабление заложенных в ее структуре потенций личного и родового могущества.¹³ История большинства греческих государств на протяжении VIII—VI вв. до н. э., показывает, как уже выработанные политической практикой варварского общества органы общинного самоуправления постепенно трансформируются в основные элементы административной системы демократического полиса, как мало-помалу затихают межродовые усобицы, долгое время терзавшие изнутри его еще неокрепший организм, как все более меняется соотношение сил между аристократией и демосом в пользу последнего и как, наконец, сам полис из эфемерного союза родовой знати превращается в республику свободных и равноправных граждан. Таким образом, еще на закате «Героического века», до начала писаной истории, во многом определился тот своеобразный путь исторического развития, вступив на который, Греция смогла раз и навсегда порвать с застойными формами древневосточной экономики и государственности и спустя несколько столетий достигла небывалых еще высот политического и культурного прогресса.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вступление

¹ Подробный обзор дискуссии и основную литературу см.: Lesky A. Homeros. — RE, Suppl. XL Stuttgart, 1968, S. 740 f.

² Об историческом ядре предания см.: Finley M. I., Caskey J. L., Kirk G. S., Page D. L. The Trojan war. — JHS, 84, 1964; Page D. L. History and the Homeric Iliad. Los Angeles — Berkeley, 1959; Lesky A. Homeros. — RE, Suppl. XL Stuttgart, 1968, S. 750 f.

³ О микенских реалиях в эпосе см.: Nilsson M. P. Homer and Mycenae. L., 1933; Lorimer H. L. Homer and monuments. L., 1950; Webster T. B. L. From Mycenae to Homer. L., 1958; Page D. L. Op. cit.; Kirk G. S. The songs of Homer. Cambridge, 1962; Wace J. B., Stubbings F. H. A companion to Homer. L., 1962; Archaeologia Homerica. Die Denkmäler und das frühgriechische Epos. Im Auftr. des Dt. Archäol. Inst. Hrsg. von F. Matz und H. G. Buchholz. Göttingen, 1967 и сл.

⁴ Колобова К. М. [Рец. на кн.:] Evans J. Time and chance. — ВДИ, 1947, № 4, с. 110.

⁵ Кроме литературы, указанной выше, в сн. 3, см.: Helbig W. Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. Lpz., 1887; Reichel W. Homerische Waffen. Wien, 1901; Lang A. Homer and his age. N. Y., 1906; Schadewaldt W. Von Homers Welt und Werk. Stuttgart, 1951; Myres J. and Gray D. Homer and his critics. L., 1958; Bowra C. M. 1) Homer and his forerunners. Edinburgh, 1955; 2) Homer. L., 1972.

⁶ Kirk G. S. The songs of Homer, p. 179 sq.; Bowra C. M. Homer, p. 47 sq.; Lesky A. Homeros. — RE, Suppl. XL Stuttgart, 1968, S. 740 f.

⁷ Finley M. I. The world of Odysseus. Harmondsworth, 1962, p. 52; Carpenter R. Folk tale, fiction and saga in the Homeric epics. Berkley — Los Angeles, 1956, p. 26 sq.

⁸ Как справедливо замечает Финли (op. cit., p. 166), возражая против попыток отождествления микенского и гомеровского обществ, «различие между ними заключалось в самой их структуре, а не только в масштабе и размерах»; см. также: Папазоглу Ф. К вопросу о преемственности общественного строя в Микенской и Гомеровской Греции. — ВДИ, 1961, № 1, с. 30.

⁹ Stella L. A. Il Poema d'Ulisse. Firenze, 1955; Kahl-Fürtmann G. Wann lebte Homer? Eine verschollene Menschheit tritt ans Licht. Meisenheim am Glan, 1967.

¹⁰ Обстоятельный разбор вопросов, связанных с датировкой поэм, сделан в уже упоминавшейся работе Кёрка («The songs of Homer», p. 282 sq.).

¹¹ Одно из лучших изложений этой концепции см.: Bowra C. M. Homer. ., p. 10 sq.

¹² Говоря о Гомере как о едином авторе обеих поэм, мы лишь Следующим общепринятой условности, имея в виду, что вопрос о том, была ли каждая из поэм создана одним и тем же поэтом или двумя разными, пока еще далек от своего окончательного решения (Kirk G. S. Op. cit., p. 288 sq.).

¹³ Bowra C. M. Homer..., p. 46 sq.; Webster T. B. L. Op. cit., p. 91 sq.; Page D. L. Op. cit., p. 259 sq.; Тронский И. М. Проблемы гомеровского эпоса. — В кн.: Гомер. Илиада. М.—Л., 1935, с. LV сл.

¹⁴ Чрезвычайно высоко оценивают роль микенского наследия в эпосе: Severyns A. Homere. Vol. I. Le cadre historique. Bruxelles, 1945; Webster T. B. L. Op. cit.; Page D. L. Op. cit. и др. авторы. — Против этой тенденции выступают: Carpenter R. Op. cit., p. 23 sq.; Finley M. L. Op. cit., p. 30 sq.; Kirk G. S. Op. cit., p. 106 sq.

¹⁵ Kirk G. S. Op. cit., p. 192 sq.; см. также: Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. «П», 1973, с. 121 слл.

¹⁶ Kirk G. S. Op. cit., p. 179 sq.; также Nilsson M. P. Op. cit., p. 158.

¹⁷ Наиболее полную подборку гомеровских анахронизмов можно найти в уже упоминавшейся книге Лоример («Homer and Monuments»). См.: Webster T. B. L. Op. cit., p. 101 sq.; Kirk G. S. Op. cit., p. 179 sq.; Bowra C. M. Homer, p. 47 sq.

¹⁸ Lorimer H. L. Op. cit., p. 406 sq.; Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, с. 225.

¹⁹ О роли формул в поэтической технике Гомера см.: Parry M. The making of Homeric verse. Oxford, 1971; Lord A. B. The singer of tales. Cambridge (Mass.), 1960; Bowra C. M. 1) Heroic poetry. L., 1952; 2) Homer, p. 10 sq.; Тронский И. М. Вопросы..., с. 139 слл.

²⁰ Hainsworth J. B. The flexibility of the Homeric formula. Oxford, 1968; Hoekstra A. Homeric modifications of formulaic prototypes. Studies in the development of Greek epic diction. Amsterdam, 1965; Bowra C. M. Homer, p. 43 sq.; Тронский И. М. Вопросы..., с. 148.

²¹ Конечно, роль Гомера как индивидуального творца эпоса не ограничивалась лишь распределением уже готовых формул, либо их подгонкой к месту. Исследования последних лет показывают, что значительную часть текста поэм составляют единичные, нигде более не повторяющиеся фразы, очевидно, принадлежащие самому поэту; см.: Hainsworth J. B. Structure and content in epic formulae. — CQ, 58, 1964, p. 155; Тронский И. М. Вопросы..., с. 144 сл.

²² Lesky A. Homeros. — RE, Suppl. XI. Stuttgart, 1968, S. 741; Тронский И. М. Проблемы... — В кн.: Гомер. Илиада. М.—Л., 1935, с. XXXVIII сл. — Гораздо полнее мир, окружающий поэта, представлен в сравнениях, на которые действующая в эпосе система запретов и умолчаний, очевидно, не распространяется; см.: Bowra C. M. Homer, p. 62 sq.; Severyns A. Homere. Vol. III. L'Artiste. Bruxelles, 1948, p. 131 sq.

²³ Тронский И. М. Проблемы... — В кн.: Гомер. Илиада. М.—Л., 1935, с. XXXIX.

²⁴ Аналогичные наблюдения на материале исландских саг см.: Гуревич А. Я. История и сага. М., 1972, с. 35.

²⁵ Page D. L. Op. cit., p. 66; ср. Severyns A. Op. cit. Vol. I, p. 70 sq.; Bowra C. M. Homer, p. 38.

²⁶ Отголоски микенской колесничной тактики встречаются в «Илиаде» лишь в подчеркнутую архаизированном контексте. Так в рассказе Нестора о битве пилосцев с элейцами (II. XI, 742 слл.; ср. IV, 300 сл.). — Webster T. B. L. Op. cit., p. 103 sq.

²⁷ Тронский И. М. Проблемы... — В кн.: Гомер. Илиада. М.—Л., 1935, с. XXXVIII.

²⁸ Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960, с. 139 слл., 359.

²⁹ Тронский И. М. 1) Вопросы..., с. 150 сл.; 2) Проблемы...—
В кн.: Гомер. Илиада. М.—Л., 1935, с. XXI. Ср. Finley M. I. Op. cit.,
p. 55.
³⁰ В соответствии с этим в языке поэм при всей его сложности преоб-
ладают все же поздние ионийские формы (Kirk G. S. Op. cit., p. 192 sq.).
Ср. Finley M. I. Op. cit., p. 55 sq.

20 Desborough V. R. Глава I R. Op.

¹ В нижеследующем изложении событий переходного периода мы опи-
раемся главным образом на следующие работы: Desborough V. R. d'A.
The last Mycenaeans and their successors. Oxford, 1964; Alin P. Das Ende
der mykenischen Fundstätten auf dem griechischen Festland. Lund, 1962;
Hope Simpson R. A. Gazetteer and atlas of Mycenaean cities. —
BICS, Suppl. 16, 1965; Bouzek J. Homerisches Griechenland. Praha, 1969.

² Некоторые поселения были покинуты без видимых следов предшес-
твующего разрушения, очевидно, в страхе перед надвигающейся опасностью
(Desborough V. R. Op. cit., p. 221).

³ Цифры заимствованы из таблицы, приведенной в книге Боузека
(Homerisches Griechenland, S. 51).

⁴ Укрепление цитаделей: Desborough V. R. Op. cit., p. 221; Бро-
неер О. А. Mycenaean fountain on the Athenian Acropolis. — «Hesperia»,
VIII, 4, 1939, p. 425; стена на Истме: Бронее О. The cyclopean wall on the
Isthmus. — «Hesperia», XXXV, 4, 1966; военные документы пилосского
архива: Ventris M. G. F., and Chadwick J. Documents in Mycenaean
Greek. Cambridge, 1959, p. 188 sq.; пилосские фрески: Lang M. L. The
palace of Nestor at Pylos in western Messenia. Vol. II. The frescoes. Prince-
ton, 1969, pi. 124.

⁵ Другие гипотезы: Внутриполитические конфликты и смуты: Mylo-
nas G. E. Mycenae and the Mycenaean age. Princeton, 1966, p. 226, 229;
классовая борьба: Andronikos M. The «Dorian invasion» and the
archaeological evidence. — VII Congr. Intern. Sei. Prehist. Prague, 1971; сти-
хийные бедствия: Carpenter R. Discontinuity of Greek civilisation.
Cambridge, 1966; ср. Bouzek J. Op. cit., S. 85 f. — Они, как нам кажет-
ся, не дают убедительного объяснения причин катастрофы и вызывают
многочисленные возражения.

⁶ Vermeule E. Greece in the Bronze age. Chicago, 1964, p. 279.

⁷ Desborough V. R. Op. cit., p. 224.

⁸ Отсюда следует, что это не могли быть дорийцы, которым долгое
время приписывались все эти разрушения. Из других кандидатур (иллий-
цы, «народы моря», племена из зоны «полей погребений») пока еще ни
одна не получила общего признания в науке. — Desborough V. R.
Op. cit., p. 252 sq.; Buck R. J. The Mycenaean time of troubles. — «Histo-
ria», XVIII, 3, 1969, p. 276 sq.; Kimmig W. Seevölkerbewegung und
Urnenfeldkultur. Studien aus Alteuropa. T. I. Köln, 1964.

⁹ Desborough V. R. Op. cit., p. 128.

¹⁰ Ibid., p. 74 sq., 79, 113, 230 sq.; Bouzek J. Op. cit., S. 50; Бро-
неер О. А. Mycenaean fountain... — «Hesperia», VIII, 4, 1939, p. 427 sq.

¹¹ Desborough V. R. Op. cit., p. 225 sq.; Bouzek J. Op. cit.,
S. 21 f.

¹² Starr Ch. G. The origins of Greek civilization. N. Y., 1961, p. 93 sq.;
Папазоглу Ф. К вопросу о преемственности общественного строя в ми-
кенской и гомеровской Греции. — ВДИ, 1961, № 1, с. 40; Ленцман Я. А.
Работство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, с. 193 слл.

Bouzek J. Op. cit., S. 51.

¹⁴ Desborough V. R. Op. cit., p. 230 sq.

¹⁵ Ibid., p. 37 sq.; 231 sq.; Bouzek J. Op. cit., S. 97.

¹⁶ Styrenius C. G. Submycenaean studies. Lund, 1967, p. 36 f.

¹⁷ Bouzek J. Op. cit., S. 92 f.

18 Desborough V. R. Op. cit., p. 258 sq.; Bouzek J. Op. cit.,
S. 105.

¹⁹ Железо и протогеометрическая керамика в настоящее время уже не
считаются элементами «дорийской культуры». — Pleiner K. R. Iron
working in Ancient Greece. Praha, 1969, p. 10; Desborough V. R. Op.
cit., p. 258 sq. Более вероятной кажется связь с этой культурой лукообраз-
ных фибул, «ящичных могил», некоторых типов грубой лепной керамики. —
Bouzek J. Op. cit., S. 103.

²¹ cit., p. 75.

²² Ibid. Cp.: Styrenius C. G. Op. cit., p. 161 sq.

²³ Desborough V. R. Op. cit., p. 231.

Kirsten E. Die griechische Polis als historisch-geographisches
Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956, S. 45; Schuchhardt C.
Hof, Burg und Stadt bei Germanen und Griechen. — Neue Jahrb. Kl. Alt.,
XXI, 1908, S. 309 f.; Busolt G. Griechische Staatskunde. Ht. 1. München,
1920, S. 153; Glotz G. La Cité Grecque. P., 1928, p. 12 sq.; cp.: Tritsch
Fr. Die Stadtbildungen des Altertums und die griechische Polis. — «Klio»,
XXII, 1/2, 1928; Martin R. L'urbanisme dans la Grèce antique. P., 1956,
p. 76.

²⁴ Ленцман Я. А. Указ. соч., с. 197.

²⁵ Афины: как показали американские раскопки на агоре, древнейшее
поселение в этом месте возникло около 1100 г. до н. э., т. е. как раз тогда,
когда прекратило свое существование микенское поселение на Акрополе. —
Thompson H. A. Buildings on the west side of the Agora. — «Hesperia»,
VI, 1, 1937, p. 1; Бронее О. А. Mycenaean fountain... — «Hesperia»,
VIII, 4, 1939, p. 427 sq. Спарта: Desborough V. R. Op. cit., p. 88;
Alin P. Op. cit., p. 92. Апрок: Desborough V. R. Op. cit., p. 80 sq.

²⁶ См. литературу, указанную в сн. 25, а также: Dunbabin T. J.
The early history of Corinth. — JHS, 68, 1948, p. 59 sq.

Drerup H. Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. — Archaeo-
logia Homerica. Bd. II. O. Göttingen, 1969, S. 65, 79.

²⁸ Kraiker W., Kübler K. Kerameikos I. Die Nekropolen des 12 bis
10 Jh. B., 1939.

²⁹ Starr Ch. G. The origins of Greek civilization, 1100-650 B. C.
N. Y., 1961, p. 80.

³⁰ Gallet de Santerre H. Delos primitive et archaïque. P., 1958,
p. 215 sq.

³¹ Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950, с. 330; Renard L.
Notes d'architecture proto-geometrique et geometrique en Crete. — «L'Anti-
quite Classique», 36, 2, 1967, p. 581; Drerup H. Op. cit., S. 36 f.; 96.

³² Renard L. Notes d'architecture... — «L'Antiquité Classique», 36, 2,
1967, p. 581 sq.; Drerup H. Op. cit., S. 41 f.; Levi D. The recent excava-
tions at Phaistos. Lund, 1964.

³³ Heinrich E. Inselarchitektur der Mittelmeergebietes und ihre Be-
ziehung zur Antike. — AA, 1959, S. 89 f.

³⁴ Renard L. Notes d'architecture... — «L'Antiquité Classique», 36, 2,
1967, p. 582 sq.

³⁵ Ibid., p. 584.

³⁶ Drerup H. Op. cit., S. 33 f.; Renard L. Notes d'architectu-
re. — «L'Antiquité Classique», 36, 2, 1967, p. 570 sq.

³⁷ Пендлбери Дж. Указ. соч., с. 318; Renard L. Notes d'architec-
ture. — «L'Antiquité Classique», 36, 2, 1967, p. 585; Drerup H. Op. cit.,
S. 41 f.

³⁸ Pendlebery J. D. S. and Money-Coutts M. Excavations in
the plain of Lasithi. III. Karphi. — BSA, 38, 1937-38, p. 77.

³⁹ Ibid., p. 92, 96, 135.

⁴⁰ Cp. Tritsch Fr. Die Stadtbildungen. — «Klio», XXII, 1/2, 1928,
S. 63 f.

⁴¹ Вопрос о существовании городов в Греции II тыс. до н. э. остается
пока открытым. Во всяком случае, мы не знаем ни одного поселения этой

эпохи, которое можно было признать настоящим городом, используя принятые для этого в науке критерии. Совершенно очевидно, что городами не были ни минойские дворцы, ни микенские цитадели вместе с окружающими их постройками, ни тем более небольшие общинные поселки типа Мальти-Дориона в Мессении. См. полемику по этому вопросу между Ленцманом и Блаватской (Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции, с. 132 сл.; Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966, с. 115). Вместе с тем нельзя не заметить, что многие из поселений крито-микенской эпохи как на Крите, так и в материковой Греции (среди них уже названные Палекастро и Гурния, Кораку, Зигуриес, Бербати, Филакопи, Мальти и др.) имеют признаки, сближающие их с широко распространенным в странах Средиземноморья типом «города-деревни» (Stadt-Dorf). Важнейшие из этих признаков — компактная (ульевидная) застройка и наличие определенного административного центра. — Ennen E. Frühgeschichte der Europäischen Stadt. Bonn, 1953, S. 21 f; ep. Renfrew C. The emergence of civilization. The Cyclades and the Aegean in the Third Mill. B. C. L., 1972, p. 402.

⁴² По данным Боузека (Bouzek J. Op. cit., S. 163), только в Аттике и Арголиде общее число поселений возросло по сравнению с прото-геометрическим периодом в два-три раза.

⁴³ Cook J. M. Old Smyrna, 1948—51. — BSA, 53—55, 1958—59; Akurgal E. Die Kunst Anatoliens. B., 1961, S. 9 f.

⁴⁴ Gerkan A. von. Griechische Städteanlagen. B. — Lpz., 1924, S. 17 f; Tritsch Fr. Die Stadtbildungen. . . - «Klio», XXII, 1928, S. 70. — Эта теория не изжита по-настоящему и до сего времени. — Kirsten E. Griechische Polis, S. 52; Starr Ch. G. The origins of Greek civilization, p. 252, 340; Блаватский В. Д. Античный город. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 10. О стенах Смирны см.: Nicholls R. V. Old Smyrna: The Iron age fortifications. — BSA, 53—54, 1958—59, p. 35 sq.; ep. Martin R. L'urbanisme. . . P., 1956, p. 192.

⁴⁵ Akurgal E. Die Kunst Anatoliens, S. 9 f.

⁴⁶ См. план раскопа, приложенный к статьям Кука и Никкольза, в BSA — ср. Дрегир Н. Op. cit., S. 97.

⁴⁷ Hanfmann G. M. A. Ionia, leader or follower? — HSCPh, 61, 1953, p. 6. Ср.: Akurgal E. 1) Die Kunst Anatoliens, S. 11; 2) Early period and Golden age of Ionia. — AJA, 66, 4, 1962, p. 340.

⁴⁸ Ср.: Akurgal E. Die Kunst Anatoliens, S. 13. — Древнейший храм был построен в Смирне лишь в VII в. после землетрясения, разрушившего город. Cook J. M., Nicholls R. V. Old Smyrna. — BSA, 53—54, 1958—59, p. 15, 124.

⁴⁹ Καπίττολου Α., Coultou J. J. Ἀνασκαφαὶ Ζαγοράς "Ἀνδρῶν «Ἀρχαιολογική Ἐφημερίς», 1970, S. 154; Ewin M. New letters from Greece. — AJA, 72, 4, 1968, p. 381; Drerup H. Op. cit., S. 130.

⁵⁰ Drerup H. Op. cit., S. 130.

⁵¹ Ср.: Ленцман Я. А. Указ. соч., с. 222 сл.

⁵² Boardman J. Excavations in Chios, 1952—55. Greek Emporio. BSA, Suppl. VI, 1967.

⁵³ Ibid., p. 250.

⁵⁴ Ibid., p. 40 sq.

⁵⁵ Drerup H. Op. cit., S. 10 f.

⁵⁶ Boardman J. Excavations. . . — BSA, Suppl. VI, 1967, p. 253.

⁵⁷ См. литературу, указанную в сн. 44.

⁵⁸ Ср.: Martin R. Recherches sur L'Agora Grecque. P., 1951, p. 124 sq.

⁵⁹ Effenterre H. van., Demargne P. Recherches a Dreros. — BCH, 61, 1937, p. 10 sq.; Renard L. Notes d'architecture. . . — L'Antiquite Classique», 36, 2, 1967, p. 580; Martin R. Recherches. . . , p. 226.

⁶⁰ Effenterre H. van. Inscriptions archaiques cretoises. — BCH, 70, 1946, p. 590.

⁶¹ McDonald W. A. The political meeting places of the Greeks. Baltimore, 1943, p. 32 sq.; Martin R. Recherches. . . , p. 227 sq.

⁶² Tritsch Fr. Die Stadtbildungen. . . - «Klio», XXII, 1/2, 1928, S. 64. —

Трич, а вслед за ним Мартэн и некоторые другие исследователи объясняют столь раннее появление на Крите памятников такого типа влиянием минойской градостроительной традиции.

⁶³ Martin R. Recherches. . . p. 57.

Поселения этой группы состоят, по сути дела, из одного акрополя. На широкое распространение этого типа поселения в архаической Греции указывает Мартэн, относящий к категории городов-акрополей также Дре-рос, Лато, Феру и др. ранние полисы. — Martin R. L'urbanisme. . . p. 36, 82 sq.

⁶⁵ Cook J. M. Greek settlement in the eastern Aegean and Asia Minor. CAN², vol. II, eh. 38. Cambridge, 1961, p. 24.

⁶⁶ Drerup H. Op. cit., S. 51 f.

⁶⁷ Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. 1. München, S. 68 f.

⁶⁸ Размеры укрепленной площадки акрополя Эмпорио явно превышают пространство, необходимое для размещения обитателей маленького поселка, разбросанного по его склонам. Скорее всего это сооружение возникло в результате кооперированных усилий населения нескольких таких поселков. В еще большей степени это предположение относится к таким малоазиатским refugia, датируемым примерно тем же временем, что и Эмпорио, как Мелия (вблизи Паннония) и Ясос (Кария). — Drerup H. Op. cit., S. 56 f.

⁶⁹ Cook J. M. The Greeks in Ionia and the East. N. Y. — Wash., 1965, p. 25.

⁷⁰ Valmin M. N. The Swedish Messenia expedition. Lund, 1938.

⁷¹ История древнего мира, т. II М., 1936, с. 94; ср. Блаватская Т. В. Указ. соч., с. 116.

⁷² Vermeule E. Op. cit., p. 182; Mylonas G. E. Op. cit., p. 44; Tritsch Fr. Die Stadtbildungen. . . — «Klio», XXII, 1/2, 1928, S. 23 f; Kirsten E. Op. cit., S. 35 ff; Блаватская Т. В. Указ. соч., с. 105 сл.

⁷³ Хронологически Мальти служит как бы связующим звеном между раннеэлладскими укрепленными центрами типа Лерны в Арголиде или Полиохни на Лемносе и позднейшими микенскими цитаделями. Поселения аналогичного типа могли предшествовать замкнутым дворцовым комплексам в Микенах, Тиринфе, Пилосе и др. местах. — Vermeule E. Op. cit., p. 31 sq.; 116; Блаватская Т. В. Указ. соч., с. 63 сл., 123.

⁷⁴ Кроме Делоса и Андроса образцы конгломератной застройки (отдельные блоки зданий) обнаружены также на Наксосе, Тиносе, Сифносе. — Drerup H. Op. cit., S. 50 f; 96 f.

⁷⁵ Kirsten E. Op. cit., S. 92 f; Ennen E. Op. cit., S. 21 f.

⁷⁶ Mylonas G. Op. cit., p. 84.

⁷⁷ Desborough V. R. Op. cit., p. 30.

⁷⁸ Corinth. The results of excavations. Vol. 15, p. 1; Stillwell A. N. The Potters quarter. Cambridge (Mass.), 1948, p. 11 sq.

⁷⁹ Вероятно, нечто подобное имел в виду и Фукидид, говоря о древнейших «полисах, лишенных стен и заселенных по комам» (I, 5, 2). Конкретными примерами такого рода союзов или «гнезд» родовых общин могут служить марафонский Тетраполис и другие сходные с ним объединения аттических демов, существовавшие еще до Тезеева синойклизма. — Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. II. Gotha, 1893, S. 81.

⁸⁰ Чаше всего эта консолидация имела форму так называемого «синойклизма». — Kuhn E. Die Entstehung der Städte der Alten. Leipzig, 1878; Francotte H. La polis Grecque. Paderborn, 1907; Busolt G. Griechische Staatskunde, I, S. 156 f.

Глава II

1 Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. 2. Stuttgart, 1893, S. 335; Hasebroeck J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931, S. 28; Hoffmann W. Die Polis bei Homer. — Festschrift B. Snell. München, 1956, S. 153 ff.

² Отсюда не следует, однако, что первый из этих двух терминов означает укрепленную цитадель — царский бург, второй же, лишенный стен «нижний город», являющийся местожительством демоса. Ср.: Schuchhardt C. Hof, Burg und Stadt bei Germanen und Griechen. — *Neue Jahrb. Kl. Alt.*, XXI, 1908, S. 309 ff.; Busolt G. *Griechische Staatskunde*. Hälfte I. München, 1920, S. 318; Glotz G. *La Cité Grecque*. P., 1928, p. 12; Hoffmann W. *Die Polis*. — *Festschrift B. Snell*. München, 1956, S. 153.

³ Такая трактовка гомеровского полиса нередко встречается в литературе. — Guiraud P. *La Propriété foncière en Grèce*. P., 1893, p. 69; Kuhn E. *Die Entstehung der Städte der Alten. Lpz.*, 1878, S. 10 f.; Richter W. *Die Landwirtschaft im Homerischen Zeitalter*. — *Archaeologia Homerica*. Bd. II, Kap. H., Göttingen, 1968, S. 3 f.; ср.: Thomas C. G. *Homer and the polis*. — *«La Parola del Passato»*, fasc. 106, 1966, p. 6 sq.

⁴ Seymour Th. D. *Life in the Homeric age*. N. Y. — L., 1907, p. 555.

⁵ Schuchhardt C. Hof, Burg. — *Neue Jahrb. Kl. Alt.*, XXI, 1908, S. 309; Martin R. *Recherches sur L'Agora Grecque*. P., 1951, p. 25, 36.

⁶ Gerkan A. von. *Griechische Städteanlagen*. B. — Lpz., 1924, S. 11.

⁷ Ср.: Thomas C. G. *Homer*. — *«La Parola del Passato»*, fasc. 106, 1966, p. 7 sq.

⁸ Carpenter R. *Folk tale, fiction and saga in the Homeric epics*. Berkeley — Los Angeles, 1956, p. 52.

⁹ Blegen C. W. *Troy and the Trojans*. N. Y. — Wash. 1964, p. 13 sq.; см. также: Bowra C. M. *Homeric epithets for Troy*. — *JHS*, 80, 1960.

¹⁰ McDonald W. A. *The political meeting places of the Greeks*. Baltimore, 1943, p. 25, n. 41; Martin R. *Op. cit.*, p. 39.

¹¹ Так понимает это место Р. Мартэн (*ibid.*, p. 38); ср.: McDonald W. A. *Op. cit.*, p. 25.

¹² McDonald W. A. *Op. cit.*, p. 22; ср.: Martin R. *Op. cit.*, p. 62.

¹³ Martin R. *Op. cit.*, p. 281; *op. p.* 165.

¹⁴ Eitrem S. *Phaiaken*. — *RE*, Hbb. 38, 1938, S. 1522; Webster T. B. L. *From Mycenae to Homer*. L., 1959, p. 157.

¹⁵ Rohde E. *Psyche*. Bd. I. Freiburg, 1903, S. 83.

¹⁶ Cook J. M. *Old Smyrna, 1948-51*. — *BSA*, 53-54, 1958-59, p. 16.

¹⁷ Martin R. *Op. cit.*, p. 59 sq.; *op. p.* 56.

¹⁸ Так полис экстравертного типа, т. е. комбинация укрепленного акрополя с неукрепленным «нижним городом» в своем чистом виде не встречается в эпосе ни разу, хотя в некоторых местах поэт дает понять, что этот тип поселения был ему также известен. — II. VI, 286 слл.; ср. *Od.* II, 154 ср.: Schuchhardt C. Hof, Burg. — *Neue Jahrb. Kl. Alt.*, XXI, 1908, S. 308 f.

¹⁹ Thomas C. G. *Homer*. — *«La Parola del Passato»*, fasc. 106, 1966, p. 7 sq.

²⁰ Некоторые авторы, в том числе П. Гиро и Эд. Мейер (Guiraud P. *La Propriété foncière en Grèce*, p. 69; Meyer Ed. *Geschichte des Altertums*, II, S. 339) склонны считать, что гомеровская знать не жила постоянно в городе, а лишь навещала туда время от времени для участия в народном собрании. Обычным же ее местожительством служили сельские усадьбы. Эту точку зрения резонно оспаривал уже Пельман, полагавший, что главной резиденцией аристократии в те времена был именно полис. — Röhlmann R. von. *Aus Altertum und Gegenwart*. München, 1911, S. 145 f.; см. также: Busolt G. *Griechische Staatskunde*, I, S. 152, 318; Hasebroek J. *Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte*, S. 28; Hoffman W. *Die Polis*. — *Festschrift B. Snell*. München, 1956, S. 154.

²¹ Сходство это, конечно, не было абсолютным, так как основной сферой экономической деятельности раннегреческой аристократии было сельское хозяйство. Тем не менее средоточием ее общественной и духовной жизни всегда оставался полис. — Hoffmann W. *Die Polis*. — *Festschrift B. Snell*. München, 1956, S. 154; ср.: Strassburger H. *Der Einzelne und die Gemeinschaft im Denken der Griechen*. — In: *Zur Griechischen Staatskunde*. Hrsg. Fr. Gschnitzer. Darmstadt, 1969, S. 104.

²² Эд. Мейер (*Op. cit.*, II, S. 332) совершенно справедливо указывает, что основную массу населения полиса составляли свободные крестьяне, которых он удачно называет «Ackerbürger»; ср.: Starr Ch. G. *The origins of Greek civilization*. N. Y., 1961, p. 340; Richter W. *Op. cit.*, S. 3 f.

²³ Ср.: Richter W. *Op. cit.*, S. 4.

²⁴ Само собой разумеется, что владелец железной глыбы должен жить там, где находятся его запасы металла — величайшая драгоценность для аристократа гомеровской эпохи; ср. хотя бы описание кладовой Одиссея в *Od.* II, 337 сл.; XXI, 10.

²⁵ Kirsten E. *Die Griechische Polis*, S. 92; Busolt G. *Op. cit.*, Ht. I, S. 140, Anm. 2.

²⁶ В предшествующий период четкое смысловое разграничение между понятиями полиса и комы проводилось, вероятно, только в тех районах, где поселения пришельцев-завоевателей соседствовали с поселениями порабожденного коренного населения, как это было, например, в Спарте, в Фессалии, на Крите, в некоторых местах на Ионийском побережье. Но эту ситуацию едва ли можно считать типичной для всей Греции; ср.: Busolt G. *Op. cit.*, I, S. 145 f.; Swoboda H. *Kfyn*. — *RE*, Suppl. IV, 1924, S. 951 f.; Kirsten E. *Op. cit.*, S. 99 f.; Richter W. *Op. cit.*, S. 23.

²⁷ Busolt G. *Op. cit.*, I, S. 159.

²⁸ Так, Эгисф, хотя и живет не в полисе, а в загородной усадьбе «на краю поля», имеет в своем подчинении народ (δῆμος), из которого он выбирает себе помощников для расправы с Агамемноном и его спутниками (*Od.* IV, 517 слл.). Его отшельничество, однако, так же, как и в случае с Лазаром, носит вынужденный характер.

²⁹ Heuss A. *Die archaische Zeit Griechenlands*. — In: *Zur Griechischen Staatskunde*. Hrsg. Fr. Gschnitzer. Darmstadt, 1969, S. 59.

Глава III

¹ Интересная, хотя и не во всем убедительная попытка разработки такой типологии была предпринята несколько лет назад австрийским историком Дегером. — Deger S. *Herrschaftsformen bei Homer*. Wien, 1970.

² Об этом термине, так же как и о других гомеровских терминах власти см.: Magot K. *Basileus*. — *Acta Antiqua Acad. Sci. Hung.*, 10, 1962, S. 175 f.; Puhvel J. *Helladic kingship and the gods*. — *Minoica*. B., 1958, S. 328 f.; Gschnitzer Fr. *Βασίλειος*. Ein terminologischer Beitrag zur Frühgeschichte des Königtums bei den Griechen. — *Festschrift L. C. Franz*. Innsbruck, 1965, S. 102 f.; Deger S. *Op. cit.*, S. 44 f.

³ В целом по вопросу см.: Carpenter R. *Folk tale, fiction and sage in the Homeric epics*. Berkeley — Los Angeles, 1956, p. 45 sq.; Page D. L. *History and the Homeric Iliad*. Los Angeles, 1959; Finley M. L., Caskey J. L., Kirk G. S., Page D. L. *The Trojan war*. — *JHS*, 84, 1964; Lesky A. *t Homeros*. — *RE*, Suppl. XL Stuttgart, 1968, S. 750 f.

⁴ Allen T. W. *The Homeric catalogue of the ships*. Oxford, 1921; Burr V. *Ἡρόν χαταλόγος*. Untersuchungen zum homerischen Schiffskatalog. — «Klio», Beiheft 49, 1944; Huxley G. L. *Mycenaean decline and the Homeric catalogue of ships*. — *BICS*, 3, 1956; Гордезиани Р. В. «Каталог кораблей» Илиады. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1967; Блаватская Т. В. *Ахейская Греция во II тыс. до н. э. М.*, 1966, с. 14.

⁵ Jachmann G. *Der homerische Schiffskatalog und die Ilias*. Köln, 1958; ср.: Giovannini A. *Etude historique sur les origines du Catalogue des Vaisseaux*. Berne, 1969.

⁶ Ср.: Hope Simpson R., Lazenby J. F. *The catalogue of the ships in Homer's Iliad*. Oxford, 1970, p. 153 sq.

⁷ Характерные «ландшафтные» эпитеты, сопровождающие некоторые названия в перечне «Каталога» (напр., *πολισταφύρον θ'* *Ἰστίαϊαν, ἀμπλόνει'* *Ἐπίδαυρον, πολυτρήρονά τε Μέσσην* и т. п.) относятся, конечно, не к самим городам, а к их окрестностям; ср. аналогичные формулы в перечне семи

мессенских полисов в II. IX, 149 слл. Иного мнения о структуре «Каталога» придерживается Страбон (VIII, 337).

⁹ Cp.: Hammond N. G. L. History of Greece. L., 1959, p. 65.
⁹ Finley M. I. Homer and Mycenae: Property and tenure. — «Historia», VI, 2, 1956, p. 146. и «законы» здесь, таким

¹⁰ Основные мнения по этому вопросу приведены у Дегера (Op. cit., S. 63 f.).

¹¹ Cp.: Finsler G. Das homerische Königtum. — Neue Jahrb. KL Alt., XIX, 1907, S. 401 f.; Deger S. Op. cit., S. 67—108.

¹² Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. II. Stuttgart, 1892, S. 169, 188; Leaf W. Homer and history. L., 1915, p. 191 sq.; Nilsson M. P. Homer and Mycenae. L., 1933, p. 217 sq.; Desborough V. R. d'A. The last Mycenaeans and their successors. Oxford, 1964, p. 218 sq.; Лурье С. Я. Язык и культура Микенской Греции. М.—Л., 1957, с. 215 сл.; ср.: B e t h e E. Troia, Mykene, Agamemnon und sein Grosskönigtum. — «Rh. Mus.», LXXX, 3, 1931, S. 229 f.; Page D. L. History and the Homeric Iliad, p. 127; Vermeule E. Greece in the Bronze age. Chicago, 1966, p. 265; Блаватская Т. В. Указ. соч., с. 158 сл.

¹³ Cp.: Stella L. A. La civiltà micenea nei documenti contemporanei. Roma, 1965, p. 51; Лурье С. Я. Указ. соч., с. 216.

¹⁴ Page D. L. Op. cit., p. 127; ср.: Hope Simpson R., Lazenby J. F. The catalogue. . . , p. 71 sq.

¹⁵ Jachmann G. Op. cit., S. 97.

¹⁶ Deger S. Op. cit., S. 75 f.

¹⁷ Об этом понятии см.: Ehrenberg V. Die Rechtsidee im frühen Griechentum. Lpz., 1921, S. 3 f.; Vos H. **Θέμις**. Utrecht, 1956; Frisk H. Die Stammbildung von **Θέμις** — «Eranos», XLVIII, 1, 1950.

¹⁸ Webster T. B. L. From Mycenae to Homer. L., 1959, p. 25 sq.; Deger S. Op. cit., S. 83.

¹⁹ Jachmann E. Op. cit., S. 98; Лурье С. Я. Указ. соч., с. 194 сл.

²⁰ В параллель с этим отрывком можно поставить еще лишь два места: II. IX, 483 сл. — Пелей дает приют бездомному скитальцу Фениксу, наделяет его богатством и отдает под его власть племя долопов (**πολὺν δέμοι ἄπατε λαόν**) и Od. IV, 174 слл. — Менелай в беседе с Телемахом высказывает желание переселить к себе Одиссея со всем его имуществом, семьей и людьми. Ради этого он готов очистить один из «расположенных вокруг и иод-властных мне полисов».

Эти отрывки обычно приводятся, как пример феодальных отношений в гомеровском обществе. — Nilsson M. P. Op. cit., p. 236 sq.; Jeanmaire H. Couroi et Couretes. Lille, 1939, p. 109; Webster T. B. L. Op. cit., p. 106; Will Ed. Aux origines du regime foncier grec: Homere, Hesiode et Karriere plan mycenien. — REA, 49, 1957, p. 45; ср.: Finley M. I. Homer and Mycenae. . . — «Historia», VI, 2, 1956, p. 139 sq.; Deger S. Op. cit., S. 89, Anm. 379; S. 111.

²¹ См. о них: Webster T. B. L. Op. cit., p. 15; Stella L. A. Op. cit., p. 54 sq.; Wundsam K. Die politische und soziale Struktur in den mykenischen Residenzen nach den Linear B Texten. Wien, 1968, S. 152; Maddoli G. Damos e basilées. — SMEA, XII, 1970, p. 52 sq.; Лурье С. Указ. соч., с. 222 сл.

²² Webster T. B. L. Op. cit., p. 13. — Он ссылается на восточные параллели; ср.: Heuss A. Die archaische Zeit Griechenlands. — In: Zur Griechischen Staatskunde. Hrsg. Fr. Gschnitzer. Darmstadt, 1969, S. 62.

²³ Finsler G. Das homerische Königtum. — Neue Jahrb. KL Alt. XIX, 1907, S. 401 f. — Уже античные критики гомеровского текста оценивают политический режим в ахейском лагере как типичный образец аристократического строя; см.: Schol., ad Iliad. T. 390.

²⁴ Finsler G. Das homerische Königtum. — Neue Jahrb. KL Alt. XIX, 1907, S. 407; Deger S. Op. cit., S. 84; Fanta A. Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck, 1882, S. 46 f.

25 Так, скипетр, которым Ахилл скрепляет свою клятву в I, 237 слл., принадлежит, по его словам, «сынам ахейян — судьям, которые хранят законы, полученные от Зевса» (**νυν αὐτέ μιν υἱες Ἀχαιῶν ἐν παλάμῃς φορέουσι εἰρύσται**).

Διός Древний семантический ком-образом, в корне переосмыслен по-этом.

Διχασπόλοι, о которых говорит Ахилл, по всей видимости, — все те же ахейские бацилеи, к числу которых принадлежат и сам Ахилл, и Агамемнон, и другие герои. Скипетр является здесь символом их общей судебной власти. В сцене суда, изображенной Гепестом на щите Ахилла (II. XVIII, 497 слл.), скипетр переходит поочередно от одного старца-судьи к другому. Получив скипетр из рук вестника, каждый из них встает со своего места и изрекает приговор. Интересно, что царь в этом эпизоде вообще не упоминается. Но царями могут быть сами старцы (в «Одиссее» старцы-бацилеи окружают Алкиноя так же, как в «Илиаде» Агамемнона).

²⁶ Семь «лучших» ахейских героев составляют постоянное окружение Агамемнона и его военный совет (II. II, 404 слл.).

²⁷ Cp.: Wilamowitz-Möller U. Die Ilias und Homer. B., 1920, S. 264 f.

²⁸ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 106; Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934, с. 144.

²⁹ Возможна, однако, и другая интерпретация, этого места, если предположить, что вся сцена «Испытания войска» подверглась позднейшей «редакторской правке». — Leaf W. Introduction to the II song. — In: The Iliad. L., 1902, p. 47 sq.; Mühl P. von der. Kritische Hypomnemata zur Ilias. Basel, 1952, S. 32. В результате этой правки, возможно инспирированной кем-то из тиранов архаической эпохи, первоначальная проаристократическая тенденция «Диапейры» могла быть приглушена, и на первый план выступили «роялистские» мотивы.

³⁰ Hoffmann W. Die Polis bei Homer. — Festschrift B. Snell. München, 1956, S. 154.

³¹ Один полис — у киммерийцев (Od. XI, 14), у лестригонов (X, 81), даже у египтян (XIV, 265).

³² Cp.: Calhoun G. M. Polity and society. — In: A companion to Homer. Ed. A. J. B. Wace and F. H. Stubbings. L., 1963, p. 432.

Трудно согласиться с теми авторами, которые отказывают гомеровскому понятию полиса в каком бы то ни было политическом значении; см.: Keil B. In Gercke A. — Norden Ed. Einleitung in die Altertumswissenschaft. Bd. III. Lpz. — B., 1912, S. 305; Hammond N. G. L. History of Greece. L., 1959, p. 67; Starr Ch. G. The origins of Greek civilization. N. Y., 1961, p. 125. Cp.: Fanta A. Op. cit., S. 45; Thomas C. G. Homer and the polis. — «La Parola del Passato», fasc. 106, 1966, p. 7.

³⁴ Из этой формулы следует, что демос в целом — понятие более широкое, чем полис. Очевидно, в его состав входила и какая-то часть сельских жителей (**ἀγροῖώται**), обитавших на окраинах полисной территории. Правда, в некоторых случаях понятие демоса простирается на обширные области с многочисленным населением, рассеянным по ряду городов. Таков, например, «плодородный» демос беотийцев (II. V, 710); ликийский демос (II. XVI, 455, 514); демос кефалленцев (Od. XX, 210) и др. Однако, во всех этих случаях термин **δῆμος** имеет сугубо географическое, территориальное значение «страна» или «земля». В более узком морально-политическом значении — «община», «масса граждан», противостоящая тому или иному индивиду — этот же термин, как правило, ассоциируется с одним единственным полисом (II. III, 50; XI, 704; XVIII, 220; XXIV, 706; 776; Od. II, 239; IV, 691; VII, 11; 150; VIII, 157; XI, 353; XIII, 186; XIV, 425; XXII, 55 и др.).

³⁵ Так, Андромаха, супруга Гектора, происходит из Фив Киликийских (один из городов Трояды), принадлежавших, до того как город был разрушен Ахиллом, ее отцу, царю Этиону (II. VI, 414 слл.; ср. I, 366; II, 691; IX, 188; XXIII, 286). Лаотоя, одна из жен Приама, мать Ликаона, названа дочерью Альтеса, царя Педаса (II. XXI, 85 слл.). Своих царей имеют также Лирнесс (II. II, 690 слл.; ср. XIX, 296), Скирос (IX, 668), вероятно, также

Зелея, Адрестея, Перкот и другие города Трояды, перечисленные в «Троянском каталоге» (II. II, 824 слл.); ср. II. I, 163 сл.

³⁶ Аналогичную коалицию могли составлять города Эллады и Фтии, упомянутые в II. IX, 334. Их правители (*αμεινες*), вероятно, равны Ахиллу по положению. В противном случае брак с дочерью одного из них мог бы унижить героя. — Meyer Ed. *Geschichte des Altertums*, Bd. II, S. 333; Finsler H. *Homer*, I, S. 102; Jeanmaire H. *Couroi et Couretes*, p. 111. Намек на сходную форму территориально-этнического сообщества полисов, возможно, заключен также в II. XI, 711 сл. (рассказ Нестора о войне пилосцев с элейцами) и в Od. IX, 40 слл. (киконский эпизод). Лишь в единичных случаях власть «владыки города» выходит за рамки его собственного полиса, простираясь также на соседние города. Так, в Od. XV, 412 (об отце Евмея, царе острова Сира).

³⁷ В трех случаях из семи конструкция этого типа относится к другим троянским городам, помимо Трои. Так, Фивы Киликийские — священный «город Этиона» (II. I, 366); Лирнесс — «город Минеса» (II. XIX, 296); Скирос — «город Энизя» (II. IX, 668); см. также II. II, 677, 730; XIV, 230; Od. III, 4; ср. X, 81. Показательно, что такие города «Одиссея», как Итака и Схерия, ни разу не названы по имени своего царя.

³⁸ Ср. парафразу того же имени в II. VI, 478.

³⁹ Ср. II. XIII, 460. — Приам, вероятно, подозревая Энея в покушении на его власть, не «оказывает ему подобающей чести».

⁴⁰ Однако подобающий в таких случаях темн новому царю должны вручить другие троянцы (ibid. 184 сл.; ср. IX, 574 слл.; XII, 313 сл.; VI, 194).

⁴¹ Мы сознательно используем здесь этот пока еще мало употребительный термин, чтобы показать, что, несмотря на известное внешнее сходство с монархией, власть Приама представляет собой явление принципиально иного порядка. Монократия — понятие более широкое, нежели монархия в обычном значении этого слова. В отличие от последней она охватывает и такие формы личной власти, которые могут существовать в бесклассовом обществе, например власть родовых и племенных вождей; см.: La Monarchie. Vol. I. Bruxelles, 1970.

⁴² В древнейшем варианте предания Приам и его семья, возможно, составляли все население Трои. На это указывает то обстоятельство, что в «Троянском каталоге» Эней и Антенор отнесены к особому, отличному от троянцев народу дарданцев (II. II, 819).

⁴³ Ср.: Deger. Op. cit., S. 121 f.

⁴⁴ Finley M. I. *The world of Odysseus*. Harmondsworth, 1962, p. III sq.

⁴⁵ Germain G. *Essai sur les origines de certains themes Odysseens et sur la genese de l'Odyssee*. P., 1954, p. 1 sq. — Этот же мотив в еще более акцентированной форме повторяется в финальной сцене «Одиссея» (XXIV, 522 слл.), где старец Лаэрт, внезапно обретший с помощью Афины юношескую бодрость и силу, убивает своего главного врага, Евпейта, и тем доказывает, что его род, действительно, «самый царственный» на Итаке.

⁴⁶ Так, Стэнфорд переводит βασιλεύς в 386 стрк. «king»; βασιληες в 394 стрк. «prince, person of royal rank» (*The Odyssey of Homer*. Ed., by W. B. Stanford. Vol. I. L., 1965, ad. loc); см. также: Fanta A. Op. cit., S. 19 f; Glotz G. *La Cite Grecque*. P., 1928, p. 47; Deger S. Op. cit., S. 59; Петрушевский Д. М. *Общество и государство у Гомера*. М., 1913, с. 16 сл.; ср.: Gschnitzer Fr. *Βασιλεύς*. Festschrift L. C. Franz. Innsbruck, 1965, S. 102, Anm. 18.

⁴⁷ Об этой особенности гомеровской поэтической техники, выражающейся в принципе «one thing at a time», см.: Bowra C. M. *Homer*. L., 1972, p. 33 sq. Perry B. E. *The early Greek capacity for seeing things separately*. — TAPA, 68, 1937.

⁴⁸ Правда, в Od. XXII, 50 слл. Евримах «открывает глаза» Одиссею, сообщая, что Антиной (в этот момент уже убитый) не только покушался на брак с Пенелопой, но и хотел сам царствовать на Итаке, убив предварительно Телемаха. Но здесь мы, по-видимому, имеем дело с одним из реликтов древней (микенской) концепции единоличной царской власти.

⁴⁹ Ср. разбор этого места: Андреев Ю. В. Мужские союзы в поэмах Гомера. — ВДИ, 1964, № 4, с. 46. — Поэт, таким образом, сам себе противоречит, ибо здесь оказывается, что место Одиссея, которое в I песни было признано вакантным, уже занято его сыном.

⁵⁰ Заключительная сцена поэмы (обмен клятвами между Одиссеем и итакийцами — Od. XXIV, 546) может быть истолкована в двойном смысле: как примирение убийцы с родственниками убитых и как возобновление «полномочий» свергнутого царя. Это не означает, однако, что Одиссей впредь будет единственным царем Итаки.

⁵¹ Deger S. Op. cit., S. 166 f.

⁵² Finsler G. *Das homerische Königtum*. — Neue Jahrb. KL Alt. XIX 1907, S. 320; ср.: Deger S. Op. cit., S. 165 f.

⁵³ Busolt G. *Griechische Staatskunde*, I. München, 1920, S. 346 f.; Glotz G. Op. cit., p. 71 sq.; Nilsson M. P. *Homer and Mycenae*, p. 240 sq.; Ehrenberg V. *Der Staat der Griechen*. Zürich — Stuttgart, 1965, S. 58. Со справедливой критикой этой теории выступает Стапп (Starr Ch. G. *The decline of the early Greek kings*. — «Historia», X, 2, 1961, p. 130 sq.); ср. Gschnitzer Fr. *Βασιλεύς* ... — Festschrift L. C. Franz. Innsbruck, 1965, S. 108 f.

⁵⁴ Как замечает Уэбстер (Webster T. B. L. Op. cit., p. 143 sq.), «даже в Афинах, городе, наименее затронутом дорийским вторжением, божественный царь (т. е. микенский ванакт) ненадолго пережил микенское время». Эмигранты, отправлявшиеся через Афины на Восток в малоазиатские колонии, «взяли с собой за море уже новый вид царской власти»: С этим согласуется и мнение Хайнетта (Hignell C. A. *History of the Athenian Constitution*. Oxford, 1962, p. 35) о том, что единое микенское государство, охватывавшее всю Аттику, неизбежно должно было распасться в период миграций, вследствие чего «работу по объединению страны пришлось повторить снова в VIII в.». ср.: Meyer Ed. *Geschichte des Altertums*, II, S. 340; Sarkady J. *Attika im 12 bis 10 Jh.* — Acta Classica Universitatis Scientiarum Debrecen., II, 1966, S. 12 f.

⁵⁵ Busolt G. *Griechische Staatskunde*, I, S. 129; Gschnitzer Fr. *Stammes und Ortsgemeinden im alten Griechenland*. — Wiener Studien, 68, 1955 S. 137 f.

⁵⁶ Kuhn E. *Die Entstehung der Städte der Alten*. Lpz., 1878, S. 197 f.; Swoboda H. *Κόμη*. — R. E. Suppl. IV. Stuttgart, 1924, S. 951. — Как было уже замечено (с. 16), «дорийское завоевание» носило характер медленного просачивания небольших групп пришельцев на территорию уже распавшихся к тому времени микенских государств. Археологический материал не содержит в себе никаких указаний на организованные вторжения крупных варварских орд после катастрофы конца XIII в. Данные местной традиции позволяют утверждать, что образование большинства дорийских городов Пелопоннеса, Крита и других островов южной Эгеиды шло путем постепенного отпочковывания новых общин от уже существующих. Так, метрополией почти всех дорийских полисов Северного Пелопоннеса был Аргос. В Лаконии ту же роль сыграла Спарта (основной материал источников собран у Бузольты. — *Griechische Geschichte*. Bd. 1. Gotha, 1889, S. 203 f.). Как и в эпоху Великой колонизации, связи между колониями и метрополиями в этот период ограничивались, по всей видимости, преимущественно сферой культа. Таким образом, расселение дорийцев не могло привести сразу же к образованию «племенных государств». В противном случае, нам трудно было бы объяснить ту длительную и упорную борьбу, которую впоследствии пришлось вести Спарте за власть над Лаконией, а Аргосу соответственно за господство над Арголидой.

⁵⁷ Папазоглу Ф. К вопросу о преемственности общественного строя в Микенской и Гомеровской Греции. — ВДИ, 1961, № 1, с. 40; ср.: Starr Ch. G. *The origins of Greek civilization*, p. 125 sq.; Gschnitzer Fr. *Βασιλεύς* S. 107.

⁵⁸ Начало объединительного движения в отдельных районах греческого мира (Аттика, Арголида, Лакония), наметившееся, очевидно, уже в VIII в.

до н. э., не меняет существа общей ситуации, сложившейся в этот период.

⁵⁹ Единственное царское погребение за весь период с XII по VIII в. до н. э. обнаружено недавно вблизи Саламина Кипрского (Karageorghis V. Salamis in Cyprus, Homeric, Hellenistic and Roman. L., 1969), но это исключение скорее подтверждает правило.

⁶⁰ Maddoli G. Damos e basilees. — SMEA, XII, 1970, p. 52; ср.: Deger S. Op. cit., S. 55; Stella L. A. Op. cit., p. 54, N 24.

⁶¹ Webster T. B. L. Op. cit., p. 156; Starr Ch. G. The origins..., p. 126; Thomas Ch. G. The roots of Homeric kingship.—«Historia», XV, 4, 1966, p. 393.

⁶² Едва ли случайно, что весь набор эпитетов, с помощью которых поэт характеризует своих царей: *θείος*, *θεοειχέλος*, *διοτρεφής*, *διογενής*, — *οικλήτου* *χός* и пр. комбинируется в эпосе только со словом *Βασιλεύς* и никогда с *αναξ*; см.: Wackernagel J. Sprachliche Untersuchungen zu Homer. — «Glotta», VII, 1916, S. 209 f; Pritzwald-Stegmann. Zur Geschichte der Herrscherbezeichnung von Homer bis Plato. Jena, 's. a., S. 34 f.

⁶³ Starr Ch. G. The decline... — «Historia», X, 2, 1961, p. 125: «Чтобы понять его (басилея) природу, нам следовало бы избегать используемого обычно эквивалента «царь», так как это неизбежно вызывает у современного читателя мысль о положении, связанном с большим могуществом и обширными владениями»; ср.: Oliva P. Πατρική βασιλεία. — *Ἑλλάς*. Studies presented to G. Thomson. Prague, 1963, p. 174 sq.

⁶⁴ Glotz G. Op. cit., p. 21 sq.; ср.: Busolt G. Griechische Staatskunde, I, S. 154 f; Gschnitzer Fr. Stammes- und Ortsgemeinde... — Wiener Studien, 68, 1955, S. 135 f.

⁶⁵ Сходную мысль высказывал уже Уибли (Whibley L. M. A. Greek oligarchies. Their character and Organisation. L., 1896, p. 69). — В дальнейшем она была развита, но при этом слишком утрирована Г. Глоцем (op. cit., p. 46), в понимании которого гомеровское общество образует некое подобие феодальной иерархии со своим сюзереном (царем города) и вассалами (царями фил и фратрий). Ближе к правильному пониманию реального положения, вещей в раннегреческом полисе стоят, как нам кажется: Calhoun G. M. Classes and masses in Homer. — CPh., XXIX, 3, 1934, p. 312 sq.; Gschnitzer Fr. Βασιλεύς... — Festschrift L. C. Franz. Innsbruck, 1965, S. 102; Starr Ch. G. The decline... — «Historia», X, 2, 1961, p. 131. — Все они исходят из той верной посылки, что расширенное употребление термина *Βασιλεύς* для обозначения не одного царя, а целой группы властителей было изначальным. Из этого большого числа басилеев с течением времени выделяются один, иногда два или несколько высших магистратов полиса, отмеченных особыми титулами архонта, архгета, притана и т. д. В то же время нам кажется совершенно неприемлемой гипотеза Маддоли (Maddoli G. Damos... — SMEA, XII, 1970, p. 52; см. также: Webster T. B. L. Op. cit., p. 108), согласно которой политическая ситуация на Итаке и в городе феаков почти буквально воспроизводит систему управления, существовавшую в Пилосе и других микенских государствах (центральная власть, представленная ванактом, и местные власти в лице басилеев). В эпосе мы не находим никаких указаний на подобное разделение властей. К тому же политическая и социальная дистанция, отделяющая Алкиноя от других феакских басилеев, несравнима с тем расстоянием, которое отделяло микенского ванакта от подчиненных ему местных «царьков».

⁶⁶ Busolt G. Griechische Staatskunde, I, S. 351; Glotz G. Op. cit., p. 72 sq.

⁶⁷ Fanta A. Op. cit., S. 23; Finsler G. Das homerische Königtum. — Neue Jahrb. Kl. Alt., XIX, 1907, S. 320 f; Nilsson M. P. Op. cit., p. 241; Deger S. Op. cit., S. 151.

⁶⁸ Meyer Ed. Op. cit., II, S. 343; Busolt G. Griechische Staatskunde, I, S. 346 f; Ehrenberg V. Op. cit., S. 79.

⁶⁹ Wilamowitz-Moellendorf U. Aristoteles und Athen. Bd. II.

B., 1893, S. 131 f; Finsler G. Das homerische Königtum.—Neue Jahrb. Kl. Alt.; XIX, 1907, S. 395 f.

⁷⁰ Finsler G. Das homerische Königtum, S. 393 f; ср.: Huxley G. L. The early Ionians. L., 1966, p. 48 sq.

⁷¹ О «династии» см.: Whibley L. M. A. Op. cit., p. 24, 124. — В гомеровский период еще не наблюдается типичная для развитого аристократического полиса дифференциация магистратур в составе правящей коллегии. Круг обычных полномочий гомеровского басилея ограничивался, по всей видимости, судебными и ритуальными функциями. Лишь в экстренных случаях один или несколько басилеев могли оказаться избранными на должность военачальника, иногда даже вопреки своей воле (Od. XIV, 237 слл.). Конечно, в таком избрании не было необходимости, когда царь отправлялся в пиратский набег во главе набранной им самим дружины; ср. Finsler G. Das homerische Königtum. — Neue Jahrb. Kl. Alt. XIX, 1907, S. 328; Busolt G. Griechische Staatskunde, I, S. 326.

⁷² Как тот, так и другой по своему положению могут быть приравнены к председателю правящей коллегии должностных лиц вроде архонта-эпонима в Афинах (Finsler G. Das homerische Königtum. — Neue Jahrb. Kl. Alt. XXI, 1908, S. 320 f.), хотя, на наш взгляд, такая формализация «живого» материала эпического рассказа вовсе не обязательна.

⁷³ Finley M. The world of Odysseus, p. 97. Теоретически темен и другие привилегии, которыми пользовались цари, считались пожалованием народа (см. IL VI, 193 слл.; IX, 578; XII, 313 сл.; Od. VII, 150). Вручение басилею его «почести» имело, по-видимому, форму договора, заключаемого между ним и народом. Так можно понять заключительную сцену «Одиссеи» (XXIV, 546 сл. свидетельство Гомера здесь подтверждает известное высказывание Фукидида—1, 13—0 *ῥητά γέγρατα* древних царей). Однако обращение к народу в таких случаях носило скорее формальный характер, так как само народное собрание было лишь аренной, на которой развертывалась борьба соперничающих аристократических кланов (с. 105 сл.).

⁷⁴ Starr Ch. G. The decline... — «Historia», X, 2, 1961, p. 130 sq.

⁷⁵ Впрочем, нельзя исключить того, что уже и в VIII в., т. е. в конце гомеровского периода, в отдельных местах предпринимались попытки легализовать существовавшую там «предтиранию» и превратить ее тем самым в настоящую монархию. В этом плане исключительный интерес представляет фигура знаменитого Фидона Аргосского, которого одни авторы называют царем, другие тираном (см. Hdt. IV, 127; Strabo VIII, 358). К сожалению, материал источников о жизни и деятельности этой любопытной личности слишком ограничен и не дает возможности даже точно датировать время его правления; см. о нем: Lenschau Th. Pheidon. R. E. Bd. XIX. Stuttgart. 1938, S. 1939 ff; Andrewes A. Ephoios Book 1 and the kings of Argos. — CQ, 45, 1951.

Глава IV

¹ Тронский И. М. Проблемы гомеровского эпоса. — В кн.: Гомер. Илиада. М.—Л., 1935, с. XLII.

² На классовый тенденциозный характер гомеровской поэзии справедливо указывают: Finley M. I. The world of Odysseus. Harmondsworth, 1956, p. 130; Вовга С. М. Homer. L., 1972, p. 166 sq.; Тронский И. М. Проблемы... — В кн.: Гомер. Илиада. М.—Л., 1935, с. XLII, и многие другие авторы. Роль аристократии и наличие проаристократической тенденции в эпосе пытаются оспаривать: Calhoun G. M. Classes and masses in Homer. — CPh., XXIX, 3, 1934, p. 196 sq.; Starr Ch. G. The decline of the early Greek kings. — «Historia», X, 2, 1961, p. 133; Straßburger H. Der soziologische Aspekt der homerischen Epen. — «Gymnasium», 60, 1953. — Последняя работа известна нам только по ссылкам; ср.: Лосев А. Ф. Гомер. М., 1960, с. 108 слл. — Признание аристократизма гомеровской поэзии еще не означает, что ее создатель был, как нередко думают, «придворным поэтом». Это

определение кажется нам столь же мало оправданным, как и обычное в современной литературе сближение гомеровских басилеев с феодальными магнатами. Против этого воззрения на Гомера справедливо возражает: Kirk G. S. The songs of Homer. Cambridge, 1962, p. 274 sq.; ср.: Катаров Е. Г. Общественный строй греков гомеровской эпохи. — СЭ, 1937, № 4, с. 50³ сл.

Гомеровские эпитеты типа *αγαθός, ἀρίστος, ἐσθλός* и пр., конечно, нельзя приравнивать к социальным терминам в обычном значении слова, поскольку они используются обычно для характеристики идеальных героев, среди добродетелей которых на первом плане стоит военная доблесть. Мы не можем, однако, согласиться с Кэльюауном (*Classes and masses...* — СРh., XXIX, 3, 1934, p. 195 sq.), считающим, что все эти эпитеты вообще лишены какой бы то ни было социальной окраски. Это, конечно, неверно, ибо в представлении поэта и воинская доблесть и другие, связанные с ней качества являются привилегией лишь одного общественного класса, а именно аристократии; ср.: Hoffmann M. Die ethische Terminologie bei Homer, Hesiod und den alten Elegikern und Jambographern. Tübingen, 1914, S. 73; Lexicon des. frühgriechischen Epos. Ed. B. Snell. Lf. 1. Göttingen, 1955, S. v. *αγαθός*.

⁴ Ср.: Kirk G. S. War and the warrior in the Homeric poems. — In: Problemes de la guerre en Grece ancienne. Ed. E. P. Vernant. P., 1968, p. 112.

⁵ Bowra C. M. Op. cit., p. 166.

О социальном содержании гомеровских сравнений см.: Severyns A. Homere. Vol. III. L'Artiste. Bruxelles, 1948, p. 161 sq.

⁷ Ср.: Straßburger H. Homer und die Geschichtsschreibung. Heidelberg, 1972, S. 35.

⁸ Тронский И. М. Проблемы... — В кн.: Гомер. Илиада. М.—Л., 1935, с. XLII.

Троянцы, не имеющие прямого отношения к этим центральным персонажам, упоминаются лишь эпизодически. Примерами могут служить жрецы: Дарес, Долопион, Онетор и их дети (II. V, 9, сл.; 77 сл.; XVI, 604 сл.). Все они, вероятно, также относятся к троянской знати, хотя, возможно, несколько более низкого ранга, чем Приам и окружающие его старцы. Исключение составляет, пожалуй, только один Долон, которого сближает с Терситом его уродство (II. X, 314 сл.).

¹⁰ Переводы типа «one of vulgar» (The Iliad. Ed. by W. Leaf. Vol. I. L., 1900, ad. loc.) или «being a commoner» (Liddell H. G. ...and Scott R. A. Greek-English lexicon. Oxford, 1925), как нам представляется, не передают смысл этого словосочетания. Ближе к истине стоит Н. И. Гнедич (Илиада. Пер. Н. И. Гнедича. М.—Л., 1935), который переводит слова Полидаманта «быв гражданин».

¹¹ Прямо противоположного мнения придерживается Жанмэр, полагая, что именно первое из этих двух значений термина *δήμος* безраздельно доминирует в эпосе. Демос в его понимании это — бесправная масса трудового населения, над которой господствует замкнутая военно-аристократическая каста — *λαός* (Jeanmaire H. Courois et Courets. Lille, 1939, p. 44 sq.). В действительности, оба эти понятия нигде в эпосе не противопоставляются друг другу. Напротив, термины *δήμος* и *λαός* (*λαοί*) нередко, употребляясь попеременно, обозначают одних и тех же людей. Так, например, в сцене народного собрания во II песни «Одиссеи».

¹² Ср.: Calhoun G. M. Classes and masses. — СРh., XXIX, 3, 1934, p. 308.

¹³ Термин *ήρωες* в его гомеровском варианте довольно близок по своему значению к *αγαθός* и так же, как и это слово, может обозначать человека, не только наделенного большой воинской доблестью, но и занимающего высокое общественное положение благодаря своей знатности и богатству; см., напр., Od. IV, 267; VIII, 241 сл.; XIV, 97. — В некоторых случаях, однако, этот эпитет прилагается к личностям отнюдь не героического склада, очевидно, в силу поэтической инерции. Так, в Od. VIII, 483; XVIII, 432; ср.: Fant A. Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck, 1882, S. 18 f.

¹⁴ О гомеровской семье см.: Glotz G. La Solidarite de la famille dans le droit criminel en Grece. P., 1904, p. 31 sq.; Seymour Th. D. Life in the Homeric age. N. Y., 1907, p. 117; Finley M. I. Op. cit., p. 66 sq.; Том-Оон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958, с. 41⁵ сл.

¹⁵ Кагаров Е. Г. Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев, ч. 1. М.—Л., 1937, с. 17 сл.

¹⁶ Семьи, которые насчитывали бы свыше одного поколения взрослых потомков одного *pater familias*, в эпосе не встречаются. Даже у Приама нет ни одного взрослого внука, а только сыновья и зятья. Возможно, это объясняется тем, что общим правилом в гомеровский период был раздел семейного имущества между сыновьями сразу после смерти отца (Od. XFV, 208 сл.). Таким образом, настоящая большая семья типа южнославянской *задруги* Гомеру не была известна.

Кроме уже упоминавшейся книги Ленцмана из новейшей литературы по гомеровскому рабству можно указать следующие работы: Micknat G. Studien zur Kriegsgefangenschaft und zur. Sklaverei in der griechischen Geschichte. Teil 1: Homer. Wiesbaden, 1954; Beringer W. Der Standort des *οἰκεύς* in der Gesellschaft des homerischen Epos. — «Historia», XIII, 1, 1964, S. 19 ff.; Gschnitzer Fr. Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei. I. Mainz, 1964.

¹⁸ Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934, с. 128 слл.

¹⁹ Довольно трудно определить точное значение этого термина в его гомеровском употреблении. Перевод «свойственники», «родственники по браку» представляется нам наиболее подходящим. На него указывает глосса в словаре Гезихия: *ετας τοὺς χατ' ἐπιγαμίαν οἰκεῖους*. Но особенно веский аргумент в пользу такого толкования дает сопоставление гомеровской формулы *χασιγνήτρ* τε *εταί* с текстом закона Драконта о непредумышленном убийстве (Sylloge, 111). В строках 22 сл. этой надписи (восстановлены на основании Dem. C. Macart. 1069 sq.) определяется круг лиц, принимающих участие в судебном преследовании совершившего убийство. Первыми названы двоюродные братья убитого и их дети (*ἀνεψιοὺς χαί ἀνεψιῶν παῖδας*), за ними следуют зятья и тести (*γαμβροὺς χαί πενθεροὺς*) и на третьем месте поставлены фратеры. Если оставить в стороне последнюю из этих трех категорий «мстителей» (у Гомера члены фратрии не принимают никакого участия в делах, связанных с кровной мстостью), то смысл словосочетания *χασιγνήτρ* τε *εταί* становится совершенно ясным. *Κασιγνήτρ* — это все родственники убитого, вплоть до двоюродных братьев и их детей (в эпосе этот термин, действительно, охватывает кузенов первой степени — II. XV, 545), *εταί* — это родственники его жены, а, возможно, также и жен его братьев и сыновей и мужья сестер и дочерей. «Бесцветным синонимом» *πῆός* («свояк») считает терм. *ετης* также Латте (Latte K. Beiträge zum griechischen Strafrecht, L — «Hermes», 66, 1931, S. 34); ср.: Glotz G. Op. cit., p. 86 sq.; Miller M. Greek kinship terminology. — JHS, 73, 1953, p. 47; Andrewes A. Phratry in Homer. — «Hermes», LXXXIX, 2, 1961, p. 135.

²⁰ Показательно, что такие термины, как *γένος, γενεά, πάτρα* и т. п., никогда не встречаются в контексте, связанном с кровной мстостью и подобными конфликтными ситуациями. Их обычное значение у Гомера — «происхождение» или иногда «потомство», но не род как гентильный коллектив. Кэльюаун (Calhoun G. M. Classes and masses. — СРh., XXIX, 3, 1934, p. 197) обращает внимание на отсутствие в эпическом лексиконе целого ряда терминов, связанных с ростом аристократических родов, например, *εὐγενής, γενναίος, γεννήτης, εὐπατρίδης* и др. Очевидно, в гомеровский период гентильные объединения типа коринфских Бакхиадов или афинских Алкмеонидов и Этеобутадов еще только начали выделяться из первичного «демократического» рода и не успели прочно укорениться в окружающей поэта социальной среде. Тем не менее тенденция к генеалогическому самоопределению и обособлению знати достаточно ясно выражена во многих местах как «Илиады», так и «Одиссеи» (II. XIV, 126 сл.; 427 слл.; Od. IV, 62 сл.); см.: Webster T. B. L. From Mycenae to Homer. L., 1959, p. 156 sq.; ср.: Calhoun

G. M. *Classes and masses*. — CPh., XXIX, 3, 1934, p. 204, 304; Chadwick H. M. *The heroic age*. Cambridge, 1912, p. 354 sq.

²¹ Ср.: Glotz G. Op. cit., p. 11 sq.

В связи с этим можно заметить, что уже в древнейших памятниках греческого уголовного права род практически не учитывается. Так, в уже упоминавшемся законе Драконта о непредумышленном убийстве генокты не включены в круг лиц, на которых лежит обязанность вменения иска и преследования убийцы. От ближайших родственников и собственников убитого автор закона непосредственно переходит к фратерам. — Meyer Ed. *Geschichte des Altertums*. Bd. II. Stuttgart, 1893, S. 86, 308; Busolt G. *Griechische Staatskunde*. Hält I. München, 1920, S. 250; Hignett C. *A history of the Athenian Constitution to the end of the fifth Century B. C.* Oxford, 1962, p. 61 sq.; ср.: Томсон Дж. Указ. соч., с. 129 сл.

Морган Л. Г. Указ. соч., с. 133; Ковалевский И. М. *Первобытное право*, вып. 1. М., 1886, с. 55.

²⁴ Ср.: Andrewes A. *Phratries in Homer*. — «Hermes», 89, 1961, p. 130 sq.

²⁵ Busolt G. Op. cit., I, S. 133 f.; Guarducci M. *L'istituzione della fratria nella Grecia antica e nella colonie d'Italia*. *Memorie della Accademia nazionale dei Lincei*. 6 ser., VI, 1, 1937, VIII, 2, 1938.

²⁶ Busolt G. Op. cit., I, S. 139 f.; Szanto E. *Die griechische Phylen*. *Ausgewählte Abhandlungen*. Tübingen, 1906, S. 216 f.

²⁷ Ср.: Морган Л. Г. Указ. соч., с. 133; Колобова К. М. К вопросу о структуре греческого рода в период образования афинского государства. — ПИДО, 1935, № 7—8, с. 103.

²⁸ Hasebroeck J. *Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit*. Tübingen, 1931, S. 54, 91.

29 Фратрия была хорошо известна Гомеру и его слушателям не только как тактическая единица, но и как весьма важный социальный институт, одна из основных ячеек в структуре полиса. На это указывает другое высказывание того же Нестора (II. IX, 63 сл.), где он называет человека, возбуждающего междоусобную распрю, ἀφρίτωρ, ἀθέμιτος. ἀνέσιος, что можно понять, как общее определение лица, поставленного вне закона. Фратрия стоит здесь в одном ряду с двумя «краугольными камнями» эпического миропорядка: священным очагом — символом самодовлеющего домохозяйства и божественным законом, от которого зависят мир и гармония внутри общины.

30 В действительности дружины и фратрии, по-видимому, существовали в одной хронологической плоскости как два разных типа военной организации. Дружина, набравшаяся «частным образом» преимущественно из молодых и горячих воинов (χοῖροι — обычное ее обозначение у Гомера наряду с εταῖροι), использовалась главным образом для грабительских набегов в земли соседей и для далеких заморских экспедиций. Набор войска по фратриям и филам, распространявшийся на всех взрослых мужчин, способных держать в руках оружие, производился только в тех случаях, когда враг приближался к границам полиса. Аналогичная система военных союзов существовала, например, у древних германцев; см.: Tacit. Germ. VII, XIII—XIV.

³¹ По мнению Ф. Якоби (Jacoby F. *Die Einschaltung des Schiffskatalog in die Ilias*. B., 1932, S. 595 f.), совет Нестора предваряет следующий далее в той же песни «Каталог кораблей», и, таким образом, фратрии и филы в этом месте должны соответствовать ἔθνεα, упомянутым в II. II, 464; ср.: Jachmann G. *Der homerische Schiffskatalog und die Ilias*. Köln, 1958, S. 205 f.

³² Цит. по: Andrewes A. *Phratries in Homer*. — «Hermes», 89, 1961, p. 137, N 2.

³³ Ср.: Finley M. I. *The world of Odysseus*, p. 122; Andrewes A. *Phratries*. — «Hermes», 89, 1961, p. 137.

³⁴ Так, напр., в Od. VIII, 585 сл. — В связи с этим следует обратить внимание на этимологическую и смысловую близость терминов ἔτης и εταῖρος — Solmsen F. *Untersuchungen zur griechischen Laut und Verslehre*. Straß-

bürg, 1901, S. 203 f.; Chantraine P. *Grammaire Homérique*. P., 1942, p. 150, 157, 184; ср.: Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1954, ἔτης.

³⁵ См. о них: Glotz G. Op. cit., p. 135 sq.

³⁶ Об этом guest-friendship см.: Finley M. I. Op. cit., p. 115 sq.

³⁷ См. о них: Finsler G. 1) *Das homerische Königtum*. — *Neue Jahrb. Kl. Alt.*, XIX, 1907, S. 314 f.; 2) *Homer*. Bd. 1. Lpz. — B., 1914, S. 191 f.; Jeanmaire H. *Couroi et Couretes*. Lille, 1939, p. 85 sq.; Андреев Ю. В. Мужские союзы в поэмах Гомера. — ВДИ, 1964, № 4.

³⁸ Finsler G. *Das homerische Königtum*. — *Neue Jahrb. Kl. Alt.*, XIX, 1907, S. 316 f.

³⁹ Гетерия в данном случае совпадает с правящей коллегией ахейских басилеев или старцев. Поэтому их обеды, которые являются в то же время и заседаниями совета (βουλή), могут устраиваться и за счет общины, на народные средства (δήμια — II. XVII, 248 слл.; ср. IV, 343 сл.; VIII, 161 слл.). Аналогичный характер носят, по-видимому, обеды феакийских царей и итакийских судей в «Одиссее»; ср.: Fanta A. *Der Staat in der Ilias und Odyssee*. Innsbruck, 1882, S. 72 f.; Jeanmaire H. Op. cit., p. 85 sq.; Nilsson M. P. *Homer and Mycenae*. L., 1933, p. 230 sq.

⁴⁰ Ср.: Nilsson M. P. Op. cit., p. 229 sq.

Сторонники феодальной концепции гомеровского общества придаю этому тождеству понятий особое значение, усматривая в нем типичное для развитого феодализма соединение эгалитарного принципа с иерархическим. — * Nilsson M. P. Op. cit., p. 232.

⁴² Finley M. I. Op. cit., p. 66.

⁴³ Такую награду может получить не только принятый в дом чужеземец, но и раб, доказавший свою преданность господину. — Od. XXI, 215 сл.

⁴⁴ Ср. гл. III, с. 55 сл.

⁴⁵ Jeanmaire H. Op. cit., p. 98 sq.

⁴⁶ Ср.: Stgakis G. *Therapontes and Hetairoi in the Iliad*. — «Historia», XV, 4, 1966, p. 410 sq.

⁴⁷ Так, в II. XVI, 269 Патрокл, обращаясь к мирмидонцам, называет их «слугами Ахилла».

⁴⁸ Согласно «Каталогу кораблей» Коринф и Сикион входили в состав владений Агамемнона (II. II, 570, 572). Эхепол и Евхенор, следовательно, принадлежат к тем бесчисленным подданным (λαοί), на которых непосредственно простирается власть Агамемнона. Однако этот вид зависимости, судя по всему, не вполне ясен для самого Гомера, и он его переосмысливает на свой лад. Упоминание штрафа (θωή), который налагается на человека, уклонившегося от военной службы, не царем, а народом (ахейцами), переносит нас (в эпизоде с Евхенором) в атмосферу обычного гомеровского полиса с его «демократическими» институтами (ср. ссылку на δήμου φῆμις — Od. XIV, 239). Также и дар Эхепола можно понять не как «отступное», выплаченное «вассалом» своему повелителю за нарушение обета верности, а как обычную взятку военачальнику; ср.: Nilsson M. P. Op. cit., p. 229; Jeanmaire H. Op. cit., p. 61 sq.

⁴⁹ Ср.: Nilsson M. P. Op. cit., p. 229 sq.; Jeanmaire H. Op. cit., p. 97 sq.; Deger S. *Herrschaftsformen bei Homer*. Wien, 1970, S. 92, Anm. 406.

⁵⁰ Finsler G. 1) *Homer*, Bd. I, S. 191; 2) *Das homerische Königtum*. — * *Neue Jahrb. Kl. Alt.*, XIX, 1907, S. 315.

⁵¹ Finsler G. *Das homerische Königtum*. — *Neue Jahrb. Kl. Alt.*, XIX, 1907, S. 314.

⁵² Одиссей назван «старцем» уже в «Илиаде» (XXIII, 790 сл.).

⁵³ Также и на народном собрании Телемах садится на отцовское место среди старцев (Od. II, 14).

⁵⁴ Другие толкования этого места см.: Fanta A. Op. cit., S. 73 f.; Finsler G. *Das homerische Königtum*. — *Neue Jahrb. Kl. Alt.*, XIX, 1907, S. 314. Глагол ἀλέγυ'ω показывает, что участники обеда не только вкушают его, но и сами готовят (ср.: Od. IV, 621 слл.; XVII, 175 сл.).

- ⁵⁵ Андреев Ю. В. Мужские союзы. — ВДИ, 1964, 4 с 44 слл
⁵⁶ Ср.: Od. XVIII, 291; XIX, 135.
⁵⁷ Levy H. L. Odyssean suitors and the host-guest relationship, — TAPA, 94, 1963, p. 147.
⁵⁸ Молниеносное проедание запасов «гостеприимна» и столь же быстрое их восстановление — явление, весьма характерное для общества с неокрепшей еще частной собственностью. Типичный пример дает так называемый «потлач» у индейцев западного побережья Северной Америки. Viljoen St. The economics of primitive peoples. L., 1936, p. 250 sq.; Аверкиева Ю. У. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961, с. 34 сл.; 115 слл.; 179 слл.; 225 слл.
⁵⁹ Schürtz H. Altersklassen und Männerbünde. B., 1902, S 319 f. Merker M. Die Masai. B., 1904, S. 60 f.; Krige E. J. Social System of the Zulus. N. Y.—L., 1936, p. 36 sq.; Furer-Haimendorf Chr. Das Jungesellehaus im westlichen Hinterindien. — Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. I, 1930.
⁶⁰ См., напр., Wilson M. Good Company. L.—N. Y., 1951, p. 20 sq. — об обычаях племени ньякиуса (Вост. Африка).
⁶¹ Frobenius L. Die Masken und Geheimbünde Afrikas. Halle, 1898, S. 44 f.; Westermann D. Die Kpelle. Göttingen-Leipzig, 1921, S. 246.
⁶² Ср. колядование в русских и украинских деревнях. — Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. М., 1957, с. 126 слл.; Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963, с. 46). Мотив угрозы и вымогательства отчетливо звучит в единственной дошедшей до нас древнегреческой «колядке» — родосской «Песне Ласточки» (Bergk Anthologia Lyrica. CP44).
⁶³ На другие «инициационные» мотивы в «Одиссее» указывают: Лурье С. Я. Дом в лесу. — «Язык и литература», VIII, 1932, с. 177; Пропп В. Я. Мужской дом в русской сказке. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1939, № 20. Сер. филол. наук, с. 194 сл.; Germain G. Essai sur les origines de certaines themes Odysseens et sur la genese de l'Odyssee. P., 1954, p. 1 sq.
⁶⁴ Религиозная практика тайных союзов имеет, как правило, ясно выраженную тотемистическую окраску. Их члены одеваются в звериные шкуры, носят звериные имена, воспроизводят в своих плясках повадки диких животных и вообще считаются «оборотнями». Отголоском первобытного оборотничества можно считать сцену безумия женихов (Od. XX, 345 сл.). Афина возбуждает в них неудержимый смех и приводит в смятение их рассудок. Их лица искажаются и в довершение всего они начинают есть кровавое мясо. Напомним, что в варварской Европе сырьество широко практиковалось среди членов разного рода тайных обществ, например среди скандинавских берсеркеров. — Weiser L. Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbünde. Baden, 1927, S. 45 f.; ср.: Jeanmaire H. Op. cit., p. 550 sq.
⁶⁵ Whitman C. H. Homer and the heroic tradition. Cambridge, 1953 p. 306.
⁶⁶ Лишь один раз глагол *θεράττω* появляется в «Одиссее» в более «героическом» контексте (XIII, 265 слл.): Одиссей, выдающий себя за критянина, вспоминает, как он отказался «служить» Идоменею во время троянского похода (*δύχ... χαρίζομενος θεράττεον δῆμον ἐνὶ Τρώων, ἀλλ' ἄλλων πρῶτον ἐταίρῳ*) и из-за этого едва не лишился своей добычи.
⁶⁷ Fanta A., Op. cit., S. 66 f.; Finsler G. Homer, Bd. I, S. 189.
⁶⁸ См., напр.: Bowra C. M. Homer. L., 1972, p. 118 sq., 171.
⁶⁹ Одним из таких *δραστήρες* как человек опытный в приготовлении обеда и прислуживании за столом, рекомендуется Одиссей (Od. XV, 321 слл.), замечая, что именно такую работу «худшие» обычно делают для «добрых» (*οἷα τε τοὺς ἀγαθῶτα παροδρόοι χέρηες*). В действительности слуги, по-видимому, не только разливали вино и резали мясо, но и использовались для различных хозяйственных надобностей наравне с рабами и батраками (фетатами). Само слово *θεράπων* в языке «Одиссеи», возможно, является лишь

- эвфемизмом, заменяющим более грубое и привычное *θήρς*; ср.: Finley M. I. Op. cit., p. 67.
⁷⁰ Webster T. B. L. From Mycenae to Homer, p. 11 sq.; 98 sq.
⁷¹ Некоторые из них и сами могли быть «царями», хотя, конечно, низшего ранга. Среди героев «Илиады» лишь трое могут быть причислены к этой, по-видимому, давно забытой разновидности «царственных» слуг. Это — Феникс, Мерион и Сфенел. В «Одиссее» титулованного «мажордома» — «господина Этеонея» (IV, 22: *χρῆ(ὼν) Ἐτεωνεύς*) — имеет только один Менелай, который также и во всем прочем превосходит обычных царей, например Одиссея; ср. IV, 72 слл.
⁷² Webster T. B. L. Op. cit., p. 103 sq.; Snodgrass A. Early Greek armour and weapons. Edinburgh, 1964, p. 159 sq.
⁷³ В «Илиаде» (IV, 385 сл.) Тидей приходит из Аргоса в Фивы и находит здесь «многочисленных кадейцев», пирующих в «доме Этеокловой силы». С каждым из них по очереди он вступает в поединок и всех побеждает. Здесь может иметься в виду та форма дружины, которую немецкие историки определяют термином «Hausgefolgschaft» (Kuhn H. Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft. — ZRG, 73, 1956, S. 12). Сам этот эпизод принадлежит, однако, к древнейшим мифологическим пластам эпоса и, конечно, отнюдь не характерен для нравов и обычаев собственно гомеровской эпохи.
⁷⁴ Нельзя не согласиться с Чедвиком (Chadwick H. M. The heroic age. Cambridge, 1912, p. 363), который связывает сравнительно слабое развитие института дружин в гомеровском обществе с уже отмеченным выше фактом плюрализма носителей царской власти.
⁷⁵ Определенную роль в формировании этих категорий, вероятно, играли уже существующие мужские союзы и возрастные классы. Однако абсолютное тождество дружины и возрастного класса (обычное явление во многих примитивных обществах) для общественной жизни гомеровского периода уже не характерно. Совпадение обоих понятий в изображении «гетерии Гектора» (с. 82 сл.) скорее всего следует отнести к разряду поэтических условностей.
⁷⁶ Под «клиентами» мы имеем в виду в данном случае не только домашних слуг предводителя дружины, но и всех вообще зависимых от него людей, среди которых могли быть мелкие арендаторы вроде позднейших афинских гектеморов или обедневшие сородичи и фратеры, добровольно отдавшиеся под покровительство «сильного человека». Неоднородность социального состава была отличительной чертой первичной формы дружины не только в Греции; ср. так называемые «крестьянские дружины» (*bäuerliche Gefolgschaft*) исландских хавдингов (Kuhn H. Die Grenzen. ZRG, 73, 1956, S. 4 f.).
⁷⁷ Kuhn H. Die Grenzen. — ZRG, 73, 1956, S. 4 f.; Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Köln, 1961, S. 347 f.
⁷⁸ Ср.: Deger S. Op. cit., S. 92, Anm. 406. — В виде исключения можно указать на македонский корпус гетеров, генетически, по-видимому, связанный с дружинами гомеровского времени.
⁷⁹ Подобная замена социального целого его частью встречается и в более поздней античной литературе, например в «Германии» Тацита; см.: Нусыхин А. Общественный строй древних германцев. М., 1929, с. 163 слл.

Глава V

- ¹ Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934, с. 143.
² В понимании Моргана аристократический образ правления глубоко чужд политическому сознанию древних греков. Господства знати в его чистом виде ни Афины, ни другие греческие государства никогда не знали. Демократия всегда была магистральной линией их политического развития, начиная с мифических времен и кончая эпохой Перикла (там же, с. 147, 158).

³ С этим непосредственно связан другой важный недостаток исторической схемы Моргана: он явно смягчает катастрофический революционный

характер процесса становления греческого «политического общества», сводят его к серии реформ, следующих друг за другом в спокойном чередовании (там же, с. 148 слл.). Эти дефекты моргановской доктрины в значительной степени удалось преодолеть Ф. Энгельсу в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 108 слл.).

⁴ Потехин И. И. Военная демократия Матабеле. — В кн.: Родовое общество. — Труды ИЭ, н. с., т. XIV, 1951, с. 235; Косвен М. О. К вопросу о военной демократии. Труды ИЭ, н. с., т. LIV, 1960, с. 245. — В последней работе указывается также, что «военная демократия» исторически не универсальна и этим отличается от патриархата и матриархата. Эту мысль развивает также А. М. Хазанов (Хазанов А. М. Военная демократия и эпоха классообразования. — ВИ, 1968, № 12), предлагая расценивать «военную демократию» лишь как частный эпизод в истории человечества, который многие народы просто миновали в своем развитии. Тем не менее этот термин все еще продолжает использоваться в научной литературе, очевидно, как дань традиции или просто по инерции. — Averkieva P. 1) On the role of military democracy in the history of society. Доклад на VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Токио. М., 1968; 2) О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки. — СЭ, 1970, № 5; Авдиев В. И. Военная демократия и классовый характер древнейшего государства. — ВИ, 1970, № 1; Хмелинский В. М. О понятии «военная демократия». — СЭ, 1973, № 4.

⁵ Это положение пытается оспаривать Жанмэр (Jeanmaire H. Courroi et Couretes. Lille, 1939, p. 44 sq.), утверждая, как нам кажется, совершенно бездоказательно, что политически правоспособную часть общины составляла только военная знать — *λαός*, но никак не *δήμος*. Дела, входящие в круг компетенции народного собрания, обозначаются в «Одиссее» (II, 32) термином *δήμιον* (ср. II. XVII, 250; Od. XX, 264), хотя, если встать на позицию Жанмэра, следовало бы ожидать, что поэт употребит в этом случае соответствующее прилагательное, образованное от *λαός*.

⁶ Оба термина *αγορά* («собрание») и *θέμις* («закон», «судоговорение») объединены также в описании ахейской агоры (II. XI, 807), и это, по-видимому, не случайно, ибо именно судопроизводство составляет важнейшую функцию гомеровского народного собрания. Воплощающая в себе понятие *θέμις* богиня Фемида выступает у Гомера в качестве верховной блюстительницы народных собраний, которые она созывает и распускает в положенное время (Od. II, 68 сл.; ср. II. XX, 4).

⁷ В процедуре собрания многое остается неясным. Нельзя сказать с уверенностью, кто имел право выступать перед народом: только ли лица, облеченные властью (цари и геронты), или же также и рядовые граждане. Как правило, держат речи в собрании представители первой из этих двух категорий, хотя некоторые из них, вероятно, могли в случае необходимости изображать и «людей из народа». Напр., Полидамант (II. XII, 213), Диомед (II. VII, 406 сл.), возможно, даже Ахилл в I песни. Единственный во всей гомеровской поэзии случай, когда слово в собрании берет подлинный представитель народной массы это — выступление Терсита (ср. II. X, 314 слл.; Od. XXIV, 442 слл.). Поэт, однако, вводит этот эпизод в свое повествование лишь для того, чтобы показать бессилие демагога-простолоудина в хорошо устроенном аристократическом обществе. Выступление Терсита может расцениваться, как непредусмотренная регламентом собрания реплика с места, вопиющее нарушение этикета, за которое крикун тут же расплачивается своей спиной. Поэт подчеркивает это, называя речи Терсита *ἀχόρμα, οὐ κατὰ χόρμον* (II. II, 213), а его самого *αἰετροετής* (ibid., 212). Удел «мужей из народа», как об этом сказано несколькими строками выше (ibid., 200 сл.), — «спокойно сидеть на своих местах и внимать тому, что скажут другие, лучше, чем они». Еще одна немаловажная деталь: Терсит, вопреки обыкновению гомеровских ораторов, говорит без скипетра, вероятно, не имея права держать его в руках. В то же время скипетр является орудием наказания за его проступок. Глотц и некоторые другие авторы усматривают в этом свое-

образную политическую символику (Glötz G. La cite Grecque. P., 1928, p. 61; Finley M. I. The world of Odysseus. Harmondsworth, 1962, p. 130). Вместе с тем Терсит охарактеризован Одиссеем, хотя, вероятно, не без оттенка иронии, как завзятый оратор (ibid., 246: *λύγος ἀφωρητής*). Он уже не в первый раз выступает перед народом с нападками на царей (ibid., 213 слл.). Вся сцена «посрамления» может быть истолкована как отклик на политическую «злобу дня». Вероятно, в то время, когда создавалась «Илиада», такие нарушения искони заведенного порядка в собрании стали обычным явлением, в дальнейшем же постепенно перешли в систему, открыв дорогу на ораторскую трибуну выходцам из простонародья наравне с природной знатью. Поэт и его слушатели, однако, еще хорошо помнят то время, когда основная масса демоса либо вообще была лишена права голоса, либо обладала им лишь в ограниченной степени, например, могла отвечать на прямо к ней обращенные вопросы, как об этом говорит Тиртей в своем переложении «Ликурговой ретры» (Турт. fr. 3a: *ἐπειτα δὲ δῆμότας ἀνδράσιν εὐθείην ῥήτρας ἀτάσσει Βορένους*). Как остроумно заметил Вилламовиц (Wilamowitz U. Die Ilias und Homer. B., 1920, S. 272), говоря о сцене с Терситом, «конституция здесь еще спартанская, но дух уже всецело ионийский»; ср.: Busolt G. Griechische Staatskunde. Hält I. München, 1920, S. 336; Griffith G. T. Isegoria in the Assembly at Athens. Ancient society and institutions. — In: Studies pres. to V. Ehrenberg. Oxford, 1966, p. 177 sq.

⁸ Fanta A. Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck, 1882, S. 87; Moreau F. Les assemblees politiques d'apres l'Iliade et l'Odyssee. — REG., VI, 1893, p. 204 sq.; Finsler G. Homer. Bd. I. Leipzig—Berlin, 1914, S. 203, 206, 215; ср.: Grote G. A history of Greece. Vol. II. L., 1869, p. 67 sq.; Busolt G. Op. cit., I, S. 335.

⁹ Сама процедура принятия решения нигде не обрисована с достаточной ясностью. Собрание обычно заканчивается криками народа, который таким способом выражает свое одобрение или неодобрение речи очередного оратора (II. II, 394; VIII, 543; XVIII, 310; Od. XXIV, 463), хотя по определениям крика, которые дает Гомер, не всегда можно понять, что именно чувствует толпа и на чьей она стороне. В некоторых случаях участники собрания расходятся молча, хотя решение все равно считается принятым (II. VII, 379; Od. VIII, 46). Голосование путем поднятия рук в эпосе не упоминается ни разу (ср.: Морган Л. Г. Указ. соч., с. 142). Можно предположить однако, что Гомеру была уже известна процедура «расстановки» собрания (*διατάσεις*), практиковавшаяся в более позднее время в некоторых греческих государствах. Так может быть истолкована, например, сцена народного собрания в заключительной части «Одиссеи» (XXIV, 463 слл.; III, 150 слл.; ср. VIII., 505 слл.); ср.: Busolt G. Op. cit., I, S. 337; Glötz G. Op. cit., p. 65, 69; Martin R. Recherches sur l'agora Grecque. P., 1951, p. 34.

¹⁰ Правда, в II. IX, 333 слл. раздел добычи осуществляет сам Агамемнон. Противоречия здесь, однако, нет, так как поэт, вероятно, подразумевает, что он делает это с согласия других ахейцев; ср. II. XI, 685 слл.

¹¹ Нетрудно заметить, что эпизоды такого рода группируются преимущественно в «Одиссее» — более поздней из двух гомеровских поэм. Возможно, в этом сказывается определенное усиление демократических тенденций в жизни греческого общества в конце гомеровского периода в связи с начавшимся формированием полисного строя. — Glötz G. Op. cit., p. 69; Martin R. Op. cit., p. 32 sq.

¹² Во всем этом проявляется определенная внутренняя противоречивость и непоследовательность гомеровских воззрений на роль народной массы. Подымая демос в социальном плане на уровень аристократии и всячески облагораживая его (с. 74), Гомер в то же время не очень высоко оценивает его политические возможности, третируя его как ни на что не годную массу простонародья. — Кагаров Е. Г. Общественный строй греков гомеровской эпохи. — СЭ, 1937, № 4, с. 56: «Миссия народа — пассивная и чисто декоративная: он лишь выслушивает решения базилевса и его советников, принимая их к сведению и беспрекословному исполнению».

¹³ В понимании Фанты (Fanta. Op. cit., S. 87) Агамемнон здесь использует принадлежащее ему в отношении народного собрания право veto. С этим, однако, трудно согласиться. Строго говоря, Агамемнон в этом эпизоде не налагает запрет на решение народа, а просто отказывается его выполнить, поскольку оно касается лично его. Точно также поступает и Парис, отказываясь выдать Елену (II. VII, 362 слл.); ср.: Moreau F. Les assembles... — REG, VI, 1893, p. 232.

¹⁴ Во всех этих случаях Гомер, безусловно, осуждает «тирана» (или «тиранов») и жалеет народ как жертву «сильных мира сего». Но в то же время он показывает, что обуздать гордыню тиранической личности может лишь равный ей по силе и значению индивид, отнюдь не народ. По существу своим молчанием demos поддерживает «врага общества» и внушает ему уверенность в том, что его деяния останутся безнаказанными. Не случайно Телемах подозревает граждан Итаки в том, что они за что-то ненавидят его отца и поэтому нарочно подстрекают женихов грабить его дом (Od. II, 71 слл.).

¹⁵ Ср.: Finley M. I. Op. cit., p. 107 sq.

¹⁶ Это хорошо понимает сам «укротитель» смутьяна Одиссей. — Ibid, 284 слл.

¹⁷ Петрушевский Д. М. Общество и государство у Гомера. М., 1913, с. 11. — «Изобразить все это было во власти поэта, но едва ли было во власти Одиссея все это вызвать в действительности».

¹⁸ Wilamowitz H. Op. cit., S. 272; ср.: Лосев А. Ф. Гомер. М., 1960, с. 100.

¹⁹ Usener H. Kleine Schriften. Bd. IV. Lpz.—B., 1914, S. 239 f.

²⁰ «Теоретически» Гомер, по-видимому, признает, что все это народ делает добровольно, из одного лишь пиетета перед царями (на это указывает формула «θεός ως τίςτο δῆμο» II. V, 78; X, 33; XIII, 218). В то же время он прекрасно понимает, что власть невозможна без применения силы, которая в некоторых случаях, как, например, в сцене умиротворения войска в «Илиаде», выливается в прямое насилие над массой; ср.: Finley M. I. Op. cit., p. 96 sq.

²¹ Hoffmann W. Die Polis bei Homer.—Festschrift B. Snell München, 1956, S. 157 f.; Finley M. I. Op. cit., p. 112 sq.

²² Они же — βουλευφόροι, ἀγορηταί, διχαυπόλοι и т. д.

²³ Busolt G. Op. cit., I, S. 335. — В сущности гомеровское народное собрание есть не что иное, как открытое заседание совета старцев (βουλή) на котором могут присутствовать, а в некоторых, предусмотренных обычаем случаях также и подавать голос рядовые члены общины. На это указывает довольно обычное у Гомера смещение понятий совета и собрания (II. II, 202; XII, 211 слл.; Od. IX, 112); см.: Glotz G. Op. cit., p. 54; Петрушевский Д. М. Указ. соч., с. 18, 25; ср. Морган Л. Г. Указ. соч., с. 142.

²⁴ Schol. ad II. IX, 17 (со ссылкой на Аристотеля): «Народ имел право только слушать, предводители же могли и действовать».

²⁵ Лурье С. Я. История Греции. Л., 1941, с. 83.

²⁶ Впрочем, представление о народе как единственном источнике и гаранте всякой общественной власти, обычное в современной теории государства, Гомеру, по всей вероятности, было чуждо. Немецкие историки старой юридической школы (Фанта, Бузольт, Финзлер и др.) неизбежно впадают в заблуждение, пытаясь найти в эпосе иерархию властей, в которой одна единственная власть, единоличная или, наоборот, коллективная рождает из себя все остальные. Гомеровские цари не были магистратами в обычном понимании этого слова, т. е. избранными на определенную должность представителями народа. Их власть не вручена им народом, а дана свыше (народ может даровать царю лишь его темен, так как он является частью общинного имущества). В «теории» царь (или цари) и народ являются двумя равноправными суверенами общины и должны действовать в добром согласии друг с другом. На это указывают встречающиеся в поэмах образцы «официальной» фразеологии. Так, принося клятву перед поединком Менелая с

Парисом (II. III, 276 слл.), Агамемнон говорит в одно и то же время и от своего лица и от лица всех ахейцев; ср. II. VII, 386; Od. VIII, 157.

Также этолийские старцы обещают Мелеагру в виде награды большой надел лучшей земли, если он отразит от города врагов-куретов, не спрашивая народ о его согласии (II. IX, 574 слл.; ср. XXII, 119 сл.); ср.: Finley M. I. Op. cit., p. 110 sq.

²⁸ Ср.: Косвен М. О. К вопросу... — Труды ИЭ, п. с, т. LIV, 1960, с. 256. — «...Если эпос усиленно подчеркивает господствующее положение знати, то все это отражает не столько действительные общественные отношения, сколько тот социальный заказ, во исполнение которого слагались и исполнялись гомеровские песни».

²⁹ Тронский И. М. Проблемы гомеровского эпоса. — В кн.: Гомер. Илиада. М.—Л., 1935, с. XLVIII: «Хозяйственная мощь индивида начинает превалировать над его значением как носителя мощи рода...»; ср.: Лосев А. Ф. Гомер. М., 1960, с. 170 сл. — О индивидуалистической тенденции в эпосе см.: Chadwick H. M., Chadwick N. K. The growth of literature. Vol. I. Cambridge, 1932, p. 80 sq.

³⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 105 (со ссылкой на Шёмана): «...когда идет речь о деле, для выполнения которого требуется содействие народа, Гомер не указывает нам никакого способа, которым можно было бы принудить к этому народ против его воли»; см. также: Петрушевский Д. М. Указ. соч., с. 8.

³¹ Безусловно, если не во всех, то по крайней мере в некоторых из этих эпизодов современный материал накладывается, как это нередко бывает у Гомера, на традиционную, возможно, еще микенскую основу. Однако выявить этот поэтический архетип в данном случае нам едва ли удастся, так как мы практически ничего не знаем о политическом статусе и функциях народного собрания в микенских государствах. Анализ термина «damo» в табличках линейного письма Б пока еще, к сожалению, не внес contributory ясности в этот вопрос. — Maddoli G. Damos e basilees. Contributo allo studio delle origini della polis. — SMEA, XII, 1970 с указанием более ранней литературы.

³² Lesky A. Homeros. — RE, Suppl. XL Stuttgart, 1968, S. 693. — С указанием важнейшей литературы по вопросу.

³³ Морган Л. Г. Указ. соч., с. 142.

³⁴ Straßburger H. Der Einzelne und die Gemeinschaft im alten Griechenland. — In: Zur griechischen Staatskunde. Hrsg. Fr. Gschnitzer. Darmstadt, 1969, S. 104. — Термин «род» здесь, как и в последующем изложении, употребляется условно для обозначения круга родственников, связанных взаимными обязательствами в случае кровной мести и т. п. ситуациях; ср. выше, с. 76.

³⁵ «Рыхлым союзом равноправных и юридически, а также фактически почти независимых от общины магнатов» называет гомеровский полис Эд. Мейер (Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. II. Stuttgart, 1893, S. 307); ср.: Петрушевский Д. М. Указ. соч., с. 20 слл.

³⁶ Glotz G. Op. cit., p. 66.

³⁷ В системе управления гомеровского полиса агора выполняет главным образом функцию индикатора общественного мнения, к которому должны прислушиваться, но с которым не всегда обязаны считаться цари. Лишь при условии абсолютного единодушия в своей среде народ бывает способен навязать царю или царям свою волю. См.: Busolt G. Op. cit., I, S. 336: «Общественное мнение было силой, и считалось неразумным действовать вопреки ясно выраженной воле народа»; см. также: Glotz G. Op. cit., p. 62 sq.; Grote G. Op. cit., II, p. 66 sq.; ср.: Moreau F. Les assembles — REG, VI, 1893, p. 229 sq.; Finsler G. Das homerische Königtum. — Neue Jahrb. Kl. Alt., XIX, 1907, S. 321 f.; Martin R. Op. cit., p. 25 sq.

³⁸ Власть царя, хотя она и далека от того, чтобы быть признанной абсолютной монархией, ограничена не столько контролем со стороны народного

собрания, сколько соперничеством других царей; ср.: Moreau F. Les assembles... - REG, VI, 1893, p. 320.

³⁹ Hasebroek J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931, S. 125; Mazzarino S. Fra Oriente e Occidente. Firenze, 1947, p. 225 sq.; Huxley G. L. The early Ionians. L., 1966, p. 47 sq.

⁴⁰ Это не означает, конечно, что основная масса населения полиса находилась на положении «слуг» или фетов в домах знати. Для большинства рядовых общинников их зависимость от царей выражалась лишь в эпизодических подношениях «даров» и участии в их военных и политических авантюрах. Во всем остальном они были вполне свободными и правоспособными людьми. — Hasebroek J. Op. cit., S. 20 f.

⁴¹ Освобождение от родовой опеки не означало, конечно, немедленного улучшения положения крестьянства. Во многих случаях имела место как раз противоположная тенденция, так как не связанный с родовым коллективом л, следовательно, не пользующийся его защитой и покровительством мелкий землевладелец становился легкой добычей для окружавших его хищников и вымогателей, что нередко снова вынуждало его искать себе патрона среди «сильных людей». — Starr Ch. G. The origins of Greek civilization. N. Y., 1961, p. 313 sq.

⁴² На это указывает, с одной стороны, выделение в составе аттических фратрий внеродовых объединений тиасотов и оргеонов, с другой же, обособление от общей массы фратеров замкнутых аристократических γένη — Busolt G. Op. cit., I, S. 252 f; II, 959; Ferguson W. S. The Athenian Phratryes. — CPh., V, 1910, p. 262 sq.; Andrewes A. Philochoros on Phratryes. — JHS, 81, 1961, p. 2 sq.

⁴³ Эта необходимость усугублялась, с одной стороны, отсутствием постоянных дружин, с другой — массовым вооружением самого демоса. Факт всеобщего вооружения народа, на который обращает особое внимание Энгельс (см.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 105), подтверждается материалом захоронений раннежелезного века. Преобладающее большинство мужских погребений, открытых на афинском Керамике, содержит железные или (в ранних могилах) бронзовые мечи. — Kraiker W., Kübler K., Kerameikos I. Die Nekropolen des 12 bis 10 Jh. B., 1939, S. 172.

⁴⁴ На сопоставлениях такого рода основана известная и во многом до сих пор еще не утратившая своего значения книга Чедвика «Героический век» (Chadwick H. M. The heroic age. Cambridge, 1912, гл. XVI—XVII).

⁴⁵ Политическое господство знати достаточно ясно очерчено как в «Записках о галльской войне», так и в «Германии». Так Цезарь категорически утверждает, что «народ (plebs) у галлов находится почти в рабском положении, сам по себе ни на что не отваживается и не принимает участия ни в каких совещаниях» (Bell. Gall. VI, 13). Народное собрание, правда, существовало у большинства галльских племен и, как кажется, пользовалось определенным авторитетом. Не случайно честолюбцы, домогающиеся царской власти вроде Оргеторига у гельветов, Думнорига у эдуев, Верцингеторига у арвернов, всеми средствами — лестью, подкупом, уговорами — пытаются привлечь народ на свою сторону. Во всех этих случаях, однако, едва ли имеется в виду прямое обращение к народу через головы его «вождей» из знати.

⁴⁶ Об исландском «народовластии» см.: Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии. М., 1957; ср.: Sveinsson E. O. The age of the Sturlungs. N. Y., 1953, p. 9 sq.; Гуревич А. Я. Колонизация Исландии. — Учен. зап. Калнинск. пед. ин-та, т. 35, 1963, с. 237 слл.

⁴⁷ Ссылки даются по изд.: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.

⁴⁸ Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966, с. 24.

⁴⁹ Сам этот режим, очевидно, еще нельзя назвать «олигархическим», хотя олигархия, так же как и тирания, может зародиться в его недрах; ср.:

Calhoun G. M. Classes and masses in Homer. — CPh, XXIX, 3, 1934, p. 308.

⁵⁰ Wade-Gery H. T. Studies in the structure of Attic society. II. — CQ, XXVII, 1, 1933, p. 22 sq.

Заключение

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 108.

² Как указывает Я. А. Ленцман, сам термин «микенская культура» был впервые введен в научный обиход в книге Фуртвенглера и Лёшке «Mykenische Vasen» в 1886 г., т. е. спустя два года после выхода в свет книги Ф. Энгельса (Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, с. 97).

³ Starr Ch. G. The origins of Greek civilization. N. Y., 1961, p. 77sq.; Ленцман Я. А. Указ. соч., с. 193 слл.

⁴ Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949, с. 76 слл.; Willetts R. F. Cretan cults and festivals. L., 1962, p. 38.

⁵ Конечно, распаду социальных и политических структур микенской эпохи в немалой степени способствовали «смуты» конца XIII—XII вв. до н. э. В Египте и других странах Востока распространение железной индустрии происходило в более спокойной обстановке и поэтому не могло оказать столь сильного воздействия на организацию общества; ср.: Штаерман Е. М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, ч. 1. М., 1968, с. 651.

⁶ Ср.: Starr Ch. G. Op. cit., p. 74.

⁷ По вопросу о датировке возникновения полиса см.: Ehrenberg V. When did the polis rise? — JHS, 57, 1937, p. 147 sq. — Автор, на наш взгляд, слишком завышает эту дату, относя установление полисного строя ко времени около 800 г. до н. э.; ср.: Starr Ch. G. Op. cit., p. 337.

⁸ Finley M. I. The world of Odysseus. Harmondsworth, 1962, p. 68.

⁹ Glotz G. Histoire Grecque. T. 1. P., 1925, p. 126.

¹⁰ На роль военного фактора в становлении полиса указывает К. Маркс. — См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 465; ср.: Starr Ch. G. Op. cit., p. 342.

¹¹ Обстоятельную характеристику варварского общества на средневековом европейском материале дает А. Я. Гуревич (Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970).

¹² Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959, с. 120 слл.

¹³ Ср.: Берзин Э. О. Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций. — В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966, с. 70.

Оглавление

От автора	3
Вступление. Гомер и история	5
Глава I.	
От микенской цитадели к городу-государству (археологическая картина периода)	13
Глава II.	
Гомеровский полис	32
Глава III.	
Полис и царская власть	46
Глава IV.	
Основные структурные элементы гомеровского полиса. Семья и гетерии	71
Глава V.	
Цари и народ. К вопросу о «военной демократии»	92
Заключение	111
Примечания	116

Андреев Юрий Викторович

Раннегреческий полис
(гомеровский период)

Редактор *В. В. Макарова*

Техн. редактор *А. В. Борщева*

Корректоры *М. В. Уиковская, А. С. Качинская*

М-32610. Сдано в набор 9 IV 1976 г. Подписано к печати 23 VI 1976 г.
Формат бумаги 60х90Vi6. Бум. тип. № 3. Уч.-изд. л. 10,32.

Печ. л. 9. Бум. л. 4,5. Тираж 5400 экз.

Заказ 270. Цена 74 коп.

Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова. Ленинград, 199164. Университетская наб., 7/9.

Типография ЛГУ им. А. А. Жданова. Ленинград, 199164. Университетская наб., 7/9.